

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ
ЗАПИСКИ
УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В. Г. БЪЛИНСКАГО.
ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И СЪ ПРИМЪЧАНІЯМИ
С. А. Венгерова.
ТОМЪ VII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Печать»
Вольная Подъёмная, 20.

В. Бѣлинскій

7
2014
Часть VII

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 7 (66) / 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображен Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848) — русский мыслитель, писатель, литературный критик, публицист, философ-западник.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Конверс», г. Казань, ул. Сары Садыковой, д. 61

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Художник: Евгений Шишков

Верстка: Павел Бурьянов

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Бектурдиев Ш.К.**
Из истории городов-крепостей Хорезма
(на примере развития городов правобережья
Амударьи в IV–I века до нашей эры)..... 575
- Рахманова Ю.М., Камалова Н.П.**
Арминий Вамбери — исследователь Центральной
Азии..... 577
- Рахманова Ю.М., Камалова Н.П.**
Основные отрасли экономики города Хивы
и их развитие во взаимосвязи в XVI — начале
XX века 578
- Счастливая Д.Н.**
Краткий обзор богов-врачевателей Древней
Греции..... 580
- Туаева Б.В.**
Современные тенденции развития
филантропической деятельности горожан:
истоки и новые формы..... 583
- Тухбатова Ч.И., Миннибаев Б.И.**
Роль рабочего класса в подъеме промышленности
районов Западного Предкамья Татарской АССР
в 1950-х — 1960-х гг. (сравнительный анализ
некоторых районов на примере Республики
Татарстан). 586
- Тюрина К.В.**
К проблеме изучения правовых основ
столыпинской аграрной реформы
начала XX века 589
- Шемаев А.А.**
Деятельность профессора Н. В. Рязанцева
во Владикавказе (1920–1930)..... 591

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Авдеев И.М.**
Формы реализации народовластия 595
- Куколев А.В.**
Политическое участие молодёжи
в избирательном процессе в эпоху перехода
к информационному обществу 597
- Леви Д.А.**
Общество и государство в электронном
информационном пространстве от государство-
медиа к мы-медиа: трансформация влияния
информационных технологий на политический
процесс в период 1998–2010 гг..... 599
- Холов Ю.Ш.**
Стратегия нового Шелкового пути:
проблемы и перспективы 604

СОЦИОЛОГИЯ

- Бурко Р.А., Терёшина Т.В.**
Социальные сети в современном обществе 607
- Жукова М.И.**
Международная образовательная деятельность
Астраханского государственного
университета..... 609
- Каманина Ю.О.**
Политическая социализация студенческой
молодёжи (на примере Астраханского
региона) 611
- Киселев М.И., Шаркова Т.И.**
Исторические предпосылки формирования
понятий «милосердия»
и «благотворительность» 613

Сааков В.А.
Информационный ресурс и его роль
в социальном управлении муниципальным
образованием..... 616

Сухарькова М.П.
В каких случаях «внешнее» объяснение
не совпадает с «внутренним» объяснением
(т. е. объяснением с точки зрения участника
событий)? 619

ФИЛОЛОГИЯ

Аюпова Д.И.
Синтез Запада и Востока в «Западно-восточном
диване» Гёте 621

Грищенко Я.С.
Судьба как лингвокультурный маркер русской
и английской картин мира 623

Железцова М.Ю.
Педагогический дискурс как объект
исследования каузальности речевых актов.... 625

Конева Е.А.
Особенности немецкого акцента 628

Курбанова Д.А.
An approach to culture-bound elements
in translation 630

Амири М.А., Мадаени А.А.
Перевод реалий с русского языка на персидский
на примере русских народных сказок 632

Никифорова К.А., Гредина И.В.
Интерференция в терминологии
нефтегазодобывающей отрасли и термодинамике
(на примере материала китайского, английского
и русского) 635

Протасенко М.В., Гредина И.В.
Способы перевода сокращений в области
металлургии (на материале русского
и английского языков)..... 637

Саттарова А.Ф.
Связанность как лингвистическая
категория текста 639

Уматова М.Б.
Сравнительный анализ модальных глаголов
в английском и узбекском языках..... 641

Фазилова К.Б.
Историзм эпопеи Мухтара Ауэзова
«Путь Абая»..... 643

Халилов Ф.Ю.
Представления русскоязычному читателю поэта
Южного Азербайджана Мирза Али Моджуза... 645

ФИЛОСОФИЯ

Бобоёров Б.Н.
Social and philosophic principles of resolving the
ethnic and interethnic contradictions 648

Бурко Р.А., Брагина Е.А.
Религия как форма духовной культуры..... 651

Бутина А.В.
Интеллектуалы в сетевых сообществах:
социально-философский анализ 653

Епанчинцев В.В.
Романтическая ирония как «лезвие Оккама».. 655

Епанчинцев В.В.
Социально-философский феномен
журнализма..... 657

Kutsowa E. L., Zayats Z. V.
Das Problem des Wertewandels in der modernen
Gesellschaft 660

Рябов А.А.
Попытка диалектического определения
эстетических категорий прекрасного
и безобразного 662

Яковлева Е.З.
Религия и наука о сущности человека 666

ИСТОРИЯ

Из истории городов-крепостей Хорезма (на примере развития городов правобережья Амударьи в IV–I века до нашей эры)

Бектурдиев Шомурат Курбандурдиевич, старший преподаватель
Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

Как известно из истории, в IV веке до нашей эры под ударами армии Александра Македонского прекратило своё существование государство Ахеменидов в Иране. Пользуясь этим, Хорезм восстановил свою независимость. На рубеже V–IV веков до нашей эры Хорезм, выйдя из состава государства Ахеменидов, претерпел процесс урбанизации, в результате которого появилось много городских центров и расширились границы его культурного региона. Смерть Александра во время его похода в Индию в 325 году до н. э. привела к снижению роли македонцев в Центральной Азии. Теперь греко-македонцы не правили на этой территории единолично, а стали править вместе с местными правителями. Эта эпоха называется в истории нашей страны эпохой Греко-Бактрийского государства. В эту эпоху на территории Центральной Азии распространилась греческая или эллинистическая культура, которая считалась в своё время передовой. Этот процесс не обошёл и древний Хорезм.

В античное время особенно возвысилось ремесло Кангюско-Хорезмийской культуры. В эту эпоху появились укрепленные поселения треугольной формы, сохранившие в себе порядки родовой общины. В основном они состояли из двух кварталов. В поселении имелся «Дом Огня», являющийся центром общественной жизни. Порядок строительства городов повторяет порядок сельских построек. В развитии ремесла были достигнуты некоторые успехи. Предметы домашнего обихода, здания украшались различными росписями, отличались друг от друга цветом этих росписей. Распространённые в это время узкогорлые сосуды с ручками, опоясанные узором, считаются образцом керамического искусства. Росписями украшались и другая посуда. Найденные в Узбекистане монеты государства Кангли отчеканены именно в это период.

IV–I века до н. э. являются периодом расцвета древнего Хорезма. На территории Узбекистана есть много памятников этой эпохи. Все античные города-крепости Хорезма строились в целях защиты оазиса от набегов соседних степных племён. На правобережье Амударьи крепости расположены вдоль реки с востока на запад. К ним

относятся Джанбаскала, Базаркала, Кургашинкала, Кырккызкала, Аязкала, Бурикала и Топраккала. илган. Укрепленные оборонительные крепости и крупные ирригационные сооружения, основанные на единой планировке, говорят о том, что Хорезм в это время был могущественным централизованным государством [1, с. 75].

М. Мамбетуллаев предлагает делить градостроительное развитие на территории Хорезма на нижеследующие хронологические этапы:

- а) города доахеменидского периода или раннего железного века (VII — середина VI вв. до н. э., Кузаликир);
- б) города ахеменидского периода (середина VI в. до н. э. — V в. до н. э., Калаликир, Дингилжа);
- в) города раннего античного периода (конец V в. до н. э. — III в. до н. э., Базаркала, Гулдурсун, Козоклиятган и др.);
- г) города переходного периода эталонных археологических комплексов (II в. до н. э. — I в. до н. э., в Хорезме пока не найдено таких памятников);
- д) города кушанской эпохи или позднего античного периода (II–IV века, Топраккала) [2, с. 76–78].

Города-крепости Хорезма являлись экономическими, политическими, религиозно-идеологическими центрами. Как подчёркивал в своё время С. П. Толстов, если в центре самых древнейших городов Хорезма располагались общественно-религиозные здания, то к началу нашей эры центр города занимала крепость. В формировании древней городской культуры Хорезма, как и во всей территории Центральной Азии, главное место занимали такие факторы, как переход к оседлому земледелию, формирование ирригационной системы, строительство поселений оседлых земледельцев, внешние влияния и культурные связи. Это значит, что в формировании раннего градостроительства в Хорезме преобладали местные традиции.

Развитие городов раннего античного периода в Хорезме продолжалось очень долго и подвергалось изменениям, но несмотря на это для этого процесса характерно в некоторой степени единство всех сфер. Например,

на всех этапах истории древнего Хорезма и в строительных работах жилых построек, и в строительстве оборонительных сооружений наблюдаются общие особенности. Во всех зданиях применялись крупные кирпичи квадратной формы, размером 40 x 40 x 10 сантиметров, иногда чуть больше или чуть меньше [3, с. 91]. Кирпичи укладывались наклонно. Купола полукруглой или эллипсоидной формы, система оборонительных сооружений с высокими укрытиями для стрелков, маленькие стены-укрытия, «лабиринты» для защиты у ворот, башни квадратной или прямоугольной формы строились по основным принципам.

При археологических раскопках в крепостях были обнаружены трёхгранные кольцевидные скифские луки со стрелами, большие круглые каменные мельничные жернова, различные керамические изделия в большом количестве. Керамические изделия изготовлялись на гончарном круге, которые приводились в движение с помощью ног. Вид керамических изделий, покрытых красным ангобом или лаком, изменился очень мало. Хотя было множество украшений, древним хорезмийцам нравились бусы, изготовленные из стекла. Местные бусы изготавливались из кристаллов пирита, путём проделывания отверстий в минералах в форме маленьких призм. Каменные бусы встречаются реже.

В основе единства внешних признаков культуры лежит единство социально-экономического уклада. Памятников послеантичного периода несколько больше [4, с. 84–102]. Но античный период считается временем расцвета древней Хорезмийской цивилизации, и именно в это время проявились своеобразные и яркие особенности этой цивилизации. В IV в. до н. э. — I в. нашей эры Хорезм превратился в могущественное государство, занимающее большое место на политической карте Центральной Азии.

В ранний античный период — IV—I века до н. э. — огромные укрепленные «общие жилища» не строятся. Основными типами построек становятся города-крепости, внутри которых строится множество жилых построек, и отдельно построенные укрепленные дома-массивы, являющиеся основными типами жилища сельского населения (Койкрылганкала, Джанбаскала и др.). Место домов-кутанов (типа загонов) занимают сельские дома-массивы, которые свидетельствуют о том, что в это время изменилась роль скотоводства и земледелия в хозяйстве, а именно — земледелие становится высокоразвитым. В этот период были достигнуты успехи также и в строительстве ирригационных сооружений. Нижние слои Джанбаскалы относятся к этому периоду, в крепости имеется два 150–200 комнатных массива. Внешняя оборонительная система города защищала эти неукрепленные дома-массивы от набегов врагов. В каждый из этих домов-массивов помещалось от 500 до 1000 человек, то есть члены крупной родовой общины. Тамги (клейма, знаки), выбитые на стенах и на кирпичах, дают сведения о том, какие племена и роды там жили. В двух больших домах Джанбаскалы знаки и тамги, выбитые на стенах и на кир-

пичах, отличаются друг от друга, что говорит о том, что в них жили представители различных родов. Это различие приводило к тому, что у этих родов формировались свои обычаи. Каждый год среди двух фратрий проводились своего рода религиозные соревнования, которые переходили в настоящий бой.

Дуализм, основанный на таких представлениях, что материальный мир и мир ангелов враждуют друг с другом, характерная особенность зороастризма [5, с. 125]. Города и поселения Древнего Хорезма строились по дуальному принципу, то есть постройки в них делились на две половины — мужскую и женскую, что говорит о том, что здесь сохранились традиции «дуального родового строя», что стало благоприятной почвой для возникновения дуализма в зороастрийской религии. «Дома Огня» появились на последнем этапе материнского родового строя или матриархата, когда в условиях действия материнских прав стали появляться «Мужские дома» в качестве орудия в борьбе за овладение мужчинами господствующей роли в обществе.

Города и поселения в Хорезме кушанского периода коренным образом отличаются от городов и поселений Кангюйского периода. Кангюйские поселения отличаются многокомнатными, прочными и массивными общинными постройками. Путём объединения таких домов-массивов возникли многочисленные мелкие города типа Джанбаскалы. Характерно то, что в Кангюйский период дома аристократов не отличались от домов простых членов общины [5, с. 166]. В кругу свободной общины несомненно тоже было деление на касты или слои, но при изучении материальных памятников это различие очень трудно уловить. Так как в это время были очень сильны первобытные демократические традиции. Центр города занимал не дворец царя или правителя, а «Дом Огня», храм, принадлежащий всей общине. Этот социальный порядок, в известной степени, указывает на особенности Востока и частично напоминает рабовладельческую демократию древней Греции и Римской республики.

Оборонительные сооружения Кангюйского периода с типологической стороны можно разделить на три группы: сооружения неправильной планировки, связанные с рельефом местности, прямоугольной планировки и округленной планировки. Чтобы не было слабых мест в оборонительных сооружениях, не защищенных угловыми башнями, крепости иногда строились овальной или круглой формы. Планировки такого типа связаны с военными и религиозными задачами. К примеру, в крепости Кичик Кырккызкала овальная планировка требовалась с точки зрения военной задачи. А в Койкрылганкале круглая планировка больше связана с религиозной задачей [6, с. 70–71].

Таким образом, можно видеть, что планировка городов и поселений древнего Хорезма в период его расцвета сохранила в себе особенности первобытно-общинного, родового строя, в частности традиции матриархата, а также признаки соответствия военным (оборонительным) или религиозным задачам.

Литература:

1. Жабборов, И. Антик маданият ва маънавият хазинаси. — Т.:Ўзбекистон,1999.
2. Мамбетуллаев, М.М. Формирование городов Хорезма. // Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии. Тез. докл. международной конференции.-Самарканд,1995.
3. Толстов, С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. — М.:Наука,1948.
4. Толстов, С.П. Древний Хорезм. — М.:Наука, 1948.
5. Толстов, С.П. Қадимги Хоразм маданиятини излаб. — Т.:Фан,1964.
6. Ходжаниязов, Ғ. Қадимги Хоразм мудофаа иншоотлари. — Т.:Ўзбекистон,2007.

Арминий Вамбери — исследователь Центральной Азии

Рахманова Юлдузхон Мадиримовна, кандидат исторических наук, доцент;
Камалова Наргиза Пулатбаевна, магистрант
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

Арминий Вамбери родился в 1832 году близ венгерского городка Прессбург (который ранее назывался Эстергом), в еврейской семье.

Унаследовавший от отца любовь к книге, молодой Арминий впоследствии стал знаменитым исследователем и специалистом по Средней и Центральной Азии. Вамбери, ставший знаменитым ученым, был не только передовым человеком своей эпохи, но и крупным языковедом, политиком и географом. Вамбери, кроме изучения турецкого и персидского языков, хорошо знал узбекский, туркменский, киргизский и татарский языки. Он не хуже представителей духовенства знал мусульманские обычаи, обряды и ритуалы. Арминий Вамбери поставил перед собой цель — изучение Средней Азии.

Вамбери дважды путешествовал по Средней Азии. В первый раз он, не выходя за пределы границ Турции, в течение четырех лет изучал язык и обычаи этого народа и стал известным в Европе журналистом. Был избран членом — корреспондентом Академии наук Венгрии. Если его первое путешествие сделало его знаменитым в Европе, то второе путешествие прославило его на весь мир.

Вамбери, который боялся, что его в Средней Азии могут заподозрить в шпионаже и малейшая ошибка может привести к его гибели, входил в святейшие города Востока в облике дервеша-странника. «Дервеш» — странник Вамбери из Тегерена через Мазандаран выходит на Балх и к Каспийскому морю, после чего через пустыню Каракумы доходит до Хивы. Кроме трудностей жизни дервеша и жажды из — за безводья в невыносимую жару, ему угрожала другая опасность — Рашид Эфенди (на это имя ему дал паспорт турецкий посол), внешний облик которого совсем не похож на лица мусульман, был под пристальным наблюдением всех окружающих его людей.

Вамбери, которого тепло встретил Хивинский хан, всесторонне изучил Хиву. Он, будучи в Бухаре, Самарканде и других городах, собрал ценные сведения о трех ханствах Средней Азии — Хивинском, Бухарском и Кокандском.

Вернувшись на свою Родину, на основе своих наблюдений Вамбери в 1864 году написал книгу «Путешествие по Средней Азии». Это произведение вызвало большой интерес в Западной Европе, России и Северной Америке и был переведен почти на все европейские языки.

Большая часть этого произведения посвящена Хивинскому ханству. В данном произведении Вамбери описывает, как он оказался в Хиве, как его встретил Хивинский хан, дал подробные сведения о статусе Хивы в качестве столицы, об основных районах ханства, воротах и кварталах города, базарах, мечетях, медресе, миршабах (полицейские), хане и его правительстве, налогах и судах, административном делении. Кроме того, он пишет о каналах, об урожае от земледелия, ремесленниках и торговле, составе населения, в частности, об узбеках, каракалпаках, киргизах, сартах, персах.

Это произведение Вамбери, тем, что в XIX веке правдиво излагает историю Хивы, ханов и их хронологию, события, которых он увидел, прибыв сюда, имеет важное научное и источниковое значение. А. Вамбери указывает, что в Хивинском ханстве к 1863 году имелось 32 города. Говоря об узбеках, живущих на территории ханства, ученый подчеркивает, что они добродушны, честны и мужественны, гостеприимны, что здесь сохранились многие доисламские обычаи и традиции.

А. Вамбери, посетивший Хиву, стремится всесторонне описать вид данного города: «По мере приближения к Хиве чувствуешь, что зелени становится больше! В начале, когда я сравнивал не уходивший перед глазами страшный образ пустыни и Хиву, не думал, что он может быть настолько красивым. Даже после того, как я побывал в самых красивых местах Европы, Хива, имеющий маленькие дворики, окруженные высокими тополями, красивыми лугами и полями, не потерял для меня свою красоту. Поэты Востока могли бы здесь найти для себя более приемлимые темы. Хива, воздвигнутый среди садов, пробуждает в человеке положительные впечатления».

Вамбери подробно описывает такую демократическую особенность в государственном управлении, как «Выслушивание жалоб». «После обеденного намаза хан выходит наружу и выслушивает жалобы представителей народа. Кто бы не пришел к хану с жалобой, мужчина ли, женщина ли, или дети, в разной одежде, даже полуголые, допускаются к нему. Толпа стоит у дверей, поднимая галдеж. Их допускают к хану по одному. Вошедший человек очень близко подходит к хану и свободно может высказывать свою жалобу. Возражает хану, спорит с ним, зная даже, что по его указанию вмиг может оказаться в руках палача. К полуденному намазу этот приводящий к усталости ритуал завершается».

Хорезм издревле считается территорией с развитой культурой земледелия. Благодаря труду живущего здесь народа, несмотря на сложности эпохи и исторических условий, капризы природы, поля здесь расцветали. Вамбери продолжает: «Удивляешься тому, что в Среднеазиатской пустыне поля такие плодородные. Хотя рабочие действия, обработка земли остаются первобытными, урожай зерна бывает очень высоким».

В своих воспоминаниях Вамбери констатирует, в какой мере знамениты Хивинские персики и гранат. Вкусные плоды Хивы можно было найти в Иране, Турции, даже в Европе. Он пишет: «Из плодов края Хазараспские яблоки, Хивинские персики и гранаты, особенно сладкие дыни доходили до Китая. Императоры «Поднебесной» ежегодно просили, чтобы среди даров, посылаемых им, были сосуды с несколькими дынями».

Орошаемые богатыми на минералы водами Амударья земли ханства были очень плодородными. Вамбери подчеркивает: «Этой особенностью Амударья стоит выше Нила и Зарафшана. Самая хорошая пшеница и джугари выращивается в Бухаре и Хиве».

Исследования Вамбери являются важным источником в изучении истории узбекских ханств XIX в. Не случайно поэтому и то обстоятельство, что еще в то время его произведения были переведены почти на все европейские языки. Ряд произведений Вамбери о Средней Азии в свое время сыграли важную роль в ознакомлении мирового сообщества с историей и культурой народов Центральной Азии.

Основные отрасли экономики города Хивы и их развитие во взаимосвязи в XVI — начале XX века

Рахманова Юлдузхон Мадиримовна, кандидат исторических наук, доцент;
Камалова Наргиза Пулатбаевна, магистрант
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

Как известно, город и городская жизнь являлись одним из важнейших факторов формирования государственности на территории Узбекистана и сыграли заметную роль в ее дальнейшей эволюции. Возникнув в эпоху поздней бронзы, древнейшие города данного региона, переживая чередующиеся периоды подъемов и спадов, вместе с тем сохраняли свое значение в качестве центров политической, социально-экономической и культурной жизни.

Город Хива традиционно, еще задолго до освещаемых событий, являлся одним из крупных центров ремесленного производства в регионе [14, с. 331; 3, с. 286] Обретение городом столичного статуса в дальнейшем благотворно отразилось и на состоянии и эволюцию различных направлений ремесла.

Характеризуя жителей город Хивы, российский купец Ф. Скибин (1697 г.) писал о том, что население здесь не воинственное и по преимуществу занимается ремеслом [22, с. 266]

Основными направлениями ремесленного производства города являлись: изготовление головных уборов, предметов домашнего обихода, продуктов питания, пряжи, шелковых, полушелковых и всевозможных тканей, широкого ассортимента одежды для повседневной жизни и раз-

личных мероприятий, как то: свадьбы, праздники, похороны и т. п. Кроме того, широким спросом среди местного населения пользовалась такая продукция городских ремесленников, как кетмени, серпы, лопаты, пилы, топоры, иглы, подковы, замки, гвозди и другие предметы хозяйственной деятельности горожан.

Согласно данным источников к развитым отраслям ремесленного производства Хивы также относились: изготовление различных предметов из дерева, в частности, прядильных и ткацких станков, тележек, чигирей, детских колыбелей (*бешик*), сундуков (*аржа*), детских игрушек, декорированных столбов для веранд, сох, лотков, мельниц, дверей, специальных сундуков и шкафов для хранения посуды и др. [8, л. 16] выделка некоторых видов ковровых изделий — хурджунов, молитвенных ковриков (*жой намоз*), а также всевозможных изделий внутреннего интерьера и принадлежностей для верховой езды [5].

Политические и общественно-экономические процессы XIX — начала XX в. обусловили определенные изменения и в ремесленной жизни город Хивы, выражавшиеся, в частности, в формировании новых видов ремесел (производство огнестрельного оружия и др.) и профессий (настил железных кровель, укладка полов и др.). Широкое проникновение в регион товаров российской про-

мышленности стало причиной упадка отдельных отраслей традиционного ремесла. Тем не менее, продукция традиционного ремесленного производства продолжала пользоваться широким спросом.

Состояние ремесленного производства города находилось в непосредственной связи с уровнем развития торговли. Хива, являясь центром внутренней торговли ханства, была средоточием основных торговых операций, в которые, помимо собственно горожан, были вовлечены и приезжие торговцы. На базарах Хивы регулярно можно было встретить продукцию каракалпакских, туркменских, казахских и киргизских скотоводов, обмениваемую на товары местного производства [27, с. 21.]

Как свидетельствуют источники, в городе была создана сравнительно развитая инфраструктура, связанная с деятельностью зарубежных торговцев, и включавшая в себя, прежде всего, ряд караван-сараяв [4, р. 176].

Для улучшения внутренней и внешней торговли хивинскими правителями осуществлялась деятельность по строительству новых базаров. Так, в 1832 г. по приказу Аллакули — хана для строительства нового базара в восточной части города Хивы на площади 5–6 танапов (Во времена ханства в Средней Азии использовали единицу измерения танап. Чтобы мерить близкую площадь (1 танап равен (=) 3600 квадратных метров). было осушено озеро [2, с. 55; 15, с. 34–35]. В результате, был возведен и начал свою деятельность крупнейший рынок города, расположенный на площади 15 га. Кроме того, в рассматриваемый период действовали два крупных рынка в Ичан-калье вблизи ворот Палван-дарваза, а также старый рынок в восточной части внутреннего города, функционировавший с XVII в. [11, с. 32]

В целях активизации торговли на рынках ханства действовала практика установления непосредственно ханом определенных «базарных дней» для каждого города страны [22, с. 62; 16, с. 227; 25, с. 90]. Последнее давало возможность принимать участие в торговых операциях торговцам других городов. Для город Хивы такими днями являлись понедельник и четверг каждой недели [18, с. 69]. По свидетельству автора XIX в., на базары Хивы привозили на продажу крупный рогатый скот, верблюдов, лошадей, овец, зерновую продукцию, халаты, шелковые и ситцевые ткани, одежду, порох, орудия земледелия, двухколесные тележки, седла, принадлежности для верховой езды, лодки, уголь, соль и др. [19, с. 304] Торговля

осуществлялась как за наличный расчет, так и по товарному обмену.

Как и в других городах Средней Азии [13, с. 41], базары Хивы в структурном отношении подразделялись на более мелкие, специализировавшиеся на продаже какого-либо отдельного вида продукции и соответственно именовавшиеся [17, с. 046д]. Как показывают источники, в XIX в. городе действовали «хлопковый», «кунжутный», «зерновой», «рисовый», «табачный», «молочный» и другие виды базаров [7]. Помимо специализированных базаров, в различных частях города функционировали небольшие рынки — *чорсу*, осуществлявшие торговлю предметами повседневного быта. В процессе роста города, количество таких рынков увеличивалось; в конце XIX — начале XX в. в Хиве насчитывалось 15 *чорсу* [11, с. 33]. По свидетельству Худойберди ибн Кушмухаммада, по обочинам больших дорог действовали также небольшие «*раста-базары*», на которых торговали бакалейными товарами, а также различными видами готовой пищи [2, л. 200].

Важнейшей отраслью внутренней торговли являлась торговля зерном, являвшаяся, вплоть до установления цен, исключительной монополией хана. Любые нарушения в данном направлении жестко пресекались и карались вплоть до смертной казни нарушителя [25, с. 81].

Помимо функций торгово-экономического характера, базары играли заметную роль и в общественной жизни города. Здесь, в частности, зачитывали указы верховного правителя, наказывали провинившихся и т.д. [1, с. 161].

Начиная с последней четверти XIX в. растущие потребности российской текстильной промышленности в хлопке-сырце обусловили некоторые изменения в характере земледелия жителей Хивы, равно как и всего ханства.

Таким образом, в XVI — начале XX в. основными отраслями хозяйственно-экономической жизни город Хивы, в которых было занято подавляющее число горожан, являлись ремесло, торговля и земледелие. Выдвижение Хивы в качестве столичного города и центра экономической жизни ханства, в целом позитивно отразилось на состоянии данных отраслей и способствовало их дальнейшему развитию. Установление российского протектората и проникновение в регион новых форм хозяйственно-экономических отношений обозначили трансформационные тенденции в ведущих отраслях народного хозяйства ханства. Эти процессы приняли наиболее заметный характер именно в Хиве, как столице и крупнейшем экономическом центре ханства.

Литература:

1. Абулғозий. Шажарайи турк. — Ташкент: Чўлпон, 1992. — 189 б.
2. Худойберди ибн Қўшмухаммад. Дил-и ғаройиб. — ЎзР ФА ШИ, инв. № 1335, қўлёзма. — 266 варақ;
3. Shamsaddin Abu Abdollah Moxammad ibn Ahmad al-Maqaddasi. Descriptio impeii mosemlemici/Ed. M. J. Gorje. Lugduni Bataforum. Apud E. J. Brill. 1967. Bibliotheca geographorum arabicorum. III. — P. 286.
4. Shir Muhammad mirab Munis and Muhammad Riza mirab Agahi. Firdaws al-iqbal. History of Khorezm/Edited by Yuri Bregel. — Leiden, 1988. — 1280 p.
5. Фонд музея-заповедника Ичан-кальа. Инв. № КП 144 нақшли. Инв. квр. 3. КП 1283. Инв. квр. 5. КП 1285. Инв. квр. 7. КП 1287. Инв. квр. 9, КП 1286. Инв. Квр. 8, КП 1291. Инв. квр. 12.

6. Фонд музея-заповедника Ичан-Калъа. КП 1067, КП 1068, КП 1070, КП 1093, КП 1080, 1092, КП 1096, КП 1103, КП 1091, КП 1102, КП 1079, 1086, КП 1088, КП 1089, 1072, КП 1073, КП 1076 и др.
7. Фонд музея-заповедника Ичан-Калъа. КП 2388. Инв. 314 фото, КП 3157.
8. ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 502, л. 69.
9. ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 604, л. 16.
10. Абдурасулов, А. Социально-экономическая и культурная жизнь города Хивы в конце XIX — начале XX в. Дисс. ... канд. истор. наук. — Ташкент, 1988. — 171 с.
11. Абдурасулов, А. Хива (тарихий-этнографик очерклар). — Ташкент: Ўзбекистон, 1997. — 144 с.;
12. Агзамова, Г.А. Хиванинг хонлик пойтахтига айланишига доир айрим маълумотлар // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. — Ташкент, 1997. — №6-7. — с. 84-87;
13. Агзамова, Г.А. Сўнгги ўрта асрлар Ўрта Осиё шаҳарларида хунармандчилик ва савдо. — Ташкент, 2000. — 52 с.
14. Аҳмедов, Б. Тарихдан сабоқлар. — Ташкент: Укитувчи, 1994. — 432 с.
15. Аҳмедов, Б.А. Новые сведения о Хиве // Общественные науки в Узбекистане. — Ташкент, 1982. — №9. — с. 34-35.
16. Веселовский, Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. — СПб., 1877. — 364 с.
17. Город Хива и его здания // Туркестанский сборник. — СПб., 1873. Т. 42. — с. 046 д.
18. Данилевский, Г.И. Описание Хивинского ханства // Записки Русского географического общества. Кн. 5. — СПб., 1851. — с. 62-140.
19. Иванин, М. Хива и река Аму-Дарья // Туркестанский сборник Т. 50. — с. 295;
20. Из Средней Азии. Хива, город, страна и народ // Туркестанский сборник. Т. 42. — с. 104;
21. Краузе, И. О хивинском земледелии // Известия ИРГО. Том X. — СПб., 1874. — с. 40-46.
22. Материалы по истории Узбекистана, Таджикистана и Туркмении. — М. — Л., 1932. — 506 с.
23. Мирпанжий, И. Асирликдаги хотиралар. — Урганч, Хоразм, 1997. — 64 с.
24. Мухамеджанов, А.Р. Об этимологии топонима «Хива» и гидронима «Палваньяб» // Общественные науки в Узбекистане. — Ташкент, 1997. — №7-8. — с. 10.
25. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сию страну для переговоров. — М., 1822. Ч. I. — 179 с.; Ч. II. — 144 с.;
26. Садуллаев, А., Сотликов А., Абдуллаев О. Сайид Исломхужа. — Ташкент, 2005. — 120 с.
27. Юлдашев, М. К истории крестьян Хивы XIX века. — Ташкент: Фан. 1966. — 160 с.

Краткий обзор богов-врачевателей Древней Греции

Счастливая Дарья Николаевна, старший лаборант

Институт истории (филиал) Санкт-Петербургского государственного университета

Ключевые слова: Древняя Греция, история медицины, Прометей, Аполлон, Асклепий, Эпидавр, Махаон, Полидар, Эгла, Иасо, Панацея, Гигея.

Одним из главнейших аспектов жизни древнего эллина была религия, поэтому неудивительно, что медицина берет свое начало от сакральных таинств, проводимых жрецами божественных врачей. В самом начале своего пути античная медицина сочетала в себе магические формы врачевания с рациональными методами лечения. К божественным провидениям, что толковались жрецами, добавлялись знания врачей в области целебных свойств растений и различных ядов. Однако, в большинстве своем, вся слава доставалась именно богам.

Прометей — был одним из первых защитников людей, единственным титаном, не участвовавшим в титаномахии. Он добровольно перешел на сторону Зевса и других

богов. Согласно мифу, именно Прометей создал человека «смешав землю с водой» [1, I, 7, 1]. Он сделал это по воле Зевса, по подобию богов, смотрящих в небо [8, I, 82-86].

По другой версии Прометей со своим братом Эпиметеем, который был его полной противоположностью (сначала делал, а потом думал), создали людей и животных из огня и земли. Эпиметей настолько увлекся животным миром, что на человека почти не осталось «средств защиты» от внешних опасностей. Титан все потратил на создание идеальной фауны. Впоследствии, Эпиметей был низвержен в Тартар за участие в титаномахии. Прометей же остался на стороне олимпийцев. Однако, видя, как несправедливо Зевс обращается с людьми, что он

лишил их практически всего, Прометей выкрал огонь из мастерской Гефеста и Афины, и подарил его людям [11, 320d–321e]. В ответ на такую дерзость, Зевс лишил людей огня и приковал титана к горе, обрекая того на вечные страдания. Однако позже его освободил Геракл [1, I, 7, 1].

Также титан внес немало важное «уточнение» в процедуру жертвоприношения. Считается, что именно он подсказал людям приносить богам в жертву кости и жир животных, а хорошие куски мяса оставлять себе и использовать их в пищу [4, 538–541].

Аполлон. В древнегреческой мифологии Аполлон — яркий пример амбивалентного божества. Его хтоническая сущность, в первую очередь, противопоставляется его ипостаси бога-целителя [21, с. 93]. Уже у Гомера мы находим упоминания о данной стороне культа Аполлона: «Ты ж помоги мне, о царь! Уврачуй жестокую рану; Боль утоли и могущество даруй...» [5, XVI, 523–524, а также XVI, 656–683 и XXIV, 15–21].

У Аполлона было много прозвищ, связанных с врачеванием: *Алексикакос* (Отвратитель зла), *Иатромант* (Врачагадатель), *Алексий* (Целитель) и др. [17, с. 331]. Также известно прозвище *Делиец* [13, 154]. Считается, что оно было широко распространено на о. Делос, где Аполлон в первую очередь почитался именно как врачеватель. Часто встречается Аполлон-*Пеан* [6, 92]. Почитался и Аполлон-*Малеат*, культ которого широко распространился по всему Пелопоннесу [16, с. 143].

У Аристофана, известного комедиографа V–IV вв. до н. э., мы находим важное замечание, касающееся оплаты за лечение: «Пусть их лечит целитель тогда Аполлон! Пусть заплатят ему за лечение!» [3, 584]. Плата за исцеление была в то время обязательной. Хотя это скорее касалось религиозного врачевания. Нужно было не только заплатить, но и оставить в храме подарки. Часто это были фигуры частей тела, которые нуждались в исцелении, выполненные из драгоценных металлов.

Асклений. Его культ можно по праву считать одним из самых важных для древних эллинов. Есть некоторые составляющие, которые способны показать нам, почему именно этот бог стал так уважаем людьми. Однако, прежде чем начать рассмотрение главных аспектов культа, стоит обратиться к истории самого Асклепия. Мнения о происхождении бога-врачевателя разнятся. Лишь один факт во всех версиях остается неизменным: отцом Асклепия всегда был Аполлон. На этот счет тоже существует одно финикийское предание, о котором Павсаний узнал у встретившегося ему путника. «Асклений <...> это воздух, и поэтому он так необходим для здоровья людям <...>; а Аполлон — это солнце, которое сообщает здоровье и воздуху», именно поэтому «его очень правильно называть отцом Асклепия» [9, VII 23, 8].

Интересное упоминание мы встречаем у Пиндара, лирического поэта рубежа VI–V вв. до н. э. В одной из своих «Пифийских од», посвященной Асклепию, он пишет о проявлении чувств Аполлона к своему сыну. Несмотря на предательство Кронида (матери Асклепия), он не мог по-

жертвовать своим ребенком, поэтому Аполлон выхватил младенца из труп матери [10, III, 40–44]. Этот нюанс говорит нам о крепкой связи между отцом и сыном. Увы, в будущем она не является ярко выраженной. Однако мы хотели бы отметить, что в той же оде Пиндар пишет о том, как горевал Аполлон, когда Асклепия-мальчика совратили золотом, и он стал смертным [10, 48–76]. Согласно традиционному мифу учителем Асклепия в искусстве врачевания, после того, как тот стал смертным, нужно считать Хирона, знаменитого кентавра, наставника многих греческих героев [10, III, 1–7, 45; 1, III 10, 3]. Однако Асклепий оказался настолько талантливым учеником, что не просто превзошел своего учителя в области врачевания, он стал воскрешать мертвых. В этом ему помогала кровь из вен левой руки Медузы-Горгоны, которую он получил от Афины. Это настолько не понравилось Аиду, что по его просьбе Зевс был вынужден поразить Асклепия молнией [18, с. 124]. В ответ на что, Аполлон поднял восстание циклопов, и у Зевса не осталось другого выбора, кроме как оживить Асклепия, одарив его бессмертием [1, III 10, 3].

Считается, что Асклепия стали почитать как полноправного бога лишь с тех пор, как ему предоставили день в Элевсинских мистериях (Эпидаврии). После чего его культ начал быстро распространяться. Вполне вероятно, что он почитался как божество с самого начала, поэтому Эпидаврии лишь внесли небольшие изменения в систему жертвоприношений [9, II 26, 7].

Одним из главных атрибутов и символов Асклепия являлась змея. Легенда говорит, что когда он был еще ребенком и сидел у постели больного, змея обвилась вокруг его палки. Мальчик убил ее, но вслед приползла еще одна с какими-то травами в пасти. Она «натерла» ими свою предшественницу, и та ожила. Позже Асклений отыскал эти травы и стал успешно использовать их для лечения людей [20, с. 137]. С тех пор змеи [8, XV 661, 670], а по некоторым источникам две, стали его постоянными спутницами. Считалось даже, что он мог превращаться в змей [2, 732–734; 4, 14]. Некоторые ученые проглядывали в этом своеобразные хтонические черты и связь с целительными свойствами земли.

Святыни и жертвенники Асклепия можно найти по всей Греции. Наиболее известными и крупными были храмы в Эпидавре, в Трикке, на о. Кос и др. Также очень распространены были его изображения. Павсаний, к примеру, выделяет «лучшую» статую Асклепия на Аргосе из белого мрамора, работы Ксенофила и Стратона. Бог занимал сидячую позу, рядом стояла его дочь и верная помощница Гигия [9, II 23, 4]. Древние скульпторы придавали Асклепию добрые и приятные черты лица. Он был не стар и не молод, имел достаточно длинные волосы, которые чаще всего, сдерживались лентой. Античный бог опирался на палку, которую оплетала змея [20, с. 137]. За его внешний вид, простоту и любовь к странствованиям многие звали его: «Знахарь и бродяга!» [7, 13].

Так как в те далекие времена медицина носила сакральный характер, то для исцеления требовалось жерт-

воприношение божеству. Среди того, что приносилось в жертву можно выделить петуха [20, с. 139], барана, крупитчатую муку, а также лепешки, кашу и др. [15, с. 26]. Затем нужно было рассказать специальным жрецам о своем заболевании, после чего они оставляли больного на ночь в храме (одного, оставались вместе с больным или оставались вместо него). Предполагалось, что во время сна к человеку явится сам Асклепий и подскажет, как излечить недуг.

Культ Асклепия существовал достаточно долго. В будущем греческие врачи, «асклепиады», начали распространять свои знания и в Риме. Вместе с ними пришел и культ. Наивысшего подъема он достиг в II—III вв. н. э. В то время, благодаря императорам Траяну и Адриану, были хорошо приняты культы греческих героев, древние мистерии и толкователи снов (оракулы) [19, с. 375].

Потомки Асклепия. Сыновьями Асклепия были «Подалир и Махаон» [5, II, 731–732]. Оба считались военными врачами и внесли немалый вклад в развитие культа врачевания. Под Троей они излечили многих героев. *Подалирий* прекрасно лечил внутренние заболевания, а *Махаон* прославился как военный хирург [18, с. 123]. Подалирия почитали в основном в Фессалии, Кари и Южной Италии, как героя-целителя [9, III 26, 10]. Страбон рассказывает о небольшом храме в Давнии, посвященном Подалирию. Он находится недалеко от моря, у холма, с которого «стекает маленькая речка, исцеляющая все болезни скота» [14, VI, 284]. В отличие от брата, Махаон был ранен, а затем убит во время Троянской войны. Павсаний сообщает, что в местечке Трикка, в Мессении, был могильный памятник, посвященный Махаону, а в Ферах целое святилище его сыновей [9, IV 3, 2]. Первым, кто стал поклоняться Махаону как божеству и приносить ему жертвы, был Главк, сын Эпита. То есть это примерно X в. до н. э. [9, IV 3, 9]. Также среди сыновей Асклепия упоминается некий *Телесфор* [18, с. 123] (магическое врачевание), но о нем нам ничего не известно.

Теперь мы хотели бы обратить внимание на дочерей Асклепия. В числе наименее известных, можно выделить *Иасо* и *Эглу*. Первая олицетворяла собой «лечение». Ей была посвящена часть жертвенника в святилище Амфиарая в Оропе [21, с. 280]. Эгла (Огла) упоминается крайне редко, например, у Плиния Старшего [12, XXXV, 137].

Среди дочерей великого врачевателя выделялась *Панацея* (*Панакея*). Она считалась персонификацией «исцеления» [21, с. 280]. В отличие от своей примерной сестры Гигиен, Панацея желала найти лекарство от всех болезней, чего ей сделать так и не удалось. Возможно, именно из-за своей гордыни поклонение этой богини было распространено не так явно, как культ Гигиен. Однако Панацея не отошла от дела отца и также помогала ему в исцелении больных. Об этом мы узнаем от Аристофана,

из его комедии «Плутос»: «Панакея же ему закрыла покрывалом пурпурным и голову и все лицо» [2, 730–732].

И, наконец, *Гигиен* — самая почитаемая из детей Асклепия. Кроме того, что она упоминается во многих источниках как помощница отца, у нее, по мнению современных ученых, был свой отдельный, четко устоявшийся культ. Некоторые считают, что он мог возникнуть на Пелопоннесе, как культ автономного божества. Возможно дело в сходстве функций с Асклепием. Иногда ее культ связывают даже с Афиной из-за найденной надписи на Акрополе, датированной примерно 475 г. до н. э. Эта надпись посвящена Афине-Гигиен [22, с. 120–123]. Однако, кроме потомков, в окружении Асклепия был еще один персонаж, связанный с медициной — это его жена Эпиона («облегчающая боль»). Ее статуя находится в священной роще в Эпидавре [9, II 27, 6; II 29, 1].

Плутон и Кора. Также хотелось бы упомянуть об одном интересном факте: иногда целительные способности приписывались и хтоническим богам. Об этом мы можем читать, к примеру, у Страбона. В своей «Географии» автор рассказывает о том, что в селении Ахарики «есть святилище Плутона с пышным священным участком, храм Плутона и Кору, а также Хароний — пещера, лежащая над священным участком, удивительная по своим природным свойствам» [14, XIV, 649]. Больные обращаются к специальным жрецам, с просьбой о помощи. Те проводят в пещере всю ночь, в ожидании снов, что смогут дать ответ об исцелении. Иногда жрецы берут больных с собой, и оставляют их там, чтобы те сами могли узреть божественное провидение. Это может продлиться несколько дней. В это время просящий не должен есть. Однако это скорее исключение, чем правило, так как в большинстве случаев вход в пещеру губителен для непосвященных в сакральные тайны божества [14, XIV, 649–650].

Одним из главных компонентов подобного «исцеления», является самовнушение. Если человека на несколько дней лишить еды (то есть истощить), его сны станут беспокойными. При этом стоит учесть желание больного выздороветь, поэтому не удивительно, что его сновидения будут строиться именно в этом направлении. Страбон даже упоминает о ежегодном празднике в честь «целительной пещеры». В этот день юноши и мальчики ловят быка и отводят его в пещеру, где бык умирает сам по себе (по воле бога) [14, XIV, 650].

Подойдя к концу нашего краткого обзора, мы хотели бы отметить, что, несмотря на поклонение божествам-целителям, древние эллины, уже очень скоро выйдут за пределы «повиновения». Они начнут осознавать силу, заключенную в знаниях. Понимать, что спасенная жизнь, в большинстве своем — это не воля богов, это выбор самого человека.

Литература:

1. Аполлодор. Мифологическая библиотека/Пер. с древнегреч. А. Шапошникова. М., 2006.

2. Аристофан. Плутос/Пер. с древнегреч. В. Ярхо// Аристофан. Комедии. В 2-х тт. Т. 2. М., 1983.
3. Аристофан. Птицы/Пер. с древнегреч. В. Ярхо// Аристофан. Комедии. В 2-х тт. Т. 2. М., 1983.
4. Гесиод. Теогония/Пер. В. В. Вересаева, О. П. Цыбенко// Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001.
5. Гомер. Илиада/Пер. с древнегреч. И. Гнедича// Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1967.
6. Еврипид. Алкеста/Пер. с древнегреч. И. Анненского, С. Апта// Еврипид. Трагедии. Т. I. М., 1980.
7. Лукиан Самосатский. Разговоры богов/Пер. С. С. Сребрного// Лукиан Самосатский Сочинения/Под ред. А. И. Зайцева. В 2-х тт. Т. 1. СПб., 2001
8. Овидий Публий Назон. Метаморфозы/Пер. с лат. С. Шервинского. М., 1977.
9. Павсаний. Описание Эллады/Пер. с древнегреч. С. П. Кондратьевой. В 2-х тт. Т. I–II. М., 1994.
10. Пиндар. Пифийские песни/Пер. с древнегреч. М. А. Гаспарова// Пиндар. Вахилид. Оды. Фрагменты/Отв. ред. Ф. А. Петровский. М., 1980.
11. Платон. Протагор/Пер. В. Соловьева// Платон. Собрание сочинений/Под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. В 4-х тт. Т. I. М., 1990.
12. Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве/Пер. с лат., предисловие Г. А. Тароняна. М., 1994.
13. Софокл. Царь Эдип/Пер. с древнегреч. С. Шервинского// Софокл. Трагедии. М., 1988.
14. Страбон. География/Пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского/Отв. ред. С. Л. Утченко М., 1994.
15. Жебелев, С. Религиозное врачевание в древней Греции. СПб., 1893.
16. Зайцев, А. И. Греческая религия и мифология: курс лекций/Под ред. Л. Я. Жмудя. СПб., 2005.
17. Лосев, А. Ф. Мифология греков и римлян/Сост. А. А. Тахо-Годи. М., 1996.
18. Марчукова, С. М. Медицина в зеркале истории. СПб., 2003.
19. Межеричкая, С. И. Культ Асклепия и психология античного общества II в. н. э./Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира/Под ред. Э. Д. Фролова. Вып. 3. СПб., 2004. с. 373–394.
20. Мифы в искусстве старом и новом/Сост. Э. Ф. Кузнецова. 2-е изд. СПб., 1994.
21. Мифы народов мира/Гл. ред. С. А. Токарев. В 2-х тт. Т. 1 (А-К), Т. 2 (К-Я). М., 1998.
22. King, H. Health in antiquity. L.-NY, 2005.

Современные тенденции развития филантропической деятельности горожан: истоки и новые формы

Туаева Берта Владимировна, доктор исторических наук, доцент
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева (г. Владикавказ)

В России политические и экономические вызовы современности актуализируют активное обращение широких масс к своим историческим корням, культуре, традиционным устоям и социальному опыту предков. Социальный опыт, передаваемый из поколения в поколения, накапливаясь и обогащаясь новыми формами, представляет собой уникальный механизм адаптации и мироощущения каждого человека в отдельности или целых групп и сообществ. Он также является одним из факторов зарождения гражданского самосознания, сферы гражданских инициатив и практик.

Исторически социальная активность передовой обществу, именуемая чаще как «гражданская позиция», способствовала политическому, экономическому и культурному развитию города, региона, страны. Именно горожанам в этом процессе принадлежала новаторская роль, а европейский и российский социальный опыт подтверждают, что формирование институтов гражданского общества происходило, прежде всего, в городах. В городской среде «вызревали гражданские ценности, фор-

мировались гражданские отношения, появлялись новые современные общественные структуры, которые сосуществовали с традиционными, постепенно вытесняя их или влияли на их модернизацию» [1].

В развитых странах ведущие политики, общественные деятели, ученые, главы государств делают особый акцент на динамичном развитии гражданского общества. В. В. Путин в своем обращении к россиянам особо отмечает, что «нужно понимать, что одна из главных тенденций современного мира — это усложнение общества. Специализируются потребности различных профессиональных и социальных групп. Государство должно на этот вызов ответить, соответствовать сложносоставной социальной реальности» [1 Путин]. По его мнению, одним из важных решений было бы развитие «саморегулируемых организаций — СРО», с расширением их компетенций и возможностей. С другой стороны, «сами СРО должны более активно использовать имеющиеся у них полномочия. В частности, право разрабатывать и вносить для утверждения технические регламенты и нацио-

нальные стандарты в соответствующих отраслях и видах деятельности» [2].

Зарождение и развитие сети негосударственных, некоммерческих добровольных организаций и обществ в России относится к XIX веку. В государстве с полиэтничным и поликонфессиональным населением складывалась особая категория граждан — активная часть общества, которой стали создаваться добровольные ассоциации и организации различной социокультурной направленности, носившие филантропический характер. В краткие сроки эти инициативы были подхвачены почти по всей стране. Так, в пореформенное время основной тенденцией культурного развития северокавказских городов стали интеграционные процессы, порождавшие различные формы межэтнического взаимодействия, национальную и конфессиональную веротерпимость.

В социокультурной сфере городской жизнедеятельности на Северном Кавказе второй половины XIX — начала XX вв. особая роль принадлежала культурно-просветительским и благотворительным обществам. Русские горожане как социально и культурно доминирующие группы, являлись носителями традиций российской и европейской культуры. Они основывали многочисленные организации и учреждения, создавали культурную инфраструктуру, к которой приобщались остальные горожане, особенно после запрета правительством национальных обществ, комитетов, кружков и т.п. Большую активность в этом процессе проявляли армяне, евреи, осетины, кабардинцы, грузины, греки. Их деятельность сочетала национальные традиции и европейскую культуру. Наибольшее количество добровольных обществ насчитывалось в Ставрополе, Владикавказе, Грозном, Пятигорске. Прогрессивное развитие, приобщение к достижениям европейской и российской культуры во многом определяло деятельность культурно-просветительских и благотворительных организаций. Для успешного функционирования общества прибегали к различным видам сборов, где ведущее место занимали благотворительные акции и пожертвования. Сила благотворительности заключалась в мобильности, скорости реагирования, разнообразии форм помощи и ее индивидуализации. Активность обычно проявлялась в тех областях, где существовавшие потребности населения не были в полной мере удовлетворены государством. Разграничение прав и обязанностей государства, общества и частных лиц, их взаимодействие и объединение в сфере культурного развития и социальной помощи являлись условием эффективности.

Позже появляется еще одна форма, так называемая «корпоративная» благотворительность, охватывающая определенные социальные слои. Специально создаваемые общества взаимопомощи (и им подобные организации) распространяли свою деятельность только на членов определенной социальной группы. Оказывая посильную материальную помощь, отстаивая социальные и экономические права, эти общества способствовали и развитию

городской культуры. Они ориентировались на лучшие образцы отечественной и мировой культуры и их распространение среди различных групп населения. Филантропические начинания передовой общественности при создании различных обществ подхватывались затем представителями всех категорий городского населения.

Конечно, посредством благотворительности нельзя было решить колоссальные социальные и культурные проблемы как в целом по России, так и на Северном Кавказе. Но все же, несомненно, что вклад в дело просветительства, образования, межэтнической консолидации, развития научного мировоззрения, действенной помощи нуждающимся культурно-просветительских и благотворительных обществ в северокавказских городах в пореформенное время был ощутимой и актуальной частью становления и развития городской общественно-культурной среды [3, с. 156–158].

По роду, характеру и масштабу деятельности, добровольные некоммерческие и благотворительные общества, действующие в дореволюционной России можно было условно классифицировать по нескольким группам:

1) благотворительные организации, существовавшие самостоятельно и созданные по инициативе и под покровительством венценосных особ Российской империи. Это были полуофициальные организации, состоящие в ведении Ее Императорского Величества канцелярии. Как правило, эти общества были социально-ориентированные. Центральные комитеты обществ находились в столице, а в регионах функционировали их филиалы или отделы;

2) общества регионального масштаба, созданные как специализированные (приюты, общества призрения, богадельни и пр.) и распространяющую свою деятельность в рамках определенного округа или области;

3) корпоративные добровольные организации, благотворительная деятельность которых распространялась на представителей конкретных профессий и конкретного района;

4) конфессиональные и национальные общества, поддерживавшие представителей своей этнической или религиозной общины. Большинство религиозных благотворительных обществ на Северном Кавказе в дореволюционный период представляли христианские конфессии;

5) общества различных учреждений или заведений, деятельность которых ограничивалась оказанием единовременной помощи нуждающимся (бедным учащимся, больным, сиротам и пр.);

6) добровольные общества и союзы, действующие во время проведения военных кампаний, для поддержки увечных воинов, инвалидов, вдов и сирот, семей погибших на войне;

7) войсковые добровольные организации, которые выступали под патронатом конкретного войска (например, Терского казачьего войска) и оказывали помощь представителям войскового сословия;

8) культурно-просветительские, научные, театральные, литературные, художественные и спортивные общества, деятельность которых носила массовый, светский характер. Пропагандируя образование, светский образ жизни и культурный досуг, эти общества способствовали развитию искусства, научного мировоззрения и расширению кругозора.

Немалый удельный вес в филантропической и меценатской деятельности составляла частная инициатива. Главные принципы в развитии этого вида благотворительности в России заключались в свободе пожертвований и контроле со стороны жертвователя за их использованием [4, с. 21–22].

Историческую преемственность гражданских инициатив мы наблюдаем и сегодня. В РФ зарегистрированы и действуют десятки благотворительных фондов, региональных отделений. Направленность их работы и охват определенных категорий населения разнятся, также как и методы и формы оказываемой помощи. На сайте «WikiGrain» представлен список официально функционирующих в России организаций. В перечне мы видим такие организации как: «Автомобильщик — общественная организация Совета ветеранов, пенсионеров и инвалидов федерального дорожного-строительного управления при Министерстве обороны РФ»; «Академия здоровья — благотворительный некоммерческий фонд медико-социальной реабилитации детей-инвалидов и наркоманов»; «Арлекин — благотворительный театр при Уфимском епархиальном Управлении Московского патриархата»; Автономная некоммерческая организация «Карачаево-Черкесский центр общественного развития «Гражданская стратегия»; Алтайская краевая благотворительная общественная организация «ДАР»; Белгородская региональная женская благотворительная общественная организация переселенцев «Вера»; Белгородский региональный общественный благотворительный фонд социально-правовой защиты сотрудников органов внутренних дел «Великодушные»; Библиотечный благотворительный фонд, Благотворительная общественная организация «Московский центр помощи вузовской общественности»; Благотворительный Фонд

содействия социальной защите военнослужащих и ветеранов ФСБ, МВД, СВР, ГРУ, ФСО, ФАПСИ, ФПС, Налоговой полиции, Мин. юст, МЧС, ГП, ГТК, МЧС РФ «Безопасность и экономика»; Благотворительный фонд «Содействия поддержке спортсменов» (некоммерческая организация); Благотворительный фонд «Фонд содействия восстановлению исторических памятников»; Всероссийская общественная организация инвалидов «Чернобылец», Кабардино-Балкарский благотворительный фонд «Мир»; Международный общественный благотворительный фонд «Интеллект»; Общероссийская общественная организация «Союз охраны птиц России»; Челябинская региональная организация «Память сердца. Дети погибших защитников Отечества» и многие др. [5]

Большей частью общественная и частная помощь в современной России сконцентрирована в медицинской сфере, на помощи больным детям, малоимущим и старикам. Действенной и актуальной является адресная помощь «Русфонда». Только в 2013 г. почти 50 тыс. читателей Русфонда, свыше 750 компаний и организаций оплатили лечение 1486 детей из России и стран СНГ. Миссия фонда — спасение тяжелобольных детей, содействие развитию гражданского общества, внедрению высоких медицинских технологий. С 1996 г. (времени основания организации) частные лица и организации пожертвовали свыше 154,5 млн. \$ (данные на 5.05.2014), на эти деньги возвращено здоровье тысячам детей. Серьезную поддержку получили сотни многодетных и приемных семей, взрослые инвалиды, а также детдома, школы-интернаты и больницы России. Объемы пожертвований ежегодно растут [6].

В заключении, следует отметить, что даже фрагментарное рассмотрение явления благотворительности и традиций милосердия показывает, что они являются общечеловеческими ценностями, имеют глубокий нравственный и гуманистический смысл и богатый исторический опыт. Понимание благотворительности как деятельности инвестиционной, направленной в будущее, с обеспечением правовой базы являлось бы наиболее продуктивным и прогрессивным на любых переходных этапах российской государственности

Литература:

1. Казакова-Апкаримова, Е. Ю. Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX — начале XX в. / Автореф. дисс. докт. ист. наук. Екатеринбург, 2011.
2. Путин, В. В. Демократия и качество государства // Коммерсант. 6 февраля, 2012 г.
3. Туаева, Б. В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX — начале XX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
4. Туаева, Б. В. Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX — первой трети XX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.
5. Электронный ресурс/Режим доступа: <http://www.wikigrain.org>.
6. Электронный ресурс/Режим доступа: <http://www.rusfond.ru/about>.

Роль рабочего класса в подъеме промышленности районов Западного Предкамья Татарской АССР в 1950-х — 1960-х гг. (сравнительный анализ некоторых районов на примере Республики Татарстан).

Тухбатова Чулпан Илдаровна, учитель татарского языка и литературы
МБОУ «Ижевская СОШ» (г. Менделеевск, Республика Татарстан)

Миннибаев Булат Илдарович, старший преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт (филиал)

Ключевые слова: СССР, ТАССР, Западное Предкамье, рабочий класс, промышленный центр, магистраль, железнодорожная станция.

Исходя из социально-экономических особенностей, территорию Татарской АССР можно разделить на 7 экономических районов: 1) Предволжье, 2) Северо-Запад, 3) Западное Предкамье, 4) Восточное Предкамье, 5) Западное Закамье, 6) Северо-Восточное Закамье и 7) Юго-Восточное Закамье.

В административном отношении Западное Предкамье делится на 7 районов: Балтасинский, Кукморский, Мамадышский, Рыбно-Слободский, Сабинский, Таканышский и Тукаевский.

Западное Предкамье выделяется в сфере кустарных промыслов, особенно по обработке дерева и шерсти. В целом Западное Предкамье является аграрным районом.

Ключевой транспортной магистралью является железная дорога Казань-Свердловск, которая проходит по северной части Западного Предкамья. Вдоль южной границы района протекает река Кама. Река Вятка используется для лесосплава. Пристань Соколки, расположенная при впадении Вятки в Каму, ежегодно отправляет около двух миллионов кубометров леса, поступающего главным образом по Вятке. Основные транспортные пути района соединены между собой автогужевыми дорогами [1, с. 193].

Вдоль главных транспортных магистралей расположены города и рабочие поселки.

Наиболее крупным городом Западного Предкамья является Мамадыш с населением в 9000 человек. Город расположен на берегу реки Вятки, близ впадения ее в Каму, который является крупной пристанью. Здесь проходит автомобильная дорога, связывая город с северо-восточными

районами республики. В Мамадыше промышленность разнообразна: винокуренный завод, хлопчатобумажная фабрика и другие предприятия [1, с. 193].

Возле железнодорожной станции Сосновка, расположен рабочий поселок Лубяны, с населением 6200 человек. Поселок, расположенный в центре крупного лесного массива Таканышского района, одновременно является промышленным центром в области деревообрабатывающей промышленности: действуют лесозавод, механизированный леспромхоз, электростанция.

В поселке находится лесной техникум, общеобразовательные школы и другие культурно-просветительные учреждения.

На железнодорожной магистрали Казань — Свердловск находится станция Кукмор с населением 7500 человек. Кукмор — один из крупнейших в республике центров валяльной промышленности. Швейная фабрика, построенная в 1956 г., дает продукции на десятки миллионов рублей [1, с. 194].

На сегодняшний день, основу экономической базы района, хоть он и считается сельскохозяйственным, составляет промышленность, которая является основным наполнителем бюджета района. Бюджетообразующими промышленными предприятиями района являются ОАО «Кукморский завод металлопосуды», ОАО «Кукморский валяльно-войлочный комбинат», ОАО «Кукморская швейная фабрика. Около 51 % объема выпуска промышленной продукции в районе приходится на ОАО «Кукморский завод Металлопосуды», 31 % — на ОАО «Кукморский валяльно-войлочный комбинат» [2].

Таблица №1. Районы и районные центры ТАССР (на 1 января 1960 г.)

Наименование района	Наименование районного центра
Балтасинский	с. Балтаси
Кукморский	р. п. Кукмор
Мамадышский	г. Мамадыш
Рыбно-Слободский	с. Рыбная Слобода
Сабинский	с. Богатые Сабы
Таканышский	с. Нижний Таканыш
Тукаевский	с. Большая Атня

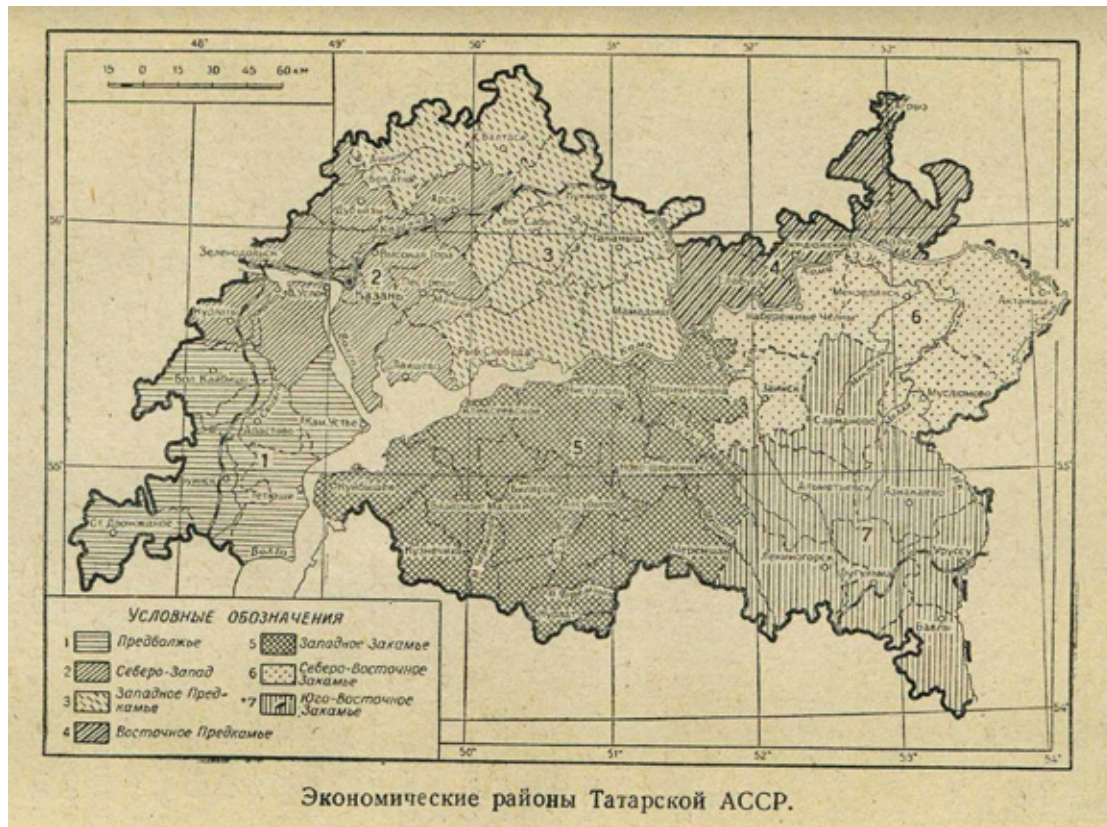

Рис. 1. Экономические районы Татарской АССР [1, с. 151]

Рис. 2. Города и рабочие поселки Татарской АССР [1, с. 69]

В Сабинском районе расположена железнодорожная станция Шемордан с населением 5000 человек. Жители данного поселка обслуживают железнодорожную станцию, работают в лесной и пищевой промышленности.

В настоящее время, в Сабинском муниципальном районе действуют ОАО «Шеморданский мясокомбинат», ОАО «Шеморданская фабрика меховых изделий», Филиал ОАО «ВАМИН-Татарстан» — «ВАМИН-Саба», ОАО «Шеморданское хлебоприемное предприятие», Са-

бинский лесхоз. На территории района расположено Шеморданское линейно-производственное управление магистральных газопроводов, который обеспечивает нормальный режим работы 8 магистральных газопроводов. Все 67 населенных пунктов района полностью газифицированы [12].

Таким образом, промышленный подъем 50–60 гг. Западного Предкамья, способствовал дальнейшему росту экономики Республики Татарстан.

Литература:

1. Абрамов, П. В. Татарская АССР/П. В. Абрамов. Казань, 1960. — с. 69, 151, 187–194.
2. Кукморский муниципальный район. [Электронный ресурс]. URL: <http://kukmor.tatarstan.ru/rus/about.htm> (Дата обращения: 06.05.2014).
3. Миннибаев, Б. И. Значение рабочего класса в развитии энергетики во второй половине 1950-х — 1960-х гг. на примере Татарской АССР/Миннибаев Б. И., Тухбатова Ч. И. // Молодой ученый. — 2014. — №5 (64). — с. 401–403.
4. Миннибаев, Б. И. Особенности количественного и качественного изменения рабочего класса в ТАССР в начале 1950 — во второй половине 1960-х гг. // Молодой ученый. 2013. №4. — с. 451–453.
5. Миннибаев, Б. И. Профессионально-техническое образование рабочего класса в конце 1950-х-в первой половине 1960-х гг. на примере Татарской АССР/Миннибаев Б. И., Шарифуллин Р. Ф. // Вестник магистратуры. — 2014. — №4–2 (31). — с. 4–6.
6. Миннибаев, Б. И. Роль рабочего класса в общественной жизни республики в 1950-х — в начале 1960-х гг. на примере Татарской АССР // Международный научно-исследовательский журнал. — 2014. — №3–1 (22). — с. 98–99.
7. Миннибаев, Б. И. Роль рабочего класса в развитии рационализаторства и изобретательства в 1950-х — начале 1960-х гг. на примере Татарской АССР/Миннибаев Б. И., Тухбатова Ч. И. // Молодой ученый. — 2014. — №5 (64). — с. 399–401.
8. Миннибаев, Б. И. Социально-экономические преобразования и их отражение на положении рабочего класса в ТАССР в начале 1950 — во второй половине 1960-х гг. // Молодой ученый. — 2014. — №2. — с. 642–644.
9. Миннибаев, Б. И. Существенные изменения в социально-экономическом положении рабочего класса в ТАССР в начале 1950-х — во второй половине 1960-х гг. // Молодой ученый. — 2014. — №1. — с. 298–300.
10. Миннибаев, Б. И. Тенденции количественного и качественного роста рабочего класса в середине 1950-х — в начале 1960-х гг. на примере ТАССР/Б. И. Миннибаев, Ч. И. Тухбатова // Молодой ученый. — 2014. — №3. — с. 716–718.
11. Миннибаев, Б. И. Тенденции роста культурно-технического уровня рабочего класса в Татарской АССР в 1950-х — в начале 1960-х гг./Б. И. Миннибаев, Ч. И. Тухбатова // Молодой ученый. — 2014. — №4. — с. 756–758.
12. Сабинский муниципальный район. [Электронный ресурс]. URL: <http://saby.tatarstan.ru/rus/about.htm> (Дата обращения: 06.05.2014).
13. Minnibaev, B. I. Cultural and technical level of the working class TASSR in the mid — 1950s — early 1960s // Applied and Fundamental Studies: Proceedings of the 2nd International Academic Conference. Vol. 1. March 8–10, 2013, St. Louis, Missouri, USA. 268–270 p.

К проблеме изучения правовых основ столыпинской аграрной реформы начала XX века

Тюрина Кристина Валерьевна, студент

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации (Республика Мордовия)

В статье исследуются основные тенденции оценок правовых основ столыпинской аграрной реформы. На основе анализа научной исторической литературы последних двух десятилетий, авторы выявляют основные направления изучения правовых основ столыпинской аграрной реформы российскими правоведами.

Ключевые слова: правовые основы, крестьянское хозяйство, община, П. А. Столыпин, российская деревня, столыпинская аграрная реформа.

Аграрные преобразования начала XX века в современной историографии являются наиболее актуальной тематикой для дискуссий среди историков и юристов. Постоянные дискуссионные споры ведутся вокруг целей и методов проведения реформы, а так же ее результатов, которые развернулись сразу же после принятия первых законодательных актов изменивших существующие аграрные отношения. Исследователи по-разному оценивают результаты столыпинской аграрной реформы, зачастую взгляды диаметрально противоположны. Указывая на актуальность изучения аграрного сектора экономики России начала XX века, необходимо отметить преобладание среди работ ряда региональных исследований. В силу этих объективных причин процесс столыпинского аграрного реформирования привлекает внимание не только историков, опубликовавших значительное количество новых работ конкретно исторического плана, но и вызвало появление аналитических историографических исследований [1; 2; 3; 4.].

8 июня 1906 года Председателем Совета Министров Российской империи был назначен Петр Аркадьевич Столыпин. Некоторые ученые утверждают, что П. А. Столыпин «ставший преобразовательным локомотивом и выступивший с рядом аграрных проектов, заимствованных им из концепций и программ отечественных политиков и аграрников» [5, с. 26]. На наш взгляд главной заслугой П. А. Столыпина являлось то, что он создал законодательную основу проведения аграрных преобразований на территории Российской империи. Благодаря принятому законодательству проведение реформы носило планомерно-поступательный характер.

Начало столыпинских аграрных преобразований тесно связано с именным указом от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», который был издан в порядке 87-й статьи Основных законов Российской империи, позволявшей правительству принимать меры законодательного характера (в перерывах между сессиями Думы с последующим их внесением на ее утверждение). Указ от 9 ноября 1906 г. провозгласил, что крестьяне могут свободно выходить из общины и требовать от односельчан выделения им на-

дельной земли с последующим оформлением ее в личную собственность. Так же указ позволил отвод укрепленной земли к одному месту с целью образования отрубов или хуторов. Крестьянская община была обязана удовлетворить требование об укреплении земли в личную собственность домохозяина, а в случае уклонения от исполнения или затягивания этого вопроса укрепление производилось губернской администрацией.

Выступая в Государственной Думе 5 декабря 1908 года П. А. Столыпин в своей речи подчеркнул, что основной целью правительственной программы аграрных реформ является создание крепких крестьянских хозяйств основанных на личной частной собственности, что в последствии должно привести к созданию условий для недопущения революционных проявлений в деревне.

14 июня 1910 года Правительство издает закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» [6]. Согласно данному закону все общинные земли, в которых не было общих переделов со времени наделения их землей, признавались перешедшими к участковому или подворному наследственному владению. При этом владельцы укрепленных участков сохраняли право пользования сенокосными, лесными и другими не переделываемыми угодьями (мирской усадебной землей, сельскими сервитутами). «Положение о землеустройстве» от 14 июня 1910 года предусматривало, что требования применялись ко всем землям, принадлежащим, независимо от способа их приобретения, т. е. всем поземельным организациям Российской империи [7].

Разрушая общину, правительство рассчитывало создать хуторские и отрубные хозяйства и придавало этому процессу особое значение. Создавать такие хозяйства было решено двумя способами: разверстанием на хутора и отруба земли, перешедшие в распоряжение Крестьянского поземельного банка, проводить землеустроительные работы на надельных землях путем отвода лучшей общинной земли под хуторские и отрубные участки. Таким образом, основой деятельности землеустроительных комиссий являлось насаждение хуторов и отрубов на надельных, банковских и казенных землях. Большими препятствиями в процессе быстрого перехода к хуторским хозяйствам был низкий культурный уровень

крестьян, их косность и привязанность к векам сложившемуся укладу, а также плохая организация агрономической помощи [8].

Впервые годы проведения аграрной реформы покупка земли крестьянами происходила не так активно, как хотелось бы правительству. Несмотря на то, что в деревне сохранялось острое малоземелье, крестьяне не спешили с покупкой земельных угодий посредством Крестьянского банка. Это было вызвано тем, что крестьяне не ждали «прирезки» к своим наделам и более низкой стоимости земли. Кроме того, общинники были достаточно враждебно настроены по отношению к покупателям земли через банк.

Массовый выход крестьян из общины и создание хуторов и отрубов был характерной чертой губерний и уездов, где развитие капитализма получило широкое развитие, где проходил водный путь и железные дороги, а так же располагались рынки сбыта товаров и услуг. В губерниях и уездах с низким уровнем развития капитализма разрушение общины шло медленно: крестьяне не торопились выходить из общины, которая «могла прийти на помощь в трудной ситуации».

В 1906–1907 гг. в большинстве губерний Российской империи учреждаются и начинают функционировать землеустроительные комиссии, которые в последствии стали основными двигателями столыпинской реформы. Крестьяне с определенной степенью настороженности и опасением «нововведений» восприняли аграрные преобразования, поэтому с момента издания указа 9 ноября 1906 года до конца 1907 года крестьяне не подавали заявлений об укреплении земли, рассчитывая получить частновладельческие и казенные земли бесплатно. Например, в ряде уездов Симбирской губернии крестьяне не знали, для какой цели создаются землеустроительные органы. Так, в Сенгилеевском уезде Симбирской губернии до начала работы комиссии «о целях её назначения и той помощи, которую она должна дать крестьянскому населению в уезде ничего не говорилось» [9].

29 мая 1911 года был обнародован Закон о землеустройстве, который устанавливал правило, согласно которому для перехода к отрубному и хуторскому хозяйству не требовалось предварительного укрепления наделных земель в личную собственность — это у определенной степени ускорило процесс разложения общинного землевладения.

С экономической стороны столыпинские аграрные преобразования являлись наиболее прогрессивными: они внесли значительные изменения в землеустройство и землепользование России. В основном законодательство о землевладении и землепользовании после 1906 года лишь уточняло и дополняло процесс реализации реформы. Выполнение работ по землеустройству требовало больших денежных вложений, и правительство нашло эти средства.

Для того чтобы ускорить ход аграрной реформы и способствовать увеличению частного землевладения кре-

стьянских хуторов и отрубов правительство учредило в 1882 году Крестьянский поземельный банк. Банк являлся правительственным учреждением и находился в управлении Министерства финансов. В системе столыпинской земельной реформы Банку была отведена весьма важная роль: обеспечение возможности крестьян единоличников покупать и соответственно увеличивать земельный надел.

В Указе 3 ноября 1906 года на банк была возложена задача «оказывать крестьянам возможно более широкую помощь как путем выдачи ссуд для покупки земли, так и усилением операции по приобретению земель за счет собственных средств Банка». Также Крестьянский Банк должен был способствовать «прочному насаждению в среде крестьянского населения единоличной собственности на землю как основы преобразования хозяйственного уклада сельской России» [10, с. 37].

Следует отметить, что основной задачей стоящей перед Крестьянским поземельным банком являлось обеспечение помещикам наиболее выгодных условий продажи их земель крестьянам, т. е. банк выступал в роли посредника в совершении сделки купли-продажи. Перед отделением банка на местах ставилась задача — всеми способами способствовать созданию в деревне крепкого слоя зажиточных хозяев путем насаждения хуторов и отрубов на банковских и казенных землях. Одним из главных направлений деятельности банка было ограничение продажи земли сельским обществам и товариществам и расширение продаж земли единоличным хозяевам. Кроме того, банк выдавал крестьянам-единоличникам на более выгодных условиях ссуды для приобретения земли. Последние получали от банка ссуду в размере 90% от стоимости приобретаемых ими угодий, при покупке земли отрубным участком — 95%, хутором — 100% [10, с. 97].

Следует отметить, что тема развития и функционирования кооперативного сектора экономики в современной историографии стала междисциплинарной [11]. Кооперация рассматривается и как важный фактор модернизации среднего и мелкого производства аграрного сектора экономики [12].

Проведение столыпинской аграрной реформы изменило соотношение в земледелии между группами хозяйств и их роль в экономике Российской империи: уменьшился средний размер латифундий из-за сокращения помещичьего землевладения, укрепились позиции капиталистических хозяйств, твердые позиции заняло фермерское хозяйство. Товарное земледелие становится основной сырьевой базой для местной промышленности. Столыпинская аграрная реформа не уничтожила разрыва между землевладением и землепользованием, между старыми формами земельной собственности, частично сохранившими черты сословности, и капиталистическим содержанием хозяйственной деятельности. Его особенно остро чувствовало общинное крестьянство, которое фактически обрабатывало, чуть ли не вдвое больше земли, чем владело им юридически.

Оценки столыпинской аграрной реформы по-прежнему неоднозначны. Являясь узловой проблемой в исследовании аграрного сектора экономики России, она привлекает пристальное внимание не только профессионального сообщества ученых, но и журналистов, политических деятелей, что, несомненно, сказывается на характере дискуссий. В заключении представляется немаловажным отметить необходимость дальнейшего ис-

следования модернизирующего влияния аграрного реформирования и дальнейшего уточнения исторического знания в процессе региональных исследований. В целом изучение аграрного реформирования требует дальнейшего уточнения динамики аграрного развития России, что позволит качественно оценить воздействия столыпинской аграрной реформы на социально-экономическую ситуацию в стране.

Литература:

1. Каршин, В.Ю. Реформы П.А. Столыпина: перекрестки мнений современных историков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. №2. с. 3–9.
2. Роголина, Н.Л. Столыпинская аграрная реформа: современная историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2008. №2 (19). с. 25–31.
3. Видяйкин, С.В., Котляров С.Б. Деятельность Крестьянского Поземельного банка в Симбирской губернии в процессе реализации столыпинской аграрной реформы // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. №2. с. 72–77.
4. Котляров, С.Б. Правовые особенности столыпинских аграрных преобразований начала XX века // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. №6. с. 36.
5. Румянцев, Ф.П. Особенности правового обеспечения столыпинской и современной аграрной реформы России: дисс... кандидата юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 227 с.
6. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. СПб., 1911. с. 1272–1287.
7. Свод Законов Российской империи. Том 10. Землеустройство. Сборник законов и распоряжений. СПб., 1914. с. 1–126.
8. Котляров, С.Б. Правовые особенности столыпинских аграрных преобразований начала XX века // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. №6. с. 36–39.
9. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 55. Л. 29.
10. Батурицкий, Д.А. Аграрная политика царизма и Крестьянский поземельный банк. М.: «Новая деревня», 1925. 144 с.
11. Видяйкин, С.В., Котляров С.Б. К вопросу о переселенческой политике в начале XX в. (по материалам Симбирской губернии) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2009. Т. 12. №2. с. 64–69.
12. Елизаров, С.В. Исторический компонент механизма формирования имиджа региона // Регионоведение. 2007. №4. с. 31–37.

Деятельность профессора Н. В. Рязанцева во Владикавказе (1920–1930)

Шемаев Александр Александрович, соискатель

Национальная научная сельскохозяйственная библиотека Национальной академии аграрных наук Украины

В статье освещен период деятельности профессора Н.В. Рязанцева (1856–1930) во Владикавказе (1920–1930). Представлен и проанализирован научно-организационный вклад ученого в становление Горского сельскохозяйственного (политехнического) института, его влияние на развитие физиологии сельскохозяйственных животных и ветеринарной медицины.

Ключевые слова: история науки и техники, научная биография, выдающиеся ученые, физиология, ветеринарная медицина, горский сельскохозяйственный институт.

В продолжение исследования научной биографии заслуженного профессора физиологии, ветеринара и химика Николая Владимировича Рязанцева (1856–1930), следует отметить, что некоторые периоды жизни

и аспекты его деятельности, к настоящему времени остаются еще малоисследованными. В частности, анализ историографии и существующих источников указывает на не достаточно изученный послереволюционный пе-

риод деятельности ученого. Отсутствие научных изысканий, посвященных периоду последних лет жизни профессора Н.В. Рязанцева во Владикавказе и его работы в Горском сельскохозяйственном (политехническом) институте (1920–1930), предполагает обоснованность и актуальность данного исследования.

Профессор Н. В. Рязанцев (1856–1930)

Некоторые сведения о периоде деятельности ученого во Владикавказе содержатся в публикациях Н.Г. Пониrowsкого [1], В.Д. Берлина [2], В.А. Волкова, М.В. Куликовой [3], Д.Г. Квасова [4, с. 212–213], В.И. Де-Фриу, В.Ф. Раздорского, А.П. Окладнова [5] и других. Также историографическую основу проведенного исследования составляют работы посвященные истории Горского государственного аграрного университета (Горского сельскохозяйственного института), представленные В.Х. Темираевым [6, 7], Г.Г. Джанаевым [8], А.К. Хачировым [9], И.Н. Багиным [10], А.И. Петрусовым [11], К.Н. Корневым [12] и другими.

Следует отметить, что еще Н.Г. Пониrowsким в научной биографии профессора Н.В. Рязанцева были выделены три основных этапа, которые связаны с тремя городами: С.-Петербургом, Харьковом и Владикавказом [1].

Город С.-Петербург в жизни Н.В. Рязанцева связан с получением высшего ветеринарного образования в Медико-Хирургической академии (1881) [3]; формированием круга его научных интересов под влиянием А.А. Раевского, О.П. Бородина, И.Р. Тарханова [1]; научной командировкой (1893–1895) [4] в физиологическую лабораторию профессора И.П. Павлова и лабораторию биологической химии профессор М.В. Ненского.

Город Харьков стал в жизни Н.В. Рязанцева местом максимальной реализации педагогического и научно-организационного потенциала [1]. В Харьковском ветеринарном институте он с присущей ему энергией и активностью наряду с научно-образовательной дея-

тельностью осуществлял библиотечную работу, был редактором научного сборника, принимал участие в подготовке и проведении Всероссийских съездов ветеринарных врачей [15].

Последние годы жизни профессор Н.В. Рязанцев провел в городе Владикавказ, где в Горском сельскохозяйственном институте прошел заключительный этап его научно-преподавательской и общественной деятельности.

Относительно переезда из Харькова во Владикавказ сохранилось следующее объяснение, которое дал профессор Н.В. Рязанцев: «В 1920 г. осенью получил предложение занять кафедру физиологии во Владикавказском политехническом институте, которое и принял в том соображении, что здесь в молодом, только что созданном учебном заведении на мне не будет лежать той напряженной работы, которая требовалась при наличии более молодых и более энергичных ассистентов» [2]. О его желании уменьшить количество обязанностей свидетельствуют также данные, изложенные в документе, представленном Совету в 1915 году в связи с 30-летием преподавательской деятельности [2].

В большей степени решение Н.В. Рязанцева о переезде было связано со стремлением освободить кафедру своим ученикам и приемникам, а именно: приват-доценту Т.М. Мануйлову и приват-доценту Н.Г. Пониrowsкому. Кроме того, в послереволюционный период, ученому, имевшему в Российской Империи чин действительного статского советника, было более безопасно продолжить свою научную деятельность на новом месте.

01 октября 1920 года профессор Н.В. Рязанцев возглавил вновь созданную кафедру физиологии животных в Горском политехническом институте [5]. Однако его активность на новом месте не снижается. Как свидетельствуют архивные и отчетные документы, в институте было тяжелое финансовое положение, отсутствовало необходимое оборудование для проведения лабораторных занятий [13]. Профессор Н.В. Рязанцев принял активное участие отстаивании Горского политехнического института (1921–1922), когда из-за финансовых сложностей его собирались закрыть. Более того, он инициировал и приложил много усилий для создания физиологической лаборатории, которая была открыта в 1921 году [1].

Наряду с осуществлением преподавательской деятельности Н.В. Рязанцев продолжил свои научные исследования и привлекал к ним студентов и преподавателей; организовал кружок любителей чистого и прикладного естествознания при сельскохозяйственном факультете [16].

В первые несколько лет пребывания в Горском политехническом институте ученый провел исследования и представил доклады по следующим темам: «О так называемом гипнозе животных», «К теории Фойта о циркулирующем белке», «О витаминах», «О питании искусственным белком» [1] и другие.

В 1922 году Н.В. Рязанцеву за его вклад в становление и развитие института было присвоено звание заслуженного профессора физиологии [5], а в дальнейшем физиологическая лаборатория института была названа его именем [16].

Многолетний опыт редакторской деятельности в Харьковском ветеринарном институте позволил профессору Н.В. Рязанцеву способствовать организации и изданию научно-теоретического журнала «Известия Горского политехнического института», который был основан в 1922 году. При этом, заслуженный профессор Н.В. Рязанцев был избран председателем редакционной коллегии и занимал эту должность до последних дней [5].

Нашел применение в Горском сельскохозяйственном институте и библиотечный опыт профессора Н.В. Рязанцева. Вклад выдающегося ученого в развитие библиотеки Горского сельскохозяйственного института запечатлен мемориальной доской его памяти [2].

По примеру Харьковского ветеринарного института профессор Н.В. Рязанцев сумел подготовить себе приемника и в Горском сельскохозяйственном институте. Под руководством профессора Н.В. Рязанцева студентом А.П. Окладновым, который в последствие стал ассистентом, была выполнена работа о составе молока буйволиц, напечатанная в журнале «Труды Северо-Осетинского сельскохозяйственного института», под названием «Заметка о составе молока буйволиц гор. Владикавказа» [13, с. 60]. Еще одна работа ассистента А.П. Окладнова с предисловием профессора Н.В. Рязанцева и профессора В.И. Де-Фриу «К вопросу о буйволоводстве в Дагестанской С.О. Республике и о составе молока буйволиц» была напечатана в 1927 году [13].

Профессор Н.В. Рязанцев отслеживал новые и актуальные направления в науке, поэтому после выхода в 1925 году журнала «Вестник эндокринологии», основанного при созданном в Москве институте экспериментальной эндокринологии, также начинает исследования в этой области. В этом же году заслуженным профессором Н.В. Рязанцевым были проведены экспериментальные исследования, связанные с изучением влияния гормонов и сделан ряд докладов. Резюме доклада о действии животных гормонов на растительные клетки было напечатано в отчете научно-исследовательского общества при Горском сельскохозяйственном институте [14]. Кроме того, ученым был сделан перевод на русский язык с последнего немецкого издания «Физиологического практикум» профессора М. Ферворна. Было подготовлено краткое пособие по исследованию мочи сельскохозяйственных животных. Также, совместно с ассистентом А.П. Окладновым начата работа по получению сычужного фермента из растений [13, с. 60].

Одним из важных событий в 1926 году в Горском сельскохозяйственном институте стало торжественное юбилейное заседание Совета по поводу 45-летия научно-об-

разовательной деятельности заслуженного профессора Н.В. Рязанцева [13, с. 31]. На заседании выдающийся ученый был награжден за его вклад в развитие науки и образования. Благодарность и пожелания плодотворного продолжения его научного творчества были выражены ему не только со стороны профессорско-преподавательского состава, но и студентами, для которых он был больше чем преподаватель.

Воспитанник Н.В. Рязанцева по Владикавказу, впоследствии известный физиолог А.А. Данилов, так вспоминал о заслуженном профессоре физиологии: «Несмотря на свой уже преклонный возраст, он поражал нас, студентов, своей большой жизнеутверждающей силой и исключительным человеколюбием. Студенчество любило Николая Владимировича. Обычно, еще до начала занятий, его можно было встретить у входа в институт, в окружении студенческой молодежи, с которой он шутил и вел беседу, как родной отец. Обладая широчайшим кругозором знаний, он был легко доступен и скромен. Его авторитет в институте был непререкаем» [2].

Научные изыскания профессора Н.В. Рязанцева, в которых ему помогал ассистент А.П. Окладнов, продолжались до последних дней жизни ученого. Основными направлениями исследований были: влияние животных гормонов на бактерии и процесс пищеварения, влияние некоторых гормонов на организм сосунов-баранов, изучение сычужного фермента из растений, определение жира в молоке без применения центрифуги [14] и другие. Прервать научную, преподавательскую и общественную деятельность выдающегося ученого, которой он посвятил всю свою жизнь, 02 августа 1930 года смогла только смерть [5].

Похоронен Н.В. Рязанцев рядом с библиотекой на территории Горского сельскохозяйственного института. Его дневники, документы, письма, в том числе от академика И.П. Павлова, фотографии, портрет с памятной надписью знаменитого композитора А.П. Бородина и книги хранятся в музее Горского государственного аграрного университета [16].

Преемником профессора Н.В. Рязанцева в Горском сельскохозяйственном институте стал его ученик доцент А.П. Окладнов, который занял кафедру физиологии животных [16] и продолжил дело своего учителя.

Таким образом, деятельность профессора Н.В. Рязанцева во Владикавказе по организации физиологической лаборатории, кружка естествознания, изданию научно-теоретического журнала, развитию библиотеки, переводам физиологической литературы, составлению учебных пособий, ведению научно-исследовательской работы и преподаванию на кафедре физиологии сельскохозяйственных животных, внесла значительный вклад в становление Горского сельскохозяйственного института. Кроме того, его исследования в области физиологии и эндокринологии способствовали развитию ветеринарной медицины и физиологии животных.

Литература:

1. Поніровський, М. Заслужений професор Микола Володимирович Рязанцев: [некролог]/М. Поніровський // Український медичний архів. — 1930. — Т. 6, зошит 1–2. — с. 303–305.
2. Берлин, В.Д. Профессор Н.В. Рязанцев //Герценка: Вятские записки. Вып. 13/Департамент культуры и искусства Киров. обл., Киров. гос. универс. обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена; [редкол.: Н.П. Гурьянова (сост.), С.Н. Будашкина, В.А. Коршунков (науч. ред.) и др.]. — Киров: Киров. ОУНБ, 2008 (Киров: Лобань). — с. 172–177.
3. Волков, В.А. Российская профессура, XVIII-начало XX вв: биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь./В.А. Волков, М.В. Куликова — РХГИ.: 2003. — с. 389–390.
4. Квасов, Д.Г. Физиологическая школа И.П. Павлова: портреты и характеристики сотрудников и учеников/Д.Г. Квасов, А.К. Федорова-Грог. — М.: Наука, 1967. — 298 с.
5. Де-Фриу, В.И. Проф. Н.В. Рязанцев: [некролог]/В.И. Де-Фриу, В.Ф. Раздорский, А.П. Окладнов //Труды Северо-Осетинского сельскохозяйственного института, вып. 1 (7), Владикавказ, 1932. — с. 162–164.
6. Темираев, В. Становление и развитие Горского госагроуниверситета/АПК: Экономика, управление. 2008. №10. с. 2–8.
7. Темираев, В.Х. Горскому ГАУ — 90 лет/Механизация и электрификация сельского хозяйства. 2008. №9. с. 2–3.
8. Джанаев, Г.Г., Нлахтий С.Я. 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту (1918–1968). Орджоникидзе: «Ир», 1977. — 123 с.
9. Хачиров, А.К. Северо-Осетинский сельскохозяйственный институт: 45 лет 1918–1963 г. (Краткий очерк). — Орджоникидзе: Б. и. 1963. — 43 с.
10. Багин, И.Н. 25 лет работы Горского сельскохозяйственного института (1918–1941) // Труды ГСХИ. Т. 5. — Орджоникидзе, 1945. — с. 3–57.
11. Петрусов, А.И. 14 лет работы Горского сельскохозяйственного института // Революция и горец. 1933. — №3–4. — с. 108–109.
12. Коренев, К.Н. Горский сельскохозяйственный институт // Революция и горец. 1929. — №3. — с. 15–20.
13. Труды Северо-Осетинского сельскохозяйственного института. 1927. — №4–7—189 с.
14. Горский сельскохозяйственный институт: отчет о деятельности научно-исследовательского общества за 1927 г. Владикавказ, 1928. — 9 с.
15. Шемаев, О.О. Харківський період діяльності професора М.В. Рязанцева //Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць/Гол. ред. В.М. Вашеквич. — К.: ВІР УАН, 2013. — Випуск 79 (№12). — с. 91–94.
16. Из научного кружка — в доктора // Дружба. Горский ГАУ — 2010 окт. — с. 2.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Формы реализации народовластия

Авдеев Игорь Михайлович, магистрант

Уральский институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Екатеринбург)

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена, прежде всего, тем, что в демократической системе управления государством и обществом особое место принадлежит органам местного самоуправления. Прежде всего, это место определяется тем обстоятельством, что наличие органов самоуправления обеспечивает децентрализацию системы управления.

Как форма непосредственного осуществления народовластия такой институт как местное самоуправление признание получил достаточно давно и в настоящее время осуществляется в большинстве стран мира. Конституция РФ закрепила местное самоуправление в качестве важнейшего элемента основ конституционного строя, а также как самостоятельную форму осуществления власти народа.

Одним из динамично развивающихся институтов народовластия в настоящее время являются муниципальные выборы. Именно посредством выборов регулируются вопросы периодической смены и формирования органов местного самоуправления. Основным назначением выборов является избрание представителей всего населения муниципального образования.

Институт муниципальных выборов, существующий в нашей стране, действует немногим больше 10 лет, и поэтому, за столь небольшой промежуток времени до сих пор не определены его оптимальные модели. Поэтому, в науке муниципального права России актуальным является вопрос создания концепции форм реализации народовластия при осуществлении местного самоуправления.

Целью настоящей работы является рассмотрение вопросов выборов главы администрации местного самоуправления, проблем и сложностей, возникающих при их проведении, а также пути решения.

В Российской Федерации под термином «орган местного самоуправления» понимается, прежде всего, учреждение, которым реализуются властные полномочия соответствующего характера. В то же время, стоит отметить, что местное самоуправление представляет собой отнюдь не власть учреждений, а форму власти народа. В системе должностных лиц местного самоуправления наличие главы муниципального образования, по дей-

ствующему российскому законодательству является обязательным. Глава муниципального образования является его высшим должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями по решению вопросов местного значения.

Муниципальные выборы представляют собой форму прямой демократии. Она обеспечивает непосредственное участие граждан в формировании выборных органов местного самоуправления, а также избрания должностных лиц местного самоуправления, должности которых являются выборными.

Цель проведения муниципальных выборов заключается в избрании депутатов, выборных должностных лиц, а также выборного органа местного самоуправления. Муниципальные выборы проводятся на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании [2].

Порядок выборов в органы местного самоуправления, и выборы главы администрации местного самоуправления, в частности, определяется законодательством субъекта Федерации.

В Российской Федерации создана двухуровневая система местного самоуправления (муниципальные районы и поселения), причем каждый уровень рассматривается как функционирующий автономно от других и от государственной власти с четким разграничением предметов ведения и полномочий. В этой системе местного самоуправления — залог создания подлинно самоуправляемой системы публичной власти низового уровня. Это также имеет огромное значение для системы выборов, сложившейся в России. Повышается значение роли местных выборов, как инструмента актуализации политической воли на местах.

Для подготовки и проведения выборов в органы местного самоуправления, и в частности, главы администрации местного самоуправления, в зависимости от численности самого муниципального образования образуются избирательные комиссии: муниципального образования; окружная и территориальная. Их работа осуществляется гласно и открыто.

С целью проведения выборов в органы местного самоуправления образуются избирательные округа. Для российской правовой системы характерны два вида избирательных округов — одномандатные и многомандатные.

Муниципальные выборы, и выборы главы администрации местного самоуправления назначается представительным органом муниципального образования. В случаях, установленных федеральным законом, муниципальные выборы назначаются соответствующей избирательной комиссией муниципального образования или судом.

Федеральным законом о местном самоуправлении предусмотрено многообразие избирательных систем, которые применялись не только в разных субъектах РФ, но и на разных территориях одного и того же субъекта РФ. Виды избирательных систем, применяемых при проведении муниципальных выборов, и порядок их применения определяются законами субъектов РФ. В уставах муниципальных образований определен конкретный вид избирательной системы, используемой при проведении муниципальных выборов.

Порядок избрания главы муниципального образования устанавливается уставом соответствующего муниципального образования.

Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривает несколько возможных вариантов порядка избрания главы муниципального образования:

— глава муниципального образования избирается на муниципальных выборах и является главой местной администрации — такая структура позволяет усилить взаимосвязь избирателей с местным самоуправлением и сосредоточить в руках главы муниципального образования наибольший объем полномочий и реальные рычаги власти и используется в большинстве муниципальных образований в России

— глава муниципального образования избирается на муниципальных выборах и является председателем представительного органа муниципального образования, а глава местной администрации назначается по конкурсу — такая структура не очень распространена, по-

зволяет выборному главе муниципального образования «царствовать, но не править».

— глава муниципального образования избирается представительным органом муниципального образования из своего состава, а глава местной администрации назначается представительным органом по конкурсу — такая структура получила распространение в последнее время, при такой структуре глава муниципального образования является лишь номинальной фигурой, а реальная власть сосредоточена у главы местной администрации, на которого примерно равное влияние могут оказывать представительный орган муниципального образования и администрация региона, от которых в различной степени зависит его назначение и смещение.

— глава муниципального образования избирается представительным органом из своего состава, возглавляет представительный орган и является главой местной администрации — такая структура допускается только в сельских поселениях, потому что там управленческий аппарат невелик и нет необходимости разграничения полномочий главы местной администрации и председателя представительного органа.

Назначение выборов вообще, и муниципальных, в частности, знаменует старт избирательной компании. Решение о назначении муниципальных выборов принимается не ранее чем за 90 и не позднее чем за 80 дней до дня голосования.

В то же время при проведении выборов существуют определенные проблемы и сложности.

Одной из них является достаточно низкая активность избирателей и особенно на выборах местного уровня. В случае если в выборах приняло участие менее 20% от числа избирателей они признаются несостоявшимися. В этой связи актуальным является привлечение на выборы электората.

По результатам выборов составляется протокол, подписываемый всеми присутствующими. Как правило, повторное голосование проводится в том случае, когда в избирательный бюллетень включено более 2-х кандидатов, и ни один из данных кандидатов не набрал для избрания необходимое число голосов избирателей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Норма-М., М. 2014.
2. Федеральный закон от 6.10.2003. № 131-ФЗ (в ред. от 25.12.2008). «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». // Российская газета. — 2003. — № 202. — 8 октября.
3. Федеральный закон РФ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ. //Собрание законодательства РФ, 1996, № 49. Ст. 5497.
4. Кутафин, О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации. М.: Проспект, 2008.
5. Хрусталева, Е. Н. Голосование на выборах: Виды и особенности //Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Владивосток.: Дальневосточного ун-та, 2008. с. 120.

Политическое участие молодёжи в избирательном процессе в эпоху перехода к информационному обществу

Куколев Александр Владимирович, аспирант, преподаватель
Воронежский институт высоких технологий

Переход России к информационному обществу поставил целый ряд новых проблем, и прежде всего в понимании роли информационных процессов в общественной жизни вообще и в избирательном процессе в частности.

При этом одним из важнейших вопросов является как раз вопрос о месте и роли молодёжи с её интеллектуальными и эмоциональными возможностями в условиях информационного общества.

Во все времена молодёжь ругали и хвалили, гордились ей, манипулировали её энтузиазмом. Любая страна свои надежды и стратегию развития связывает с молодым поколением. Если мы хотим понять будущее, надо посмотреть на современную молодёжь. Какая она? Возникает масса острых, злободневных вопросов о месте и роли молодёжи в информационном обществе, её влиянии на политическую и социально экономическую жизнь, её участии в управлении.

Объективные закономерности общественного развития современной России все отчетливее показывают возрастающее значение молодёжи в политической жизни страны.

Современный молодой человек постоянно погружен в информационную среду, которая определяется как совокупность технических и программных средств хранения, обработки и передачи информации, а также политические, экономические и культурные условия реализации процессов информатизации. При этом в период проведения избирательных кампаний информационное воздействие на молодых людей многократно усиливается.

Информатизация избирательной системы Российской Федерации является частью глобального перехода к информационному обществу. Информационные и телекоммуникационные технологии (ИКТ) на основе систем телекоммуникации в настоящее время являются ключевыми технологиями XXI века, которые на ближайшие десятилетия будут являться основным двигателем научно-технического прогресса и экономического роста, важным фактором социальной стабильности в обществе. Возрастающая макроэкономическая роль ИКТ, их развитие и внедрение самым непосредственным образом влияет на состояние экономики всех стран мира, уровень их промышленного и социального развития, и, следовательно, на стабильность политической системы. Это обусловлено тем, что информированность, осведомлённость играют очень важную роль в жизнедеятельности, как отдельного человека, так и общества в целом. Слова Талейрана: «Кто владеет информацией — владеет миром» — наполняются не только политическим, но в большей мере и социальным смыслом.

В геополитическом плане сегодня наблюдается процесс информационной глобализации общества. На основе развития информационно-телекоммуникационных сетей происходит создание единого информационного пространства.

Знание, информация должны принадлежать всем, доступ к ним является гражданским правом, а попытка его ограничивать должна рассматриваться как покушение на свободу личности. В окружающем нас мире происходят радикальные изменения. Развитие телекоммуникаций делает мир всё более взаимосвязанным. Молодой человек становится сопричастным ко многим событиям в других странах, формируется новый тип человеческого сознания — глобальное сознание.

Это относится и к избирательному процессу как механизму демократического формирования власти, где ключевая роль принадлежит выборам. В целом происходит закрепление и конкретизация общеевропейских избирательных стандартов, синхронизация и гармонизация международного и национального правового пространства, обеспечение реализации избирательных прав и свобод человека и гражданина, подготовка и проведению демократических выборов, сокращается противоречивость, разбросанность и дублирование соответствующих правил и рекомендаций, закреплённых в документах различных международных организаций. Придание обязательного международно-правового характера стандартам демократических выборов и обеспечению избирательных прав и свобод участников избирательного процесса. Степень интеграции страны в единое общеевропейское и мировое информационное пространство определяет сегодня не только её положение в мировом сообществе, но и возможности для дальнейшего экономического, интеллектуального и научно-технического развития. Как известно, в технологически развитых странах информационный сектор в экономике является одним из основных.

В информационном обществе возникают некоторые особенности, которые могут влиять на участников избирательного процесса: появление новых экономических отношений; появление новых видов деятельности; наличие виртуальных субстанций; свободы в выборе профессии и места работы. Возникают развитые информационные потребности людей, а на их основе формируется высокая информационная культура.

К характерным чертам и признакам информационного общества следует отнести:

— формирование единого информационно-коммуникационного пространства России как части мирового информационного пространства, полноправное участие

России в процессах информационной и экономической интеграции регионов, стран и народов;

— становление и в последующем доминирование в экономике новых технологических укладов, базирующихся на массовом использовании перспективных информационных технологий, средств вычислительной техники и телекоммуникаций;

— создание и развитие рынка информации и знаний как факторов производства в дополнение к рынкам природных ресурсов, труда и капитала, переход информационных ресурсов общества в реальные ресурсы социально-экономического развития, фактическое удовлетворение потребностей общества в информационных продуктах и услугах;

— возрастание роли информационно-коммуникационной инфраструктуры в системе общественного производства;

— повышение уровня образования, научно-технического и культурного развития за счет расширения возможностей систем информационного обмена на международном, национальном и региональном уровнях и, соответственно, повышение роли квалификации, профессионализма и способностей к творчеству как важнейших характеристик услуг труда;

— создание эффективной системы обеспечения прав граждан и социальных институтов на свободное получение, распространение и использование информации как важнейшего условия демократического развития.

Необходимость перехода к информационному обществу тесно связана с изменением характера воздействия научно-технического прогресса на жизнь людей. В конце XX века скорость смены технологических укладов в производстве, технологиях предоставления продукции и услуг и управлении этими процессами существенно увеличилась. Если в начале и даже в середине века такие смены происходили в периоды времени, значительно превышающие длительность жизни одного — двух поколений, то сегодня смена технологического уклада происходит за более короткий срок. При этом кардинально меняется образ жизни большей части населения, социально-психологическая модель поведения людей и общества в целом. Особенно существенно начинают отличаться модели поведения нынешнего и будущего поколений — известная проблема «отцов и детей». Очевидно, что одним из факторов, способных в определенной степени ослабить воздействие на психику человека подобных изменений в образе жизни, является уровень информационной подготовленности человека к грядущим изменениям. Одним из важнейших показателей изменения образа жизни во второй половине нашего века является развитие и использование новых информационно-коммуникационных технологий во всех областях социальной жизни и деятельности, уровень производства и потребления обществом информационных продуктов и услуг. Очевидны изменение отношения к информации и расширение возможностей получения и применения информации для усиления чело-

веческого потенциала и его развития во многих направлениях.

Формируется новая интеллектуальная технология. Благодаря появлению новейших математических методов анализа, основанных на компьютерном линейном программировании (цепи Маркова) стало возможным осуществлять математическое моделирование избирательных кампаний.

Социальные и природные события в равной степени поддаются счету, и для сведения всего в природе к законам, подобным тем, которые открыл Ньютон с помощью дифференциального исчисления, все, что нужно, — это достаточное число наблюдений и развитые математические средства.⁴

Математическая модель — это упрощенный вариант действительности, используемый для изучения ее ключевых свойств. Чарльз Лейв и Джеймс Марч дают такое определение модели: «Модель — это упрощенная картина реального мира. Она обладает некоторыми, но не всеми свойствами реального мира. Она представляет собой множество взаимосвязанных предположений о мире. Как и любая картина, модель проще тех явлений, которые она по замыслу отображает или объясняет» [5].

Модели социальных процессов решают важную задачу, выявляя для изучения и экспериментирования ключевые этапы избирательного процесса. Это может показаться удивительным, но политические процессы действительно обладают рядом особенностей, подлежащих математической обработке. Итоги голосования на выборах приводятся в виде чисел. В опросном исследовании политические мнения выражаются в виде процентных соотношений между различными группами респондентов. Вообще использование статистики в избирательном процессе опирается на математический аппарат. Шаг от простого количественного исследования к построению математической модели в этой области очень логичен. Математическое моделирование не ограничивается операциями с количественными, оно может также иметь дело с качественными характеристиками избирательного процесса. Некоторые этапы избирательного процесса — такие, как принятие решений на выборах или распределение голосов избирателей, — могут быть определены полностью в математических терминах. В данных случаях математические модели являются средством изучения логических следствий из наблюдаемых правил. Математические модели помогают достоверно изучать особенности избирательного процесса. В нескольких уравнениях математической модели зачастую может быть заключён огромный объём информации. Во многих случаях возможно компьютерное моделирование избирательного процесса. Используя средства математического моделирования в ходе предвыборной кампании, политолог оказывается в состоянии взять на вооружение многие из методов, разработанных в логике, статистике, экономике и других отраслей знаний, и применить их к изучению поведения электората. Математическое моделирование социального поведения

насчитывает более двадцати лет и в настоящее время активно развивается.

В информационном обществе настоящая мощь спрятана не в самих технологиях, а в процессе глобализации: глобальных коммуникациях, глобальном обмене информацией, глобальном обучении, глобальных знаниях. В обеспечении доступа населения к мировым информационным ресурсам (в том числе научным, образо-

вательным и культурным) независимо от географического местонахождения и социального статуса. Адаптация населения к жизнедеятельности в обществе, всё больше насыщенном информационными технологиями в быту, политической жизни, производственной и научной деятельности. Процесс глобализации не имеет границ, на него практически не может влиять обстановка в стране, идеологическая ориентация, правительство.

Литература:

1. Майерс, Д. Социальная психология. — СПб.: Питер, 2002.
2. Мильянец, В. Информационная революция — феномен «новой экономики» // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №2. с. 5.
3. Еляков АД. Современное информационное общество // Высшее образование в России. 2001. №4.
4. Маркиз де Кондорсе, ок. 1790.
5. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология: Методы исследования. — М.: Издательство «Весь Мир», 1997. — 544 с.

Общество и государство в электронном информационном пространстве от государство-медиа к мы-медиа: трансформация влияния информационных технологий на политический процесс в период 1998–2010 гг.

Леви Дмитрий Андреевич, кандидат политических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Развитие влияния информационных технологий на политические процессы на национальном и международном уровне в период формирования нового явления — электронных сервисов — с 1998 г. невозможно рассматривать отдельно от содержательных вопросов сложившихся и складывающихся тенденций этих политических процессов. Действительно, технологический рост, приобретение обществом новых технологических разработок, [12, с. 57] содержательно, безусловно, многое изменили в жизни жителей планеты и в первую очередь в жизни граждан наиболее успешных и технологически развитых стран. Однако лишь технологическая оценка развития была бы не полной, поскольку не в полной мере отражает содержательные изменения в общественной и более узко — в политической жизни общества и принципах взаимодействия стран. В этой связи следует понимать, что не столько изобретение новшеств в сфере информационных технологий или в частности успешный запуск первого www сервера и первой html страницы в 1989 г. [4, с. 26–29] совершили качественный переворот, а популяризация и массовость свободного использования нового медиа, которые, дополняя видение своих изобретателей, сделали информационные технологии пространством нового вида медиа-ресурса, инструментом не только информационного обмена знаниями, но бизнес-средой, средой коммуникации, соревновательной политической пропа-

ганды и частью политического процесса, как национального уровня, так и уровня межгосударственного. Возможности традиционных и новых участников международных отношений с чертами акторов — отдельных индивидуумов, групп людей и корпораций — изобретать, технологически дополнять и расти на базе публично доступных технологий стали катализатором трансформации технологического новшества в принципиально новую систему.

Действительно, при традиционном развитии современные информационные технологии остались бы на уровне сервиса, как когда-то замерла в своем развитии индустрия телефонной связи, ограничившись лишь несколькими видами услуг. Исследователи и сегодня могут гадать, дошел бы до столь острой фазы «карибский кризис», если бы прямая телефонная связь между главами США и СССР уже была налажена ко времени его зарождения, а не сразу по завершении; а спецслужбам не пришлось бы 12 часов расшифровывать телеграмму Хрущева, состоявшую из 3000 слов, в условиях, когда мир стоит на пороге начала ядерной войны и каждая минута на счету [10].

Уповая на особенности эпохи, возможно, вопрос следовало бы переиначить и задавать в ином русле, ставя под сомнение не столько вывод, сколько средство: посредством какой связи, если не телефонной, мог бы быть разрешен кризис. Однако на современном этапе ИТ со-

вершило качественный прорыв, неожиданно трансформировавшись в медиа-ресурс, приобретя самостоятельное влияние и политическую роль. И одним из ключевых факторов, оказавших влияние на этот переход, стало именно разрушение монополии государства — в нашем случае США — на контроль и управление медиа и коммуникационным ресурсом информационных технологий. То, о чем весной 2014 года вдруг заговорил президент России В. В. Путин, указывая на «контролирующую руку США» в поисках виновного в провале собственной в т. ч. ит-экономики, совсем не так однозначно, как хотелось бы представить. Уход США от контроля над техническими средствами к работе с сервисами, то, что трудно даже осознать рядовому российскому чиновнику, в США случилось в первые годы популяризации сервисов. Формальное отстранение государственных структур от контроля за доменной зоной в 1998 году означало первый формальный шаг к формированию медиа нового типа. Период 1998–2010 годы, десятилетие, в ходе которого информационные технологии в понимании большинства из, в лучшем случае, инструмента менеджмента, публикации и учета данных превратились в механизм воздействия на общество и даже механизм общественного самоуправления, посягающий на монополию государства в этой сфере. Очевидно, что следующая итерация этого процесса происходит сегодня, когда ICAAN принимает решение о выделении не только самостоятельных многоязычных доменов, но и абсолютно независимых доменных имен с произвольным именем вроде кириллического «.орг» и проч. Но возможные перспективы развития системы медиа, вызванные внедрением 3-ей волны развития доменной системы, ориентированы на будущее.

Исследуя общественное проявление развития информационных технологий, социальные и даже политические процессы, такие как тяготение к «нетократии» возникающие в обществе, [12, с. 67] можно сформулировать утверждение о том, что в центре внимания политических и социальных наук, исследующих процессы реформирования общественного отношения к электронным медиа, следует делать упор не на конкретные технологические новинки и решения из мира информационных технологий, а непосредственно эффект, который технологический процесс произвел и те процессы, которые начали набирать обороты в общественной и политической жизни и даже последствия произошедших изменений. Вместе с тем, вовсе не говорить о технологиях, которые шли бок о бок с развивающимися процессами и зачастую были их первопричинами, также нецелесообразно. Популяризация информационных технологий, массовость их использования и отделение в большой степени от государства позволила направить в эту сферу мысли и устремления тех, кто связывал свое будущее с созданием альтернативной от жесткой постиндустриальной корпоративистской общественно-финансовой системы. В сфере ИТ нашли себе прибежище технологические мыслители нового нетократического поколения — кибер-

анархисты, [11], [8] чьи устремления хотя и соответствовали в большой степени духу «Декларации независимости киберпространства», [7] для политического уровня и национального и международного политического процесса оставались достаточно безразличными. Но в становлении нового формата отношения общества к ИТ и формированию устойчивого влияния ИТ на политические процессы существенно большее значение в прозрении общества сыграли рекламные технологии информационных сетей. Они разъясняли своей аудитории, что в сети пользователь может в определенной степени сам определять правила игры и устанавливать социальные и прочие барьеры, недоступные в реальном мире. Еще большую убедительность этим тезисам добавила плодотворная почва: выросшее на компьютерных играх поколение 1990-х гг. В условиях сублимированной реальности виртуального общения, виртуальных социальных сетей и игр в купе с условиями сетевой анонимности еще больше отпустившей социальные «тормоза» у значимой части населения с одной стороны, а с другой раскрепостившей воображение, определенные слои общества смогли начать вообразить возможность организации альтернативного в т. ч. политического общества. Это новое или альтернативное общество в большой степени могло бы быть построено на утопических примитивизационных положениях правил виртуальных систем, но с точки зрения своих сторонников оно сохраняло бы свои черты, обеспечивающие большую справедливость или комфортность их существования.

То, о чем сказано выше в технологическом смысле выразилось в развитии технологий с одной стороны безмодераторного диалога (немодерируемые форумы, социальные сети и проч.), а с другой стороны — скрытого файлового или информационного обмена без надзора со стороны государства или псевдо-государственных корпоративных структур. Если первое означало с теоретической стороны явный кризис модели Д. Истона «Источник — Комментатор — Получатель», о чем в первой главе высказано несколько суждений, а также формирование нового типа источников информации, характеризующих как эпоху, так и общественное и политическое развитие, то вторая технологическая часть чуть менее доступна рядовым гражданам, поскольку более технологически содержательна и менее dummm user-friendly. Здесь речь идет о технологиях прямой или скрытой от контроля передачи файлов и данных I2P, P2P или Tor (здесь считаем, что внедрение p2p относится к периоду появления сети Napster в 1999г). Когда корпоративный уровень, в первую очередь ассоциации правообладателей, проявили беспокойство и первые сети, построенные на базе P2P протокола — eDonkey — закрылись, сетевая общественность отреагировала взрывом новых алгоритмов, успешно преодолевающих технологические возможности государства или компаний по блокировке. Одновременно в 1998 году стартовало еще одно направление «отделения» общества от государства — независимый от го-

сударственных или наднациональных государственно-подобных структур финансовый проект по использованию наиболее оригинальной валютной единицы — Bitcoin (BTC). Не следует путать корпоративные псевдо-валюты вроде популярных в России Яндекс. денег, Webmoney или Google PayPal с системой Bitcoin: принципиальным отличием является отсутствие у этой системы эмиссионного звена — центрального банка или его корпоративного эквивалента. Bitcoin как валютная единица определена открытыми программными алгоритмами, подвержена дефляции, страдает рядом болезней «настоящих» валют, однако алгоритмически защищена от допэмиссии: заранее известно, что общее количество «денег» BTC никогда не превысит количество в 21000000 единиц. Несмотря на сопротивление некоторых стран в т. ч. России, использование Биткоинов — реальность, и чем раньше государства осознают необходимость не столько бороться с электронными формами финансов, сколько поймут пользу для себя в использовании этих инструментов для продвижения собственных услуг и сервисов, тем большую прибыль смогут для себя извлечь.

В совокупности с первой группой технологические проявления такого рода, безусловно, являются инновационными. Однако поскольку нас в первую очередь интересует резонанс такого рода явлений, следует отметить, что для настоящего исследования влияния информационных технологий на политический процесс и развитие международных отношений в период с 1998 становление этой тенденции технологического развития означает:

во-первых, стремление значимой части общества дистанцироваться от государственного (или корпоративного) контроля,

во-вторых, начало формирования нового типа источников информации в политическом процессе и международных отношениях, который базировался бы не на сообщениях «уполномоченных каналов» (СМИ), а на сообщениях индивидуумов (Twitter, например),

в третьих, приобретение целым рядом субъектов, которые ранее даже на уровне политического процесса не претендовали на особый статус, ряда черт, ранее свойственных исключительно акторам международных отношений и мировой политики в целом.

Одним из наиболее важных и интересных эффектов, который приходится на период с 1998 г., можно с большой долей уверенности назвать «политическим эффектом Google» и поставить в один ряд по значимости для международной и политической жизни с «эффектом CNN». Исторически, поисковый алгоритм Google, базирующийся на принципах расчета «репутации» источника информации и, исходя из параметров репутации, определяющий релевантную ценность данных, не был первооткрывателем технологии. Как часто случается в истории, технология сначала возникает, уходит на второй план, а затем возрождается. Так, Google Page Rank в большой степени копировал, например, Яндекс ТИЦ. Однако именно Google оказался первым, кто поставил задачу многофак-

торных репутационных расчетов в мировом масштабе и добился эффективности.

Информационный эффект Google состоит в том, что их аналитический подход исходит из оценки любых информационных фрагментов, независимо от их статуса. Ключом к оценке достоверности источника является его репутация — количественно измеренные цитирования источника, совершенные другими источниками.

Другим качественным фактом является также и то, что именно Google оказался компанией-технологией, которая заявила о признании интернет-наследия в качестве исторического наследия и начала свое участие в проекте исторического наследия и начала свое участие в проекте конца 1990-х по формированию библиотечно-исторического архива web.archive.org, призванного сохранить этапы развития интернет-сети и ее порталов в разные моменты истории для последующего исторического анализа не столько технологий, сколько образа мышления. Согласно этим наблюдениям, тенденция политизации информационного пространства достигла пика именно в 1998–2010 гг., что объясняется появлением возможности интенсификации политических дискуссий на новой медиа-площадке форумов и социальных сетей. Немного позднее — с 2010–2014 эти же медиа-площадки возьмут на вооружение и мобилизационные ресурсы, пошатнувшие или опрокинувшие некоторые режимы в эти годы.

Качественным отличием традиционных источников от новых видов источников является тот факт, что источники до 1998 г. в т. ч. электронные, как правило, имеют конкретного автора. Начиная с 1998 г. начинается процесс «таяния» понятия собственности на суждения. Объектом источниковедческого анализа электронных материалов становятся не только и не столько чьи-то суждения, заключения или статьи, а дискуссии равно-анонимных равно-независимых участников. Содержание дискуссии, а также последующее ее цитирование и тиражирование становится самостоятельным источником и показателем авторитетности заключений дискуссионтов. Источником и инструментом получения исторического знания об эпохе и историческом периоде становится информация о тиражировании мнений (перепост), выделении «хэштэгов». Если в 1998 году начался процесс отделения интернет-среды от off-line общества в нескольких областях, популяризация использования ИТ решений, мода на ИТ позволили обществу осуществить переход в состояние, когда пространство информационных технологий перестало быть технологической площадкой, а приобрело черты интерактивного медиа нового типа. В сравнении с любой интерактивностью традиционных СМИ, интернет-медиа предложило несколько формирующихся парадигм, среди которых для политического процесса и международного влияния особую роль сыграла, например, парадигма интерактивных «Я-медиа».

Роберт Шекли, великий американский фантаст считал, что главное в поиске истины — правильно задать вопрос. Можно ли считать, что сравнение традиционных СМИ с новыми медиа, а традиционных источников с источни-

ками интерактивной эпохи может быть оправдано, а выделение их в отдельную категорию или хотя бы вид — конструктивным и продуктивным? Формула Дэна Гилмора, которую он провозгласил в своем выступлении, а затем и книге «Мы — Медиа!» [3, с. 10] полагает, что «саможурналистика» является самостоятельным направлением в журналистике, а информация, освещаемая «людям о людях и для людей» и самых разных странах является средством «преодоления режимов, международной неприязни и корпоративных барьеров». Анализируя современный мир, он вводит понятие «gate-keeper for media» — «гейткипперства для медиа», оставляя современным СМИ роль «привратника, сторожащего дверь, за которой скрывается правда, под неусыпным оком государства и корпораций». Конечно, в рассуждениях Гилмора немало киберанархизма, однако его мотивы состоят в том, что медиа-источники новой волны и нового типа справедливо отличаются от традиционных уже тем, что им разрешено не быть по умолчанию достоверными.

Очевидно, что в поиске продуктивности и целесообразности выделения нового вида источников следует обратиться к опыту не только исторической, но и прочих наук. Вместе с тем, проблема отличий интернет-источника от традиционного на повестке дня не стоит: не случайно на академическом уровне интернет-источники выделяют в отдельный раздел, а даже за годы обучения на факультете международных отношений вопрос о том, как оформлять сноски на электронные ресурсы зачастую в общении с каждым научным руководителем решался по-разному не только из-за разных толкований ГОСТов, но и из-за особых свойств электронных источников — негарантированной долговечности, подверженности быстрым и малозаметным изменениям и, нередко, непроверяемости. В этой связи для научных оценок исторических событий, а также оценки политических эпизодов и явлений международных отношений и мировой политики наличие конкуренции между телевидением и, например, YouTube или газетами и журналами и блогами является оправданным и целесообразным. Имея в распоряжении огромный пласт непохожих на ранее анализируемые первичные и вторичные источники материалы, с точки зрения исторической науки их было бы неоправданно ошибочно игнорировать как для реконструкции прошедших событий, так и для политологического анализа с целью построения прогностических сценариотехнических моделей, основанных на опыте развития в первую очередь общества.

Говоря о появлении новых типов источников исторических и политических сведений для национальных политических процессов и международных отношений, в целом следует обратить внимание на то, что именно в период 1998—2003 гг. происходит понимание кластеризации информационных технологий по языковому принципу. Технологическим изначальным языком ИТ исследований был английский язык. Однако по мере развития и распространения моды на ИТ и ИТ-коммуникацию язык стал вытесняться национальными языками, формирую-

щими не только «национальные интернет-пространства», но и национальные коммуникационные пространства. Вслед за лидером, национальные языки стали обрастать диалоговыми формами сокращений, иногда переводными или транскрибированными (например, «ИМХО»), иногда собственно национальными и трудно переводимыми в т.ч. политически окрашенными (например, «Привет, Медвед», и проч.). Тенденцию по многоязычному распространению информации в ИТ-пространстве зафиксировала, поддержала и в известном смысле определила кульминацию этого процесса в 2003 году Организация Объединенных Наций в рамках «Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству», отметив наличие неравенства с одной стороны (ст. 1) и зафиксировав наряду с «государствами-членами, международными организациями» нового актора, в определении Рекомендации «индустрию информационных и коммуникационных технологий».

«Я-медиа», как своеобразное продолжение принципа «Я-корпорация», или «user-generated media», как более высокая форма организации медиа, — являются средствами генерации нового вида источников. На этапе формирования этого типа медиа форумы, системы блогов и первые социальные сети постепенно начали применять принцип самонаполнения контентом своих информационных страниц, а еще позднее, на выходе из описываемого этапа в 2003—2004 годах начали впервые рассматривать пользовательский контент как экономическую ценность с одной стороны и как элемент сбора информации о пользователе, его социально-политической активности и пристрастиях. [3, с. 19]

Спецификой источников нового вида является то, что в своей массе они являются суждениями. В отличие от мемуарных статей эти суждения скорее похожи на дневники, однако при этом, интерактивные источники могут отражать несколько меняющихся точек зрения, важными факторами в их анализе будут не только содержательные элементы, но и изменения в ходе дискуссий или споров, характер аргументов, ангажированность участников, применение троллинга и проч. Хорошим примером источника нового типа может служить доступная в архиве американского сайта www.ipolitics360.com круглосуточная дискуссия в форуме, проходившая в августе 2008 года в течение 12 суток. [6] Эта дискуссия, в которой принимали участие граждане значительного количества стран не только демонстрирует разные подходы, которые применяли традиционные гейт-киперы информации СМИ, но и разные степени осведомленности и личной ангажированности участников. Характерно, что за 12 суток дискуссии участники этого крупного форума договорились и провели 2 акции протеста напротив Российского посольства в Вашингтоне, 1 акцию напротив консульства Грузии в одном из городов США и 2 массовых пикета напротив Нью-Йоркского отделения CNN. Индивиды, по большей степени ранее невовлеченные в активную политическую жизнь, заинтересовавшись информацией

в традиционных медиа, пришли на интерактивное медиа, каждый по-своему разобрался в ситуации и отреагировал так, как ему подсказала совесть. Своими действиями эти индивиды сформировали временную группу с общим интересом и применили ее возможности и консолидацию для политически значимых действий — общественных заявлений. Эскалируя свое политическое заявление, они использовали любительские видео-записи, наглядно демонстрируя себя и своих сторонников, рекрутируя таким образом новые массы последователей.

Другой прекрасный пример «подпольной» деятельности «Я или Мы — медиа» связан с Иракской кампанией США. Традиционные СМИ откровенно замалчивали медиа-значимость отдельных заявлений против военной кампании. Однако наличие неподконтрольных каналов нового формата позволило антивоенному движению не только набрать обороты, но и способствовать частичному выводу войск из Ирака, а также частичному осуждению всей кампании. Политическая и международная вовлеченность источников формата новых медиа в данном случае налицо. Историческая их значимость, зафиксированность отдельных переписок, аргументаций и эпизодов впервые приближает историю к ответу на вопрос, а о чем действительно думали те или иные политики, когда принимали те или иные решения. Кому, как ни самым разным современникам, чье мнение еще не отравлено знанием о том, как очередной кризис закончится или разрешится, судить об этом?

Опираясь на характерные особенности источников нового формата, следует отметить, что большая часть их технологических решений была предложена в период с 1995 по 2002 год, а их популяризация и признание собственно и приходится на выделенные 1998–2003 гг. При этом судить о датах популяризации достаточно просто по обзорным статистическим данным web.archive.org, статьям о версионности ядер программных решений по управлению сайтами и собственно появлению независимых блогговых площадок.

Нельзя сказать, что на проблему перерождения понятия «источник» с точки зрения исторической ценности в эпоху информационных технологий в настоящем исследовании автор обращает внимание впервые: ключевое новшество авторского подхода состоит в особом угле рассмотрения вопроса. Однако, в 1999–2000 гг. под патронажем Совета по библиотекам и информационным ресурсам США (CLIR) состоялось несколько сессий семинара «Аутентичность в цифровом мире». [9] Одним из наиболее важных вопросов, который ставился перед участниками семинара, состоял в том, что им предлагалось дать свое определение отношения оригинала источника и роли электронной копии источника в современной среде. [9] Участники семинара разошлись во мнениях, с одной стороны, настаивая на несовершенстве современных технологий и тем самым пытаясь отказать информационным технологиям в праве быть колыбелью собственного типа источников, а с другой стороны, настаивая

на наличии бумажной копии, по оценке Эбби Смита, хранимой в библиотеке — депозитарии, чтобы электронный документ «не вызывал сомнений». [1, с. 1–75]

Позднее в 2000 году были опубликованы материалы заседаний участников Международного проекта InterPARES [2,30–34], который объединил усилия представителей 14 стран, 10 национальных архивов и 17 университетов, специализирующихся на дипломатике и международном архивном деле. Подход участников состоял в первую очередь в поиске ответа на вопрос о возможности доверия электронным документам, однако и здесь у участников прозвучали нотки сомнения в том, что «небумажной» копии можно доверять. Аутентичность электронного документа, вновь обозначенная как основной риск, сложность резервирования и хранения документов были признаны участниками проекта нерешаемыми пока проблемами. Однако тот факт, что InterPARES назвал список конкретных претензий, позволил продолжить размышления.

К выводам InterPARES в мировом сообществе отнеслись двояко: постепенное перевооружение представителей исторической науки и библиотечного дела подталкивает наиболее ищущие умы к поиску решения, способного нивелировать недостатки и усилить достоинства. В середине 2001 г. на VI Европейской конференции архивистов Кеннет Тибодо (директор Программы электронных документов Администрации США по национальным архивам и делопроизводству — NARA) представил результат своих многолетних исследований: архитектуру и требования к Открытой Архивной Информационной Системе (OAIS). [5] Хотя проект Тибодо не получил некоторую поддержку только в 2010 году, когда его выводы стали совсем уж очевидны, в своем выступлении он обозначил весьма значимые аспекты: Кеннет Тибодо определил, что современные ИТ-документы могут претендовать на особое положение и их с точки зрения архивного и библиотечного дела следует рассматривать по законам делопроизводства. Компания Майкрософт в своих бизнес-продуктах группы Microsoft Dynamics и Sharepoint Office назвала эту особенность версионностью, придумав, как в ИТ мире можно сохранять несколько версий одного и того же документа, запоминая последовательно все правки. Таким образом, обозначенный новый тип источников в какой-то степени смог преодолеть проблемы собственной уникальности, а человечество нашло способ его регистрации в динамике. И хотя этот технологический алгоритм несовершенен и пока не всегда доступен, о мнении общественности, широких масс самых разных регионов мира, а не отфильтрованных и срежиссированных заключениях медийных комментаторов, историки узнают именно по протоколам сотен диалогов, комментариев и дискуссий сети интернет, сохраненных в специализированных базах данных ИТ сетей. Впрочем, до полноценного признания этого вида источников, переосмысления понятия и традиционных свойств источника — таких как мера изменения оригинальности, подлинности или аутентичности — придет еще значимое время.

Обобщая сказанное выше и подводя итог выделению этапа в развитии роли информационных технологий на международные отношения и национальные политические процессы, укажем, что новая разновидность источников, предложенная ИТ развитием, непосредственно связана со всеми направлениями жизни общества в широком понимании. Процесс глобализации, несмотря на неоднозначное к нему отношение в разных регионах мира и разных культурах, способствовал взаимопроникновению информации и иллюзорному «сжманию» мира: коммуникация и многие производственные и управленческие процессы убыстрились, а это означает, что в мире остается все меньше мест, значимые события в которых не имели бы значения для остальной части

мира. В политической и международных сферах — особенно, поскольку военные действия, перевороты или революции, а также просто гражданские акции оказывают существенное влияние на привлекательность инвестиционного климата региона. Информационные источники, созданные технологическим прогрессом, лежащие в основе целого ряда исследовательских подходов, не могут быть проигнорированы ни исторической, ни политической науками. При этом обязательным является необходимость учитывать особенности этих источников, осознавать, что их уникальные черты не только служат оправданием для выделения этих источников в отдельную категорию, но и подчеркивают их слабые и сильные стороны.

Литература:

1. Cullen Ch., Hirl P., Linch K., Smith E. Authenticity in a Digital Environment. Council on Library and Information Resources, Washington, D. C. 2000. // www.clir.org/pubs/reports/pub92/pub92.pdf.
2. Duranti, L. The InterPARES Project: goal, methods and preliminary findings // Il Mondo degli Archivi. Speciale VI Conferenza Europea degli Archivi, Firenze, 2001. Roma, 2001.
3. Gillmor, D., We the Media: Grassroots Journalism by the People, for the People. O'Reilly, 2006.
4. Quittner, J. Network Designer Tim Berners-Lee. // TIME Magazine, Mar. 29, 1999
5. Thibodeau, K. The Unsteady State of the Art of Preserving Electronic Records // Il Mondo degli Archivi. Speciale VI Conferenza Europea degli Archivi. 2000.
6. War-talks review // www.ipolitics360.com
7. Барлоу Дж., Декларация независимости киберпространства. 1996 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.uis.kiev.ua/russian/win/~xyz/index.rus.html>;
8. Быков, И. А. Киберпространство как фактор развития политических идеологий // Политическая наука N 02, 2008
9. Дипломатика на службе у архивистов // Историческая информатика N 1, 2012 <http://kleio.asu.ru/aik/krug/7/18.html>
10. Красный телефон охладил пыл борьбы // <http://www.inosmi.ru/world/20090831/252094.html>
11. Ладлоу Питер Кriptoанархия, кибергосударства и пиратские утопии. — Москва: Ультра. Культура, 2005.
12. Леви, Д. О призраке «революции нетократов»: эволюция отношений информационных технологий, медиа-пространства и государства // Научная перспектива. N4 (50), 2014

Стратегия нового Шелкового пути: проблемы и перспективы

Холов Юсуфджон Шералиевич, магистр гуманитарных наук (г. Астана, Казахстан)

В июле 2011 года Государственный секретарь Соединенных Штатов Америки Хилари Клинтон в ходе своего визита в Индию озвучила Стратегию нового Шелкового пути (СНШП), которая направлена на развитие экономики Афганистана путем создания разветвленной сети региональных транспортно-экономических связей между Центральной и Южной Азией. В стратегии Афганистан играет связующую роль между рынками двух регионов, что позволяет стране интегрироваться в региональные экономики и будет содействовать развитию его экономики. Стратегия нового Шелкового пути призвана

в конечном итоге создать общий экономический рынок между регионами. Инфраструктурные проекты должны создать много рабочих мест, а транзитные страны получать выгоду от реализации газопровода из Центральной в Южную Азию [1].

Реализация Стратегии нового Шелкового пути состоит из программных и аппаратных средств. К программным средствам Стратегии входят либерализация торговли, сокращение торговых барьеров и препятствий, усовершенствование системы управления по упрощению процедур пересечения границ для ускорения таможенного оформ-

ления, повышение инвестиционного климата, преодоление бюрократизма, искоренение коррупции и т.д. Аппаратные средства включают в себя создание новых объектов инфраструктуры, таких как электрические сети, железные дороги, дороги, нефте- и газопроводы, которые будут соединять центральноазиатских стран, Афганистан и стран Южной Азии.

Высшие официальные лица США, такие как Госсекретарь США Х. Клинтон, заместитель госсекретаря Бернс, помощник Госсекретаря по делам Южной Азии Блейк, заместитель помощника Госсекретаря С. Элиот, Специальный представитель Вашингтона в Афганистане и Пакистане М. Гроссман и другие активно продвигают идею Стратегию нового Шелкового пути, совершая официальные визиты в страны регионов. США прилагают большие усилия для привлечения других стран в этот проект. Так, в Нью-Йорке в ноябре 2011 года состоялось Министерское совещание по новому Шелковому пути при участии госсекретаря Клинтон и сопредседателя встречи — министра иностранных дел Германии, министров иностранных дел и старших должностных лиц из 27 стран и международных организаций.

Наиболее значимыми механизмами и экономическими проектами в плане продвижения интересов СНГП являются Региональная конференция экономического сотрудничества по Афганистану (РЕССА) и Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество (ЦАРЭС).

Региональная конференция экономического сотрудничества по Афганистану была инициирована в 2005 году в качестве форума и направлена на стабилизацию ситуации в Афганистане и способствованию региональной экономической интеграции Южной и Центральной Азии. До сегодняшнего дня состоялись 5 форумов в Афганистане, Индии, Пакистане, Турции и в Душанбе. На последнем форуме были определены 17 инфраструктурных строительных проектов, включая автомобильные и железные дороги, проекты по энергетике, инвестиции, развитие человеческих ресурсов, транзиту, пограничного контроля и транспортировки.

Сотрудничеству с ЦАРЭС-ом также придается важное значение в реализации Стратегии. ЦАРЭС призвано содействовать развитию транспорта, торговли и энергетики в центральноазиатских странах и прилегающих областях [3]. При активной содействии международных организаций, в первую очередь Азиатского банка развития реализовываются ряд больших проектов в рамках ЦАРЭС. Так, за все время своей деятельности ЦАРЭС предоставило более 16 миллиардов долларов в виде инвестиций в 120 проектов, большая часть которых приходится на транспортные проекты. В общей сложности это 92 проекта. К ним относятся строительство шести поперечных транспортных связей; кроме этого, построены и обновлены трассы длиной в 3600 км, произведена укладка около 2000 км железных дорог. Энергетические проекты составляют 28 из остальных 38 проектов, также имеются 10 проектов по развитию торговли.

В стратегии большое внимание уделяется социально-экономическим аспектам. Так, при помощи привлечения частных инвестиций и развития частного сектора планируется создать множество рабочих мест. Важной особенностью социального аспекта Стратегии является вовлечение участия женщин и их занятость. В июле 2011 года в Бишкеке и в марте 2014 года в Душанбе состоялись экономические симпозиумы женщин стран Центральной Азии. Основной темой конференций являются борьба за экономические и социальные права женщин в Южной Азии. В конференциях обсуждаются новые тенденции для расширения возможностей женщин в странах Центральной Азии и Афганистана. В данных мероприятиях принимают участие представители общественных движений и объединений, женщины-руководители частных предприятий, лидеры системы образования и гражданского общества из США, Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Туркмении и Афганистана.

Стратегия нового Шелкового пути имеет цель налаживания стабильных торговых связей между странами регионов, создание транспортного коридора между Центральной и Южной Азией, где Афганистан будет играть связующую роль, строительство и запуск газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ), энергопоставки Центральная Азия-Афганистан-Южная Азия (CASA-1000) и др.

В плане продвижения торговых связей между странами наблюдается определенные позитивные результаты. Так, в 2010 году между Пакистаном и Афганистаном был подписан Соглашение о транзитной торговле, в соответствии с которой планируется открытие 18 пропускных пунктов. Также, был урегулирован вопрос въезда афганских грузовиков в Пакистан. Также две ключевые страны Южной Азии Индия и Пакистан в 2011 году договорились об открытии в Вагахе нового перехода. В том же году Таджикистан и Киргизия подписали соглашение о включении Афганистана в Соглашение о транзитных перевозках, которая направлено на улучшение условий транзитных перевозок, повышение их эффективности. Наиболее важными достижениями в плане реализации Стратегии нового Шелкового пути являются постройка нескольких мостов на реке Пяндж между Таджикистаном и Афганистаном, открытие автомобильных трасс между Пакистаном и Афганистаном и запуск железной дороги, соединяющая Узбекистан с Афганистаном в 2012 году, которое заложило основу для строительства других железнодорожных путей из Афганистана в соседние страны. Интерес к строительству железных дорог в Афганистане проявляют и другие страны двух регионов. Так, Индия планирует построить железную дорогу, соединяющая двух государств для транспортировки железной руды из Афганистана. Также, между Туркменистаном и Афганистаном подписано рамочное соглашение о строительстве железной дороги из Туркмении в Афганистан. Подобные планы имеются и у Ирана.

Проект «Центральная Азия — Южная Азия» (CASA1000) является многосторонним энергетиче-

ским форматом сотрудничества и занимает важное место в СНГП. Цель проекта заключается в использовании богатого гидроэнергетического потенциала стран Центральной Азии для развития Афганистана и Пакистана [2]. Предполагается ежегодная транспортировка около 1300 мегаватт электроэнергии в Южную Азию, отсюда и название проекта. В рамках CASA–1000 будут построены линии электропередачи общей протяженностью более 1,2 тыс. км, а также необходимые подстанции, для передачи в Афганистан и Пакистан избыточного объема электроэнергии, вырабатываемой летом существующими гидроэлектростанциями в Кыргызстан и Таджикистане.

В конце марта 2014 года Совет директоров группы Всемирного банка одобрил финансирование в размере \$526,5 млн. в виде грантов и кредитов для данного проекта. Общая стоимость проекта оценивается в \$1,17 млрд., остальные средства для финансирования CASA–1000 будут предоставлены рядом других партнеров по развитию, включая Исламский банк развития и Агентство США по международному развитию.

Проект газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ) предполагает экспорт туркменского газа в Афганистан, Пакистан и Индию. Планируется, что ежегодная пропускная способность газа будет составлять 33 млрд. куб. м. в течение 30 лет. Газ будет распределяться следующим образом: из 90 млн. куб. м в сутки

14 млн. пойдут в Афганистан, Пакистан и Индия получат по 38 млн. куб. м. В 2012 году между Пакистаном, Индией и Туркменистаном был подписан Соглашение о покупке и продаже природного газа. Тем не менее, переговоры еще не завершены. Трубопровод предполагается ввести в эксплуатацию в 2018 году. Предполагается, что общая стоимость проекта по окончании строительства достигнет \$10–12 млрд.

Реализация Стратегии нового Шелкового пути будет занимать достаточно долгое время и пока рано говорить об успешности или провальности этого проекта. Реализация Стратегии сталкивается с множеством проблем, такие как нестабильность регионов, низкий уровень региональной торговли, межгосударственные проблемы, терроризм и экстремизм, нищета. Наиболее серьезной проблемой Стратегии является нестабильность в самом Афганистане, так как все проекты Стратегии (строительство железных дорог, транспортировка газа, электричества и продуктов, привлечение инвестиций и т.д.) непосредственным образом зависит от стабильности в Афганистане. Также Стратегия частично исключает и является конкурентом другим региональным проектам России (Евразийский Союз) и Китая (Новый Шелковый путь). С геополитической точки зрения Стратегия нового Шелкового пути направлена на уменьшение зависимости стран Центральной Азии от России и Китая.

Литература:

1. The United States' «New Silk Road» Strategy: What is it? Where is it Headed? U. S. Department of State. Remarks. Robert D. Hormats, Washington, DC. — URL: <http://www.state.gov/e/rls/rmk/2011/174800.htm>. (дата обращения 13.05.2014.)
2. Всемирный банк, «Проект по развитию регионального электроэнергетического рынка Центральной Азии и Южной Азии «(CASA 1000), — URL: www.worldbank.org/projects/P110729/central-asia-south-asia-electricity-trans-mission-trade-project-casa-1000. (дата обращения 01.05.2014)
3. Linn, J. Central Asian Regional Integration and Cooperation: Reality Or Mirage?// EDB Eurasian Integration Yearbook 2012. Almaty: Eurasian Development Bank, 2012. Стр. 111.

СОЦИОЛОГИЯ

Социальные сети в современном обществе

Бурко Роман Александрович, соискатель, ассистент;

Терёшина Татьяна Викторовна, студент

Уральский государственный экономический университет, Березниковский филиал

Современное общество — это общество высоких технологий. Интернет охватил весь мир и все сферы жизнедеятельности людей. Интернет-магазины дают возможность совершать покупки, не выходя из дома, он-лайн трансляции позволяют просматривать телепередачи, новостные программы и т.п. Обмен информацией, поиск работы, общение между людьми, отдых переходят сегодня в мир виртуальный. (1)

Основная функция социальных сетей — обеспечивать поддержание связи между людьми, даже когда они находятся далеко друг от друга. Каждый человек может посредством социальных сетей легко общаться с друзьями и коллегами, а также произвести поиск людей, связь с которыми была прервана, и обзавестись новыми приятными знакомствами. На сегодняшний день нередки случаи, когда в результате знакомства молодых парней и девушек образуются новые семьи. Просмотр фотографий, видеofilmов, прослушивание аудиомузыки. Если у вас появились новые фотографии, которые вы очень хотите показать своим друзьям, если вы хотите легко найти фильм с целью его просмотра или послушать любимые аудио хиты без длительного их поиска по другим музыкальным сайтам — социальные сети вам в помощь.

На основании всего этого можно сделать вывод, что социальные сети занимают огромную роль в жизни современной молодежи, и на основании этого был проведен опрос-анкета для студентов БФ УрГЭУ.

Самым интересным было выяснить общую зависимость молодежи от социальных сетей. Это было сделано с помощью преобразования ответов в анкету в процентное соотношение зависимости. Всего было опрошено 50 человек, в анкете содержалось 17 вопросов с вариантами ответов, а также возможность заполнения строки — свой вариант.

Средняя зависимость в сумме по всем анкетам равна 46%. Это значит, что люди практически на 50% зависят от социальных сетей. Термин «зависимость от социальных сетей» психологи выделили недавно. До этого выделялся

термин «зависимость от Интернета». Социальные сети набирают всё большую популярность. Чаще всего, ими пользуются подростки и молодые люди до 30 лет. (2) Так как наше исследование было среди студентов, то в основном в нем участвовали лица от 16 до 20 лет.

Все опрошенные на вопрос «есть ли вы в социальной сети» ответили положительно, каждый зарегистрирован «Вконтакте» — 100%, а также встречаются «мой мир» — 50%, «одноклассники» — 20%, «Facebook» и «Instagram» по 10% от числа всех опрошенных. Далее вопросы исходили из темы статьи, наиболее интересные результаты:

— «Сколько раз в неделю вы заходите на свою страницу в социальных сетях?» — 95% отвечают, что каждый день посещают страничку, 5% два — три раза в неделю. При этом в день по два — три часа проводят 32%, четыре — шесть часов или весь день без учета сна по 20% опрошенных, и 18% час или два часа в день.

— Время проведения в социальной сети чаще всего приходится на день и вечер.

— Наиболее важные аспекты интересов в социальной сети это общение с друзьями и знакомыми людьми 95%, а также выбирали такие варианты ответов как просмотр интересных фактов и страниц, прослушивание музыки

— Доверяют полученной информации из социальных сетей 60% опрошенных.

— Желание специально сфотографироваться и тут же разместить свои фото в сеть имеют 20% опрошенных, иногда желают сфотографироваться специально для социальной сети 60% и 20% вообще не испытывают такого желания.

— Всегда интересно знать, что происходит на их социальной странице 65% опрошенных, а остальным либо не интересно, либо иногда.

— Общение в социальных сетях чаще приятнее, чем в реальном мире лишь 8% опрошенных, 80% отмечают, что иногда общение в социальных сети приятнее, чем в реальности, остальные 12% некогда не заменят реальное общение социальным сетям.

— 72% опрошенных утверждают, что некогда не сорились с близкими из-за проведения времени в социальных сетях, иногда возникают конфликты у 23% опрошенных, и часто возникают ссоры у 5%.

Внимательно просмотрев результаты тестирования можно выявить, что молодежь, проходившая данное исследование в общем виде не имеет серьезных проблем связанных с зависимостью от социальных сетей. Есть лишь малый процент с явными признаками зависимости, так же встречаются такие ответы, которые вообще не имеют признаков данной привычки.

Под термином «привычка» подразумевается влечение субъекта к определенному чувству удовлетворения. При этом субъекту не удается справиться с этим порывом, он чувствует навязчивое желание совершать определенное действие, которое может быть вредоносным как для самого субъекта, так и для окружающих. Все формы зависимости, как и рассматриваемый, случай интернет — зависимости, характеризуются поиском чувства удовлетворения, в данном случае — при использовании интернета. В результате увеличивается время, которое затрачивается на достижение этого чувства. При этом отсутствие интернета может быть равносильно стрессовой ситуации.

Очень интересный вопрос о конфликтах детей и их членов семьи по поводу проведения времени в интернете. Мир стремительно меняется, и это нельзя игнорировать. Когда-то людей пугали книги, которыми молодежь увлекалась чересчур. Потом — фильмы. Потом — компьютеры. Потом — игры. Сейчас — социальные сети. В этом есть правда, а есть — веяние времени. Конечно, родителей беспокоит времяпровождение своего ребенка и на фоне недопонимания, возникают конфликты.

Людям недостаточно иметь только хорошие и устойчивые отношения друг с другом. Необходим социальный интерес, определенная динамика жизни, которая приносит новые впечатления. Восприятие человека все время нацелено на некоторые изменения, новые ситуации. Поэтому слишком статичные, неизменные отно-

шения между людьми, лишённые динамики и не сопровождающиеся теми или иными событиями, со временем иссыкают. Людям становится скучно, неинтересно друг с другом, и они стремятся прервать общение — чем и объясняется «чистка» контакт-листов у пользователей социальных сетей с целью удаления неактивных пользователей с необновляемыми, статичными страничками. В то же время общение может включать в себя весьма сомнительную замену реальных событий — обсуждение других людей на основе слухов и сплетен — а в социальных сетях есть возможность создавать собственные события, подкрепляя фактаж аудиовизуальным сопровождением.

Как видно, социальные сети, активно развивающиеся в последнее время, не могут быть однозначно оценены как позитивное или негативное явление в силу ряда взаимоисключающих факторов:

— Возможность создания собственного «микромра» в формате личной веб-страницы — и одновременно конец всякой приватности и широкий доступ к личной информации неограниченного числа пользователей;

— Удовлетворение потребности в информации о жизни родных, близких, коллег и знакомых, увы, часто перерастающее в компульсивное (навязчивое) любопытство с непрекращающимся доступом к ресурсу с целью «быть в курсе» всех изменений в «жизни» виртуального партнёра по общению;

— Выработка навыков эффективного общения для установления отношений с применением минимума выразительных средств — и традиционная (в 90% случаев) фрустрация в ситуациях реального контакта с человеком «по ту сторону монитора».

— Постепенный перевод реальных отношений (в силу их сложности и неоднозначности) в виртуальную сферу из-за отсутствия желания (и... времени) выстраивать «онлайновую» коммуникацию — увы, но фраза «Я сейчас бегу, даже номер не успеваю твой записать, найди меня Вконтакте!» приобретают всё большую актуальность в нашем информационном обществе... (3)

Литература:

1. <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/6604-2013-02-24-17-11-21>
2. http://site-piter.ru/information/dependence_social_networks/
3. <http://psyfactor.org/lib/web-4.htm>

Международная образовательная деятельность Астраханского государственного университета

Жукова Маргарита Ивановна, магистрант
Астраханский государственный университет

В статье представлен опыт международного сотрудничества АГУ, раскрыты основные направления международной деятельности, показаны перспективы развития данного направления.

Ключевые слова: совместные образовательные программы, международная деятельность, академическая мобильность.

Развитие международной деятельности в университете направлено на повышение качества образовательной подготовки студентов, а также рейтинга университета в России и за рубежом. В настоящее время большинство вузов России выделяют международную деятельность как одно из приоритетных направлений развития университета. Это обусловлено тем, что процесс глобализации охватывает все сферы жизни государства, не исключая высшее образование [1]. В результате развития международной деятельности российские вузы получили возможность доступа к западным методикам обучения, зарубежному опыту в различных научных областях, привлечения дополнительных внебюджетных средств. Исходя из общепризнанной важности высокого уровня профессиональной подготовки специалистов для экономики любой страны, международная деятельность вузов выступает фактором развития экономики территории, где эти вузы расположены.

Многие вузы в наши дни разрабатывают собственные программы стратегического развития, где большое внимание, как правило, уделяется как раз качеству образования и приведению его в соответствии с международными стандартами. В таких программах всегда выделяется такое понятие, как миссия вуза. Основная миссия Астраханского государственного университета это создание, распространение знаний для развития личности и общества за счёт интеграции исследований и образования, подготовка успешных выпускников и учёных, оказывающих существенное влияние на мировое сообщество. Отсюда следует, что основными направлениями деятельности вуза выступают образование и наука, а международная деятельность выступает вспомогательной частью, обеспечивающей оптимальное выполнение задач образования и науки. Так как в настоящее время происходит бурное развитие процессов глобализации и интернационализации высшего образования и науки именно международная деятельность несёт в себе наибольший инновационный потенциал.

В условиях быстрого развития мирового рынка образовательных услуг участие вузов в международных программах стало незаменимым для обмена передовым педагогическим опытом. Астраханский госуниверситет является членом Ассоциации университетов Каспий-

ского региона и активно развивает международные отношения. В 2007 году с Университетом София-Антиполис (Франция, Ницца) и Университетом Кларка (США, штат Массачусетс) были подписаны соглашения о «двойных дипломах» для объединённых магистерских программ. АГУ имеет достаточно широкие международные контакты: с Лейнским клубом (Германия), немецкой службой академических обменов, немецким культурным центром им. Гете, Корпусом Мира (США), Региональным центром изучения французского языка при посольстве Франции в России, Фондом Сороса, Институтом Хаббла (США), Сиднейским университетом (Австралия), Национальным университетом Альтиплано (Перу), с Европейским бюро по водно-болотным угодьям (Голландия), фондом Европрирода (Германия), лабораторией Л. Нееля Национального Центра научных исследований (Франция, Гренобль), Международным центром педагогических исследований (Франция, Севр). В АГУ установлены связи с культурным представительство Исламской республики Иран, а также с рядом университетов Турции. Заключены договоры о сотрудничестве с факультетом иностранных языков Университета г. Лечче (F. L. S. LE) (Италия), Независимым университетом изучения Европы и подготовки специалистов высшей квалификации (L. U. S. E. F. E.) (г. Лечче, Италия), Университетом им. Стендаля (Франция), Франко-русской ассоциацией образовательных связей. Университет участвует в разработке проекта «Региональная сеть университетов «Еврокаспий», где его партнёрами являются: Pohjois-Savo Polytechnic (Финляндия), Newman College of Higher Education (Великобритания, г. Бирмингем), University of Malaga (Испания, г. Малага), Fachhochschule Niederrhein (Krefeld, D), Peter Sabroe Seminarieriet (Arhus, DK), Dekkerv. d. Vert Academic Bookstore (Nijmegen, NL) [2].

АГУ вошёл в состав 16 базовых российских вузов, которые формируют Университет Шанхайской организации сотрудничества, и является одним из 3 базовых вузов от России по направлению обучения «IT-технологии». Среди основных задач, стоящих перед вузом в рамках данной программы, расширение обмена студентами, аспирантами, докторантами и научно-педагогическими работниками; внедрение современных образовательных методик и технологий; активизация научно-академического

сотрудничества. В 2010 году в рамках Университета ШОС Астраханский государственный университет и Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза осуществили пилотный запуск совместной подготовки магистров по направлению «Информационные системы».

Одной из крупнейших известных программ, направленных на развитие высшего образования в Европе, является программа TEMPUS, с которой АГУ имеет большой опыт участия в международных проектах. На данный момент одним из приоритетных образовательных проектов Астраханского госуниверситета является реализация международных магистерских программ. Начиная с 2007 года, действует соглашение о реализации магистерских программ между АГУ и Университетом Кларка (США) по следующим направлениям: магистр в сфере государственного управления; магистр в сфере информационных технологий; магистр в сфере профессиональных коммуникаций. По окончании обучения слушатели получают американский диплом магистра и диплом АГУ о профессиональной переподготовке.

В 2007 году между АГУ и Университетом Ниццы София-Антиполис был заключён договор о сотрудничестве, в рамках которого для преподавания в России впервые была адаптирована магистерская программа «Мультимедийные средства, базы данных и интеграция систем» (MBDS).

В университете с 2004 года действует кафедра ЮНЕСКО «Обучающееся общество и социально-устойчивое развитие» (заведующий — ректор АГУ Александр Павлович Лунёв), целью которой является формирование региональной системы непрерывного образования; решение проблем, связанных с вхождением в Болонский процесс; создание условий для обеспечения занятости и повышения уровня благосостояния населения; снижение социальной напряжённости; предотвращения межэтнических и межконфессиональных противоречий. Кафедра активно взаимодействует с социально-экономическими, общественными, культурно-просветительскими структурами и субъектами Астраханского региона. Двумя последними примерами совместной работы АГУ и ЮНЕСКО являются разработка проекта по включению Астраханского кремля в список Всемирного наследия и проведение Всероссийской конференции кафедр и ассоциированных школ ЮНЕСКО [2].

В число совместных образовательных программ также входит магистерская программа по переводу «Теория перевода. Межкультурная и межъязыковая коммуникация» в рамках проекта «Каспийская высшая школа перевода» (совместно с Европейской Комиссией и Европейским Парламентом при поддержке правительства Астраханской области). В процессе обучения по данной программе магистранты имеют возможность проходить практику и в будущем работать в международных организациях Европейского союза, ООН, в транснациональных корпорациях и т. д. Занятия по устному переводу проходят в новейшем классе синхронного перевода на таком же

оборудовании, как в Европейском парламенте в Брюсселе и как в лучших вузах мира.

Также в состав подразделений, которые активно занимаются международной деятельностью входит Центр переводоведения и синхронного перевода, в котором расположено и Астраханское региональное отделение Союза переводчиков России. Центр организует и проводит курсы конференц-перевода. Также существуют специализированный центр подготовки гидов-переводчиков, школа технического перевода, основной целью которых является подготовка технических переводчиков по языкам и в сферах, наиболее востребованных на рынке.

В АГУ работает Отдел международных связей, сотрудники которого занимаются организацией деятельности подразделений университета, связанной с вхождением в мировое образовательное пространство и Болонским процессом, развитием международного сотрудничества в области научных исследований, организацией участия в конкурсах грантов, обеспечением участия университета в международных обществах, ассоциациях, программах, конференциях и других международных мероприятиях, рекламно-справочным сопровождением деятельности АГУ по международным проектам, сбором и размещением информации о текущих международных проектах на русском и иностранных языках, конкурсах, программах международного обмена, проведении семинаров, конференций, на web-сервере АГУ [2]. Отдел работает со следующими международными программами: Фулбрайт, Темпус, Erasmus Mundus, Программа «n+i», Стипендии Французского Правительства, DAAD.

Важным шагом в совершенствовании университетской системы экспорта образования стало создание в 2005 году факультета довузовской подготовки иностранных граждан. Основными направлениями деятельности факультета являются осуществление комплекса мероприятий по привлечению иностранных граждан, организация приёма и обучения иностранных студентов русскому языку как иностранному. По образовательным программам предвузовского обучения и по программам послевузовского обучения (аспирантура) на факультете обучались и продолжают обучаться иностранные граждане из Ирана, Турции, Египта, Вьетнама, Конго, Ирака, Марокко, Франции, Сирии, Германии, Китая, Италии, Англии, Шотландии. В настоящее время, как сообщил проректор по международным связям АГУ Н. М. Хурчак, более 1000 представителей иностранных государств являются студентами и магистрантами университета.

В рамках деятельности Центра международного образования в 2005 году было заключено соглашение о сотрудничестве между АГУ и фирмой «ХодосЛогой» (Германия). Данным Центром разработан и реализуется бизнес-курс для иностранцев, приехавших в Астрахань с коммерческой целью. В 2006–2007 годах специалисты Центра проводили обучение русскому языку сотрудников компаний «Agip KCO» (Англия, Шотландия) и «Rozetti» (Италия).

Астраханский государственный университет продолжает расширять связи с вузами стран ближнего зарубежья. По словам проректора по международным связям АГУ Н. М. Хурчака, планируется в дальнейшем привлечение ещё большего количества иностранных студентов, иностранных профессоров для проведения лекций, семинаров, тренингов, создание и реализация новых программ по двусторонним дипломам. В добавление к сказанному директор Института языка и коммуникативных стратегий предпринимательства О. Г. Егорова подчеркнула, что цель АГУ сейчас — это поднятие своих позиций в международном рейтинге вузов мира. Астраханский госуниверситет — это университет с большим опытом подготовки конкурентоспособных, высококвалифицированных переводчиков по разным европейским и восточным языкам и с различными языковыми комбинациями, востребованными рынком.

Расширение международных контактов сопровождается большой работой по воспитанию толерантности среди студентов. Иностранные студенты, совместно с российскими, активно участвуют в общественно-культурной жизни университета, а также в проектах социализации. Интенсивно развивается академическая мобильность, в рамках которой преподаватели АГУ выезжают

для чтения лекций в ведущие зарубежные вузы, а студенты проходят международные стажировки.

Для того чтобы повысить уровень узнаваемости АГУ заключаются договоры с различными учебными заведениями, с определёнными ассоциациями, открываются новые совместные программы, в том числе программы на иностранных языках. Также сотрудники АГУ участвуют в различных выставках, проводят презентации в зарубежных странах.

Результатом международной деятельности является разработка новых и усовершенствование старых учебных курсов, издание учебных пособий, внедрение новых информационных технологий в обучение. Участие в международных научных исследованиях повышает значимость научной школы университета, а значит, способствует привлечению новых высококвалифицированных кадров, укрепляет общественную значимость вуза в международных кругах и, как следствие, растёт известность и узнаваемость бренда вуза, что влечёт увеличение притока иностранных абитуриентов в университет.

Таким образом, международная деятельность Астраханского государственного университета характеризуется разносторонней направленностью и отражает высокий потенциал АГУ как одного из ведущих вузов России.

Литература:

1. Езерская, Л. Е. Место международной деятельности в стратегии развития современного университета/Управление экономическими системами: электронный научный журнал, 2012. — № 6.
2. Официальный интернет-портал АГУ (www.aspu.ru).

Политическая социализация студенческой молодёжи (на примере Астраханского региона)

Каманина Юлия Олеговна, магистрант
Астраханский государственный университет

В статье рассмотрены основные социологические теории политической социализации. А также, приведены результаты экспертного интервью о политической социализации студенческой молодёжи.

Ключевые слова: молодёжь, социализация, электоральное поведение, политическая активность.

Политическая социализация это процесс, который в той или иной мере проходит каждый человек, так как молодёжь является наиболее активным пластом общества, то и политическая активность молодёжи гораздо выше, чем у людей старшего поколения. В нашей стране, после переходного периода и перестройки, в процессах политической социализации, как и во многих других областях, наметился значительный кризис. Семья, родители, выросшие при другом политическом режиме, не могут передать своим детям необходимую информацию и традиции, так как они не будут соответствовать реалиям сегодня-

шнего государства. Российская действительность показывает, что чаще всего молодёжь воспринимает политическую активность, как электоральную активность, иногда сопоставляя эти два понятия, как синонимичные друг другу.

По мнению известного российского специалиста в области политической социализации Н. А. Головина, наиболее специфичные для постсоветской России проблемы политической социализации — особенности формирования новой политической идентичности, усвоение ценностей в условиях кризиса общества..., формирования отношений в новой общественной системе... [1].

Создание теории общей социализации личности как основы теории политической социализации принадлежит известному французскому социологу Г. Тарду. На ранних стадиях развития социально-политологического знания молодежь, в том числе и студенчество, не рассматривались как самостоятельный объект изучения. «Социализация (от лат. *Socialis* — общественный) — процесс усвоения человеком индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества» [2].

Термин «политическая социализация» впервые был введен в 1959 г. американским ученым Г. Хайменом и в дальнейшем получил широкое распространение в научной теории и практике. Дальнейшее развитие изучение политической социализации получило в работах Д. Истона, который вместе с группой ученых из Чикагского института разработал классическую теорию политической социализации. В данной теории утверждалось, что «усвоение подрастающим поколением духовно-культурных ценностей, традиций, ориентиров ведет к формированию у человека качеств и свойств, позволяющих адаптироваться к данной политической системе и выполнять в ней определенные функции».

Также, при изучении политической социализации, нельзя не отметить модель «подчинения» Т. Гоббса, в которой главными постулатами выступает то, что человек по своей сути не способен справиться со своей внутренней сущностью эгоиста, и ему ничего не остаётся, как подчиняться монополисту власти, дабы не создавать условия для полной анархии. Для данного теоретика, народное сознание представлялось, как чистый лист бумаги, на котором государственная власть может изобразить любую информацию для восприятия.

По «модели интересов» А. Смита и Г. Спенсера становится очевидным, что естественным результатом личных интересов у отдельного человека является возникновение социального и политического порядка, что провоцируется психологическими механизмами.

В науке о поведении, политическом бихевиоризме, выделяют несколько подходов к трактовке социализации, а именно: рациональный, где социализация выступает как аналог биологической адаптации организма к среде; классический, где личность рассматривается только как объект политического воздействия, что не позволяет увидеть личностные амбиции в процессе общественной жизнедеятельности и политических процессов. И социальный подход, который рассматривает социализацию с позиции поведения, как личности, так и отдельных групп.

К. Маркс, в своих трудах, также уделяет место политической социализации, считая, что не только общество «творит» себе подобное политическое существо, но и человек «творит самого себя, окружающих, общество». При этом, как подчеркивает учёный, «изменяются не только объективные условия... изменяются и сами производители, вырабатывая новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству,

создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык».

Для получения информации, каким же образом на сегодняшний момент, студенческая молодёжь участвует в политической жизни региона и участвует ли вообще, были проведены интервью с экспертами, представителями агентства по делам молодёжи Астраханской области.

Полученные результаты показали, что студенты в основном интересуются политикой, они целеустремлённые и знают, чего хотят от жизни и от государства, правда, основные проблемы, которые волнуют молодежь, носят социальный характер — «где жить? Куда пойти работать?». Но у студентов, закрепилось обоснованное мнение, что от проводимой политики в стране и будут решаться эти проблемы.

В основном, своим гражданским долгом, студенты считают голосование на выборах, но чаще всего, по мнению экспертов, это происходит по случаю достижения молодёжью электорального возраста, и носит стихийный характер.

На сегодняшний момент, при каждой политической партии, осуществляют свою деятельность молодёжные отделения — крыле, в которые с каждым годом вступает всё больше и больше молодёжи, в основном активность проявляют студенты. Непосредственно, в этих отделениях происходит политическая социализация молодёжи, где она отстаивает интересы, как партии, так и свои личные. Для многих участие в такой рода деятельности, является толчком к карьерному росту, и воспринимается как социальный лифт, но также даёт человеку право на отстаивание своих политических взглядов.

Даже если, студенты и не являются членом какого-либо молодёжного или политического движения, они проявляют своё желание работать на выборах, где также происходит накопление опыта в организации политических событий и получение информации о внутренней работе политической системы региона или страны в целом.

Мнения, о том, откуда же студенты получают информацию о каких-либо политических событиях, были единогласны. Все эксперты отметили увеличивающуюся роль интернета в жизни молодёжи. Нередко, именно из электронных источников студенты черпают всю необходимую информацию, политическая сфера жизни не становится исключением. Достоверность и правдивость такой информации не всегда можно проверить, чаще всего она и направлена для воздействия на молодёжь. Можно утверждать, что именно с помощью интернета, люди находят единомышленников. В том числе и в политических взглядах. Политические ценности и установки, формируемые у студентов, закладываются от увиденного или услышанного в средствах массовой информации.

Что же касается политических институтов, оказывающих влияние на молодёжь, тут важную роль, как и прежде, играет семья и система образования. Чаще всего, ребёнок разделяет политические взгляды своих родителей, поэтому нередко можно услышать ностальгию

о прошедшем времени и советской власти, представления о которых, дети получают в своих семьях, и считают, что сегодняшняя власть уступает и проигрывает прошлой. Конечно, такая атмосфера формируется из-за развала многих ценностных ориентиров и непринятия новой формы власти обществом в целом.

Система образования является основной функцией политической социализации, которая осуществляется как прямо, так и косвенно. Под прямым воздействием понимаются, те необходимые знания о политике, роль, которую играет в ней молодёжь, сведения о политических режимах, системах и институтах.

Также, образовательные учреждения передают молодёжи существующие в обществе политические ценности и установки, а также способны сформировать и укрепить привязанность к данной политической системе.

Образование даёт человеку более обширное поле для деятельности, он становится более информированным и политически активным. Социологи, выделили ряд особенностей политической активности молодёжи, где основным фактором политической деятельности является уровень образования индивида. Соответственно, чем выше уровень образования, тем выше уровень политической активности человека.

Актуальным вопросом стало проведение параллели между студентами и студентами-волонтерами, являются ли волонтеры более активными в политической сфере или это не играет никакой роли. Все эксперты сошлись во мнении, что волонтеров больше интересует сторона помощи, «они по доброй воле делают добрые дела», и политическая жизнь интересует их как, возможность проявить свой гражданский долг. Добровольцы наиболее

активны как в политической жизни, так и в других сферах жизни общества, так как осознают важность своего участия в государственных проблемах своей страны.

Также при обсуждении выяснялось, жалуются ли студенты на нарушение своих прав? Решают они как-то эти проблемы, или это всё замалчивается, не выходя за рамки будничных обсуждений? Мнения экспертов, показало, что молодёжь часто чем-то недовольна. В этом прослеживается потребительское отношение — мне все должны. Оно, непосредственно соответствует настроениям в обществе. На сегодняшний момент, идёт такое воспитание молодых людей, очень самостоятельных, которые сделают всё ради того, чтобы у них было очень хорошее интересное будущее. «И сейчас, все возможности для этого есть: учишься, развивайся, участвуй в различных форумах, в молодёжных программах. Тем более, сейчас, есть интернет, можно зайти прочитать, ты можешь увидеть различные стажировки. Необходимо участвовать и расширять круг своих знакомств, свои коммуникативные связи, и использовать ресурсы, которые даёт государство. А общество и государство даёт много возможностей, просто надо правильно ими воспользоваться».

В заключение интервью, было отмечено, то что студенты становятся наиболее политически грамотными, на них не так просто оказать воздействие, так как у молодёжи уже есть сложившиеся стереотипы о власти и государстве. Эти стереотипы не всегда положительные. Поэтому с молодёжью нужно постоянно вести работу, опровергая неверные суждения. Молодёжь — это будущее нашей страны, и от того в каких условиях будет проходить её политическая социализация, зависит и развитие общества в целом.

Литература:

1. Головин, Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. — СПб, 2004. — с. 9.
2. Философский энциклопедический словарь/2-е изд. — М., 1989. — с. 603.

Исторические предпосылки формирования понятий «милосердия» и «благотворительность»

Киселев Максим Игоревич, ассистент;

Шаркова Тамара Ильинична, студент

Институт сферы обслуживания и предпринимательства, филиал Донского государственного технического университета (г. Шахты)

На сегодняшний день современное российское общество идет по пути как светского, так и духовного развития. Особую значимость приобретают вопросы общественной благотворительности и милосердия как неотъемлемых атрибутов современных обществ. Актуальность статьи заключается в мотивации современного общества осуществлять благотворительность, которая

иной раз приобретает современную форму спонсорства, а не истинной «творящей благо» деятельности с милосердным призывом. Сейчас «модно» участвовать в благотворительной деятельности, выступать благотворителем, но всегда ли это стремление носит характер бескорыстной помощи нуждающемуся или все-таки есть некая латентная цель. Для более детального рассмотрения во-

просов благотворительности и милосердия считаем необходимым рассмотреть взаимосвязь понятий милосердия, благотворительности в современном обществе. В современных условиях само понятие благотворительности заново переосмысливается через устойчивые языковые формы: благотворительные мероприятия, благотворительные акции, благотворительные организации. Так что же есть благотворительность на сегодняшний день, и существует ли истинная ее ценность сегодня, чтобы ответить на этот вопрос необходимо проследить развитие этого понятия на всех исторических этапах, включая современность. Изначально мы рассмотрим формирование стадий благотворительной деятельности в Европе, а затем обратимся к историческим этапам благотворительности в России, что поможет наглядно проследить эволюцию представления о данном понятии и в дальнейшем способствует формированию точки зрения относительно благотворительности на сегодняшний день.

Итак, особенности помощи в догосударственный период мировой истории развивались на основе общественного инстинкта взаимоподдержки как средства выживания и инстинкта сострадания как социально-компенсационного средства при увечьях, немощи и других обстоятельствах. Эти общественные инстинкты позже закрепились на уровне сознания под влиянием накопленного исторического опыта и религиозных верований. Дружественные связи и взаимопомощь в первобытном обществе имели не только коллективный, межобщинный, межплеменной, но и индивидуальный характер. Зарождение социальной помощи в древних государствах Востока было обусловлено государственными нормами официального законодательства и частной филантропией. Известно, что в ряде законов месопотамских правителей содержались требования к богатым не притеснять бедных, оказывать помощь сиротам, немощным людям, вдовам. Что касается основ социальной помощи и призрения в античных государствах, то в роли филантропов в эпоху античности выступали некоторые правители и богатые люди. «В античной Греции и Риме оказывалась разнообразная благотворительная помощь нуждавшимся. Важнейшими ее компонентами были: филантропическая раздача беднякам из числа свободных граждан хлеба, денег, одежды; зарождение меценатства как покровительства науки и искусства со стороны состоятельных людей и др.». [1, с. 65]. Но в то же время благотворительность никаким образом не касалась рабов, которые имели статус «вещей» и собственности. Период церковно-монастырской благотворительности в средние века был ознаменован тем, что христианство в период средневековья постепенно распространилось во всех европейских странах, став государственной религией. И благотворительная деятельность была возложена на попечение церкви. Монастыри и церкви располагали немалыми средствами для осуществления богоугодных дел. Под их началом действовали больницы, госпитали, приюты. Специальные монашеские ордена проводили большую работу по оказанию помощи бедным и обездоленным. На на-

чальном этапе государственного призрения нуждающихся слоев населения которое приобрело системный характер лишь в период позднего средневековья, включало в себя меры содействия организации попечительств (надзора) за бедными, контроля за организацией муниципалитетами общественных работ, а также создание рабочих домов, приютов, лечебниц, госпиталей для бедных. Как уже отмечалось, в Европе получила распространение практика организации общественных работ силами городских самоуправлений. При местных приходах создавались попечительства о бедных. Эти и другие формы общественного призрения стали получать государственную поддержку, что нашло свое правовое оформление на законодательном уровне. Социальная помощь за рубежом в новое время (вторая половина XVII — начало XX в.): происходит развитие массовой бедности и нищеты, что приводит к дестабилизации ситуации в ряде европейских стран, сопровождавшейся акциями протеста и революционными взрывами. В таких условиях власти стали активнее и системнее заниматься государственным призрением, которое обеспечивало не только оказание помощи нуждающимся, но выполняло и социально-стабилизирующую функцию. Появляются эдикты и рескрипты по борьбе с нищенством. «К важнейшим направлениям государственного призрения, получившим распространение в новое время, можно отнести: создание благотворительных школ для детей бедноты; учреждение для бедных и нищих социальных заведений, сочетавших функции принуждения и призрения (рабочие и рабочие дома, общие госпитали); содержание на государственный счет приютов, богаделен, лечебниц и других социальных заведений для нетрудоспособных бедных, сирот, немощных, больных, инвалидов; организация общественных работ; введение государственного социального страхования и др.». [1, с. 110–111]. Благотворительная деятельность в конце XIX — начале XX в. начинает приобретать статус профессиональной деятельности и вскоре развивается формирование социальной работы как профессиональной деятельности. В рассматриваемый период по инициативе некоторых государственных, муниципальных органов, учреждений общественной благотворительности стала вводиться практика обеспечения гарантированным заработком добровольных помощников в сфере социальной помощи. Новая профессия социального работника приобретала общественное признание, будучи востребованной самой жизнью.

Подводя итог становлению и развитию благотворительности в Европе можно выделить тот факт, что потребовалось немало времени для формирования действительно эффективной помощи и поддержки беднякам, малоимущим, всем нуждающимся, которая вышла на «новый уровень», став не только призрением на государственном уровне, но и реформировалась до уровня профессиональной деятельности, что безусловно положительно повлияло на оказание благотворительности в целом.

Анализируя этапы становления благотворительности в России, нужно выделить, что филантропия зароди-

лась в Архаический период истории (конец III — пер. половина II века до н. э.). На этом этапе формируются основные проформы поддержки и помощи, основанные на общинных нормах поведения, оккультизме, сакральных смыслах. Но эти некие модели взаимопомощи были лишь отправной точкой для возникновения того понятия благотворительности, которое мы имеем на данном этапе развития. Следующий исторический период, княжеской и церковно-монастырской благотворительности (до V в. н. э.) при котором происходит изменение парадигмы общественной помощи и поддержки. С принятием христианства князем Владимиром в Киевской Руси происходит становление благотворительности как таковой. В подтверждение тому служит Устав 996 года, в котором князь официально вверил обязанность духовенству общественного призрения; определил десятину на содержание храмов и монастырей. Церковь всегда являлась центром социальной поддержки всем неимущим, больным и убогим. Традиции, которые были заложены киевскими князьями, были продолжены их приемниками. В период общинно-церковной благотворительности (до нач. XVI в.) происходит становление и объединение русского государства и предпринимаются попытки к развитию общественной помощи, но на данном этапе систематическая законодательная деятельность в этой сфере не подразумевалась. Но на данном этапе еще существовала эгоцентрическая подоплека данного вопроса «Древний русский благотворитель, «христолюбец» менее помышлял о том, чтобы добрым делом поднять уровень общественного благосостояния, чем о том, чтобы возвысить уровень собственного духовного совершенствования... Нищий был для благотворителя лучший богомolec, молитвенный ходатай, душевный благодетель» [2, с. 29]. Стоит отметить, что ярким этапом общественного призрения, является период государственной благотворительности (до начала XX века). Инициатива развития мер общественной призрения на государственном уровне принадлежит Императору Петру I. В это время создаются, на государственной основе различные богадельни, интернаты и человеколюбивые общества под главенствованием членов императорской семьи. К концу XIX века начинает оформляться довольно четкая система государственного призрения, и устанавливаются платные должности для лиц, намеренных заниматься благотворительностью профессионально. В результате чего можно предположить, что зарождаются первые истоки благотворительности как профессиональной деятельности в России. Рассматривая государство в XX веке на фоне нестабильной обстановки в стране и впоследствии образования социалистического государства, благотворительность снизила значимость в основном за счет идеологических убеждений. В советский период, благотворительная деятельность не приветствовалась, поскольку государство полностью брало на себя выполнение социальной функции. Благотворительной деятельности как пережитку прошлого, был положен конец. Социальное обеспечение объявлялось

правом каждого человека, потерявшего трудоспособность или оказавшегося в социальной нужде. Но, впоследствии, с переходом к рыночной экономике и изменения социально-экономических реалий в 90-е гг. XX столетия практический интерес к благотворительности возрос.

Россия на всем своем историческом пути приобщалась к «любви к ближнему» и развивало ту филантропическую деятельность, которая так была необходима для усовершенствования и прогресса государственного устройства. Необходимо отметить, что благотворительность — является деятельностью, понятие которой зависит от различных исторических этапов, осуществляется на основании определенного менталитета общества, его религиозной или политической идеологии на данный исторический период. Именно ввиду этих аспектов целесообразно рассматривать направления, формы и методы осуществления благотворительности.

Рассмотрев исторические этапы становления благотворительности можно сделать вывод о том, что данная деятельность пользовалась популярностью начиная с догосударственного периода истории и заканчивая современностью. Помогая бедным и нищим на основе частной благотворительности, каждый преследовал собственную цель, кто-то поступал в расчете на замаливание прощения собственных грехов за счет призрения, кто-то руководствовался истинным милосердием и соображениями о моральных ценностях, которые побуждали его к совершению благотворительных поступков. Необходимо выделить тот факт, что наиболее многочисленных среди российских благотворительных организаций объединения, созданные инвалидами, ветеранами, многодетными семьями, родителями детей-инвалидов, теми людьми, которые лично озабочены какой-то проблемой и пытаются решить ее совместно. И стоит отметить, что ими в действительности движет не корыстные цели, а истинное человеческое милосердие.

Таким образом, рассматривая сходство понятий милосердия и благотворительности, можно отметить, что милосердие имеет под собой духовное начало и является неким мотивом для осуществления благотворительной деятельности, которая в свою очередь имеет материальный аспект. Милосердие есть сострадание и человеколюбие. Милосердие побуждает человека осуществлять благотворительность, то есть жертвенную, бескорыстную помощь, «творить благо» руководствуясь нравственными идеалами и принципами, но на деле не всегда бывает именно так. Однако, в современном обществе можно наблюдать так называемую «благотворительную деятельность» частных компаний, а точнее некую «спонсорскую помощь», которая несет в себе не столь милосердный акт поддержки, сколько свой собственный интерес, к примеру, самореклама или уменьшение оплаты налогов. Исходя из вышесказанного можно предположить, что понятия «милосердие» и «благотворительность» интерпретируются, в большей степени, от этапа развития и потребностей общества, чем первоначального их значения.

Литература:

1. Циткилов, П.Я. История социальной работы: Учеб, пособие для студентов вузов. — Ростов н/Д: Феникс, 2006. — 448 с.
2. Актуальные проблемы гуманитарных наук: материалы Междунар. науч.-практич. конф. студентов, аспирантов и преподавателей, 8–9 апреля 2009 г., г. Шахты: в 2 т./редкол.: С.И. Ершова [и др.]. — Шахты: ГОУ ВПО «ЮРГУЭС», 2009. — Т. 2. — 344 с. — с. 285–289.

Информационный ресурс и его роль в социальном управлении муниципальным образованием

Сааков Владимир Альбертович, аспирант

Северо-Кавказский федеральный университет, филиал в г. Пятигорске

В современных российских условиях, характеризующихся процессами трансформации и модернизации, жизненно важной основой функционирования муниципального социума является управление, основанное на коммуникативном диалоге населения и органов власти муниципального образования. Однако основным требованием его продуктивности является наличие адекватной и точной информации.

Как известно, информация — основа всего процесса управления, без которой невозможно сформулировать цели, проанализировать ситуацию, определить проблемы, подготовить решения, оценить их последствия и контролировать их выполнение. На современном этапе развития всего нашего общества используемая надлежащим образом информация может стать определяющим фактором успеха в принятии управленческих решений. Информационный ресурс и основанная на нем коммуникация помогают связывать воедино всех участников взаимодействия в управлении муниципальным социумом, принимать адекватные и рациональные данной ситуации управленческие решения, а также обеспечивать их оптимальную реализацию.

Особенно повышается роль информации в новых условиях, когда она становится не только базой для принятия решений в бизнесе, но и основным средством управленческого воздействия на работу персонала, мотивации деятельности людей [2, с. 54]. Именно поэтому информация преобразовывается в некий неисчерпаемый стратегический потенциал экономического развития любой страны и выживания каждой отдельной организации.

Информационные ресурсы, безусловно, необходимы для осуществления качественного управления. Но при всей значимости и огромной роли информации как ресурса управления, существует и ряд основных проблем, требующих своевременного решения. Так, например, зачастую информация имеет низкое качество, не всегда правильно используется, не всегда люди имеют нужную подготовку и квалификацию для должного её при-

менения. Помимо этого, для получения и передачи актуальной и точной информации необходимо выбрать наиболее подходящий канал коммуникации, который бы выполнял жизнеобеспечивающую роль в каждой организации, сохраняя полную достоверность передаваемой информации. И, наконец, с развитием информационных технологий для приема передачи и хранения информации, необходимы квалифицированные специалисты.

Все вышесказанное приобретает особую значимость для государственного и муниципального управления. Данное суждение приобретает теоретическое обоснование при рассмотрении роли информационного ресурса на примере местного самоуправления. Как известно, в любой организации информацию можно разделить на внутреннюю и внешнюю. Это разделение вполне правомерно и по отношению к органу управления муниципальным образованием. При этом к внутренней информации можно отнести, решения представительного органа местного самоуправления, всевозможные постановления и распоряжения главы администрации и его заместителей, различного рода протоколы заседаний коллегии, ведомости учета изданных муниципальных правовых актов, отчеты о работе структурных подразделений администрации, справки о ходе рассмотрения обращений граждан и т.д. [4]. Данного рода информация дает более полное представление о положении дел в администрации, правильно распределить силы и время, и эффективно организовать работу. Несомненно, задача организации внутренних потоков информации лежит на плечах руководства органов местного самоуправления.

Следует полагать что, в отношении внешней информации органы власти не всемогущи, но при правильной организации дел можно получить наиболее полную информацию из всевозможных источников. Рассмотрим источники и каналы получения внешней информации органами местного самоуправления. Как считают многие исследователи, информационная обеспеченность органов местного самоуправления во многом определяется рядом

условий и согласуется с ними. В числе таких ограничений можно выделить следующие требования:

- население может выражать свое отношение к действиям муниципальной власти путем выборов, правотворческих инициатив, референдумов, опросов, обращений к органам и должностным лицам, мирных массовых акций;

- на встречах руководителей муниципального образования с жителями должна быть создана атмосфера открытого диалога, в ходе которого становится доступной информация, позволяющая муниципальной власти учитывать мнение населения в своей работе;

- администрация обязана иметь информацию о позиции различных общественных объединений, отдельных групп населения, местных сообществ, имеющих общие интересы и выражающих отношение к деятельности муниципальной власти, при принятии важных решений;

- органы государственной власти РФ и субъектов РФ в пределах своей компетенции издают правовые акты и принимают решения, обязательные для исполнения органами местного самоуправления, а по другим вопросам вырабатывают методические рекомендации и инструктивные материалы, полезные для муниципальной власти;

- союзы и ассоциации муниципальных образований вырабатывают рекомендации по отдельным аспектам муниципальной деятельности, которые должны изучаться, а все полезное в них — использоваться.

- немунципальные хозяйствующие субъекты на территории муниципального образования также выражают свое отношение к решениям органов местного самоуправления, затрагивающим их интересы, направляя в администрацию предложения по различным вопросам местной жизни;

- финансовые и кредитные организации снабжают органы местного самоуправления важной информацией о финансовом состоянии муниципалитета и хозяйствующих субъектов;

- органы государственного и муниципального контроля и надзора поставляют ценную информацию о ходе выполнения тех или иных решений, выявленных нарушениях;

- статистическая информация служит одним из главных источников информационного обеспечения муниципальной деятельности;

- объектами статистического изучения на территории муниципального образования являются население, среда его проживания и комплекс коллективных потребностей жителей: финансы, жилищное хозяйство, образование, здравоохранение, охрана общественного порядка, торговые, культурные, социальные, ритуальные и другие муниципальные услуги в их натуральном и стоимостном выражении. [2;4]

Однако задача органов местной власти — постараться использовать все возможные каналы получения информации, иметь точные сведения об отношении всех слоев общества к своей деятельности, а также анализировать

все эти данные и на их основе корректировать свои действия. [4].

Информация, поступающая во властные органы муниципального образования по различным каналам, в разной форме и в разное время и к разным должностным лицам, обязательно требует создание специальной системы ее приема, хранения, обработки и использования. Весь объем информации, поступающей в органы местного самоуправления должен фиксироваться на определенном носителе в виде документа. Далее оборот документов осуществляется в виде потоков, движущихся между пунктами обработки информации (руководители и специалисты органа управления) и пунктами технической обработки документов. [2; 4]

Следует отметить, что при использовании информации для принятия управленческих решений необходимо учитывать следующие особенности первичной информации:

- первичная информация не всегда достоверна — если это статистическая или отчетная информация, то погрешности могут возникнуть в результате неправильных расчетов, ошибок исполнителей;

- искажения отчетных данных; если это экспертная информация, ошибки могут возникать в связи с недостаточной компетентности экспертов и неверных методов обработки;

- информацию не всегда удается получить к нужному моменту времени из-за срывов сроков отчетности длительности сбора и обработки информации;

- ввиду того, что любое решение должно основываться на учете будущих условий его реализации, а прогнозная информация носит вероятностный характер, принимаемые на ее основе решения также будут подвержены влиянию случайных ошибок;

- большинство принимаемых решений на стадии подготовки носит поливариантный, альтернативный характер, причем чаще всего трудность состоит в отсутствии обобщенного критерия, позволяющего выбрать вариант решения. [2;4]

Отсюда следует, что информационное обеспечение муниципального управления в современных условиях становится невозможным без повсеместного использования современных информационных технологий, соответствующего программного обеспечения, а так же баз данных и систем управления ими.

Однако на практике наблюдается противоположно этому требованию состояние дел. Несмотря на то, что персональные компьютеры сегодня есть почти во всех органах местного самоуправления, частично используются локальные компьютерные сети, современные технологии построения информационных систем почти не применяются. В основном прикладные программные средства используются преимущественно в бухгалтерии и делопроизводстве. [4]

В то же время, как было отмечено выше, современный подход к использованию информационных технологий

в муниципальном управлении нуждается в построении новой эффективной информационной системы.

По нашему мнению, изменить состояние информационного ресурса можно, во-первых, путем создания системы, включающей центральный сервер, компьютеризированные рабочие места и сеть, связывающую их с центральным сервером. Данная система предоставляет наиболее полный набор функций для работы с документами в соответствии с требованиями и стандартами российского делопроизводства и способна поддерживать схемы делового документооборота муниципальных органов: переписка внутри муниципалитета (горизонтальная схема), организационно-распорядительные документы (вертикальная схема), входящая и исходящая корреспонденция (внешняя схема). Назначением такой системы является автоматизация работы с документами, фиксация пути прохождения документа от его поступления или создания до его списания в дело, контроль на каждом этапе рассмотрения документа, получение справочной информации о документах, анализ документооборота. [1;2;4]

Во-вторых, особое место в информационных процессах должен занять Интернет, который открывает достаточно широкие возможности для улучшения качества муниципального управления. И наиболее эффективно его возможности могут применяться при создании муниципального сайта, нацеленного как на население города, так и на внешних пользователей. Руководство муниципального образования должно уделять серьёзное внимание использованию современных информационно-коммуникационных технологий.

Литература:

1. Васильев, А. А. Муниципальное управление: Конспект лекций. — Н. Новгород: Издатель: Гладкова О. В., 2000. — 160 с.
2. Лежебоков, А. А. Социальные основы функционирования местного самоуправления в Ставропольском крае. Ставрополь, Изд-во ООО «Бюро новостей», 2007.
3. Попов, М. Л. Особенности управления высокотехнологичными информационными компаниями // Менеджмент в России и за рубежом. — 2001. - № 4. - с. 54—61.
4. Система муниципального управления: Учебник для вузов (издание третье, дополненное и переработанное) // Под ред. В. Б. Зотова. СПб: ООО «Питер Пресс», 2007

Во-третьих, необходимо уделять особое внимание развитию сайта города, так как сайт является своего рода визитной карточкой города в Интернет-пространстве. На сайте необходимо размещать все важные постановления главы города, информация о городских целевых программах и ходе их реализации, сведения о структурных подразделениях администрации и их руководителей. Кроме того, ежедневно обновлять ленту новостей о жизни города и работе муниципальной власти.

Сайт следует рассматривать не только как канал передачи информации, но и как средство общения с интернет-аудиторией, обеспечения «обратной связи» с горожанами, также можно рекомендовать на главной странице сайта регулярно проводить интерактивные голосования, так что бы каждый посетитель мог выразить своё мнение по актуальному для городской жизни вопросу. А также можно предложить организовать Интернет — конференции с главами муниципального образования по различным вопросам. При этом любой интернет пользователь мог бы в режиме on line задать интересующие вопросы и получить на них ответы. Этот канал получения информации во многом удобен и не менее востребован, чем другие. [4].

Таким образом, грамотное рассмотрение дел с повсеместным использованием современных средств информационных технологий в местном самоуправлении, а также создание, продвижение и постоянное развитие сайта с использованием всех тех методов коммуникации, о которых излагалось выше, позволит улучшить качество принимаемых решений посредством расширения каналов коммуникации и источников информации.

В каких случаях «внешнее» объяснение не совпадает с «внутренним» объяснением (т. е. объяснением с точки зрения участника событий)?

Сухарькова Марина Петровна, магистрант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В статье предпринимается попытка объяснения несовпадения между «внутренним» и «внешним» объяснением субъектов исследований в социологии.

Ключевые слова: понимающая социология; «внутреннее» и «внешнее» описание; понимание респондента; опыт.

Многие современные социальные науки, например понимающая социология ставят в центр изучения анализ субъективных представлений (идей, ценностей, верований и т. п.), определяющих объективные явления — институты, статусы и т. д. «Именно потому, — пишет Л. Ионин, — что конституирующим признаком социального является субъективный смысл, подлежащий и доступный пониманию, Вебер называет свою социологию понимающей. Феномены понимающей социологии относятся к совсем иному плану реальности (по сравнению с дюркгеймовскими социальными фактами как вещами или контовским обществом как объективным феноменом). [1] Между действием как эмпирическим фактом и его эмпирической средой имеется «прокладка» субъективного смысла, субъективной интерпретации, истолкования и понимания эмпирической реальности действия. Человеческое взаимодействие в обществе осуществляется как постоянный процесс интерпретаций, их взаимных согласований, в ходе которых вырабатываются общие видения и оценки предметов и явлений, формируются, конституируются общие предметы и явления, социальный мир в целом. Это соответствуют характеристикам деритуализированного общества, располагающего только символами, которые могут наполняться каким угодно содержанием, и единственная забота при этом состоит в том, чтобы обеспечить единое для участников взаимодействия, для группы или для всего общества понимание и истолкование символов в их новом конвенциональном наполнении. [3] Здесь мы как раз сталкиваемся с актуальной проблемой соотношения внешних и внутренних объяснений. Что под этим подразумевается? Как соотносятся эти два понятия? Какая их пропорция наиболее адекватна и желательна для объективных результатов социологического исследования? Целью предстоящей работы является исследование проблемы в теоретическом плане, выявление возможного соотношения внутреннего и внешнего объяснений. Масштаб данной работы не позволяет привести здесь подробный обзор интерпретативистской парадигмы и понимающей социологии в целом.. Поэтому перейдем сразу к сути..

Гирц отмечает, что для уяснения сути интерпретации особенно важна ориентация на действующее лицо. «Оно подразумевает, — пишет К. Гирц, — что описание куль-

туры берберов, евреев или французов должно быть выполнено с использованием тех конструкций, в которые, по нашим представлениям, берберы, евреи и французы облачают свой жизненный опыт, т. е. тех формул, с помощью которых они пытаются объяснить, что с ними происходит... Описание должно быть выполнено с точки зрения тех интерпретаций, в которые люди облачают свой опыт...» [8] И мы, вслед за Малиновский, задаемся вопросом: как возможно познание того способа, которым туземцы думают, воспринимают и чувствуют? [2] А также если мы будем продолжать на все смотреть глазами туземца, то как быть, если в какой-то момент мы понимаем, что претендовать на близость с объектом изучения мы больше не можем? На самом деле, чтобы понимать туземца не обязательно быть туземцем. Как это возможно?

Внутреннее и внешнее описание разграничены в классификации психоаналитика Хайнца Кохута как «близкие-к-опыту» и «далекие-от-опыта» понятия. На мой взгляд, это разделение удачно демонстрирует проблему взаимодействия внутренних и внешних описаний. [6] Дело в том, что ограничиваясь близкими-к-опыту (внутренними) понятиями, этнограф плывет по поверхности непосредственно данного, запутавшись в частностях местного и диалектного. Полностью сосредоточившись на далеких-от-опыта (внешних) понятиях, он оказывается выброшенным на отмель абстракций и удушающего научного жаргона. [4] Мы понимаем, что задача перейти от одного вида понятий к другому представляется достаточно трудной, почти ювелирной работой. Тем более, информант в обычной жизни, пользуясь понятиями и терминами, часто использует их спонтанно, не задумываясь о смыслах, и тем более, об интерпретации.

Чтобы изучить африканское племя, не обязательно становится одним из них и пытаться отследить у себя все мысли и чувства, возникающие в «новой» голове. В этом случае внешние и внутренние описания сольются воедино и сделать выводы, даже просто разграничить их представляется невозможным. В таком случае имеет место быть некое раздвоение, изучение самого себя; себя, который не способен формулировать «близкие-к-опыту» понятия также, как формулируют их другие (настоящие) члены общества. Получается двойной обман. Чтобы изучить африканское племя, необходимо его понять, расшифровать.

Все это, конечно, демонстрирует знакомую траекторию того, что Дильтей назвал герменевтическим кругом. Мы же понимаем, что в идеальном исследовании внутренние описания предшествуют внешним, и ни в коем случае не сходятся. Нельзя не вспомнить о двойной герменевтике и о умеренной модели интерпретации. Она сочетает в себе черты семантического («глазами участника») и научного (с позиции исследователя-наблюдателя) объяснений. «Двойная герменевтика» основывается и на интерпретациях участников, и на выдвигаемых исследователем интерпретациях этих интерпретаций. [5]

Теперь попытаемся перенести близкие и далеки от опыта понятия в целом на социологическое исследование. Здесь мы можем заметить отголоски вечного спора о предмете социологии. Социологи как профессиональное сообщество выдумали себе некий научный язык и изъясняются на нем о простых понятных всем вещах. Хотя, кажется, говорить, используя «близкие-к-опыту» понятия гораздо проще и доступней. Однако, социологи упорны в «далеких-от-опыта» понятиях и бесконечных интерпретациях смыслов. Шютц в своей статье «Социальный мир и теория социального действия» объясняет корень данной проблемы: «Я был рожден, так сказать, в этот организованный мир и вырос в нем. Через обучение и воспитание, через всякого рода опыты и эксперименты я обретаю некоторое неявное знание этого мира и его институтов. Помимо всего прочего, я заинтересован в объектах этого мира, поскольку они определяют мою собственную ориентацию, содействуют или препятствуют реализации моих собственных планов, конституируют элементы моей ситуации, которую я должен принять или модифицировать, являются источником моего счастья или беспокойства — одним словом, поскольку они что-то значат для меня» [7]

Получается, как социологи, мы пользуемся «далеки-от-опыта» понятиями, а как жители города (страны)

«близкими-к-опыту», и искусством является не совместить эти две точки зрения, особенно если они неидентичны. Как верно замечает Шютц: «Для того чтобы стать социальным ученым, наблюдатель должен принять решение о выходе из социального мира, отказаться от какого бы то ни было практического интереса в нем и ограничить свои для-того-чтобы мотивы честным описанием и объяснением социального мира, который он наблюдает» [7]

Дальше начинает действовать «теория идеального кукольного театра» (описанная Шютцем, разработанная Дюргеймом, Парето, Вебером и названная именно мною для большей образности и запоминания). В чем она заключается? Мы знаем, что ученый-социолог наблюдает определенные явления в обществе и в качестве действующих объектов, — конечно же, людей. Представим, что изучаемые люди — куклы. Куклы, у которых есть типичные характеристики, определенные цели, возможности, а действуют все они на социальной арене. Социологу необходимо найти, сконструировать идеальную куклу, действующую в идеальных событиях (идеальная социальная арена), т.к. идеальных типов в зависимости от внешних условий может быть несколько, важной частью работы социолога является поиск взаимосвязей между ними и возможности сочетания. Вот здесь вступают в силу внешние («далекие-от-опыта») понятия, и, разумеется, совпадать с внутренними они не будут.

Если же посмотреть на проблему под другим углом, то социолог, всегда является, так или иначе, предметом своего анализа. Поэтому риск совпадения внешних и внутренних объяснений остается всегда. Также, если мы исследуем некую закрытую общность и не являемся ее актором, всегда вероятность трудностей с переводом на «внешнее» объяснение «близких-к-опыту» понятий и их интерпретаций остается высокой.

Литература:

1. Вебер, М. Основные социологические понятия. Гл. 1 («Понятие социологии и «смысла» социального действия») // Избранные произведения / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.
2. Девятко, И. Ф. «Модели объяснения и логика социологического исследования» М.: РЦГО-TEMPUS/TASIS, 1996
3. Ионин, Л. Г. Понимающая социология: историко-критический анализ. М.: Наука, 1979. Гл. 2, 3.
4. К. Гиртц. С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии // Модели объяснения и логика социологического исследования.
5. П. Рикер. Герменевтика и метод социальных наук // П. Рикер. Герменевтика. Этика. Политика. М.: АО «КАМІ» — Изд. центр Academia. 1995. Сс. 3—18.
6. Уинч, П. Идея социальной науки и её отношение к философии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. Сс. 18—46, 57—69.
7. Шютц «Социальный мир и теория социального действия» (электронный вариант на сайте курса — <http://sites.google.com/site/modelsofexplanation/teksty>)
8. <http://sites.google.com/site/modelsofexplanation/textbook>

ФИЛОЛОГИЯ

Синтез Запада и Востока в «Западно-восточном диване» Гёте

Аюпова Дилбар Икрамовна, преподаватель

Гулистанский государственный университет (Республика Узбекистан)

В этом году празднуется 265-летие великого немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832), который известен не только как поэт, но и как драматург и литературовед, историк и философ, художник и театровед, ученый и государственный деятель. По имеющимся сведениям, его литературное и научное наследие, изданное в Веймаре, составляет 143 тома. Гёте широко известен своими произведениями «Фауст», «Страдания юного Вертера», «Западно-восточный диван», «Римские элегии», «Торквато Тассо», «Годы учения Вильгельма Мейстера», «Ифигения», «К теории цвета», «Опыт о метаморфозе растений» и многими стихами. Он написал более трёх тысяч стихов. Его произведения переведены на многие языки мира. Среди этих произведений «Западно-Восточный диван» занимает особое место. Это произведение воплотило в себе литературные традиции Востока и Запада. Оно пронизано духом гуманизма, который воплощен в идее «Запад и Восток неотделимы» и является её доказательством.

«Западно-восточный диван» Гёте писал в течение пяти лет и закончил его к 1819 году. Произведение впервые было опубликовано 195 лет назад. Его публикация свидетельствовала о формировании в новое время интереснейшего явления мировой культуры вообще и литературы в частности — западно-восточного синтеза. В «Западно-восточном диване» Гете сумел органически соединить восточную и западную литературную культуру, высказал очень важную по тем временам мысль о ее общечеловеческом значении, не забывая при этом, что Восток и Запад все-таки совершенно разные культурно-исторические формации. И продемонстрировал все это через самое простое и сложное, общечеловечески понятное — любовь, внутренний мир человека, который был так важен для романтика. Однако Гете показал внутренний мир не отдельного человека, а целой культуры, еще раз возвещая этим общечеловеческую ценность восточной поэзии и культуры. Романтических героев в «Западно-восточном диване» много — каждый персонаж этой книги в известной мере является романтическим героем. Однако главным из них является сам Восток во всем своем многооб-

разии и переменчивости, во всей своей таинственности и страстности, неповторимости, непонятности для западного человека.

Восточная поэзия сложна, она выработала богатейший иносказательный язык, в котором самые утонченные мистические понятия были выражены в образах плотского любовного вождения. Гете, введя подобные образы в свой «Диван», заимствовал эту традицию у восточных поэтов, в частности, у Хафиза. Таджикистанский ученый-филолог М.С. Карахонов в своей диссертации, пишет: «Из жизнеописаний Гёте и исследований, посвященных «Западно-восточному дивану», следует, что поэт всю свою жизнь питал особую привязанность и любовь к культуре и литературе Востока. Чтение и изучение священного Корана (в немецком переводе), сказок «Тысяча и одна ночь», путевых дневников европейских путешественников усилили его интерес, прежде всего, к персидской поэзии. Однако первым и основным проводником Гете в познании Востока, согласно мнению большинства исследователей, был Диван Хафиза» [2].

По мнению А. Саидова, «Гёте, хотя жил и творил в Германии, духовно является поэтом Востока. Смысл и содержание его произведений, чувства отличаются присущими для восточного человека особенностями... По его выражению, все семь звезд мировой поэзии — это поэты Востока. Среди этих семи звезд восточного мира выделяя Саади, Хафиза и Навои, Гёте говорит, что не достоин даже их тени» [4]. Его уважение проявляется и в обращении к Хафизу в стихотворении «Вторение»:

Пускай я весь — твое лишь отражение,
В твой ритм и строй хочу всецело влиться,
Постигнуть суть и дать ей выражение,
А звуки — ни один не повторится,
Иль суть иную даст их сопереживание,
Как у тебя, кем сам Аллах гордится.

Как считает А. Саидов, суфийские взгляды, присущие средневековой поэзии Востока, объединяют все части «Западно-восточного дивана». Они пронизаны суфий-

ской идеей «Умри и возродись!». Суфизм, в первую очередь, наука о воспитании общества, знание, опирающееся на равенство, свободомыслие, справедливость. Суфизм возник в объятиях ислама, и в то же время, внёс в философию ислама новый смысл, новое содержание, как бы демократизировал его [4]. В отдельном стихотворении, в котором используются образы мотылька и свечи из «Бустана» Саади, Гете объясняет, в чем благодать поэта. Это стихотворение «Блаженное томление» — одно из лучших в «Диване». В нем после изображения гибели мотылька Гете произносит: «Stirb und Werde!» — «Умри — и возродись!». Вечное обновление, круговорот жизни и смерти.

Каково же содержание произведения? В первой книге «Дивана» — «Моганни-наме» — «Книге певца» — указаны четыре стихии, питающие поэтическое вдохновение. Это Любовь, Ненависть, Вино и Меч. Каждая из стихий представлена в соответствующей книге: Любовь — «Эшк-наме» — «Книга любви», «Зулейка-наме» — «Книга Зулейки»; Ненависть — «Рендж-наме» — «Книга недовольства»; Вино — «Саки-наме» — «Книга кравчего»; Меч — «Тимур-наме» — «Книга Тимура». И все остальные книги «Дивана» — «Моганни-наме», «Хафиз-наме», «Тэфкир-наме» — «Книга размышлений», «Масаль-наме» — «Книга притчей», «Хикмет-наме» — «Книга изречений», «Парси-наме» — «Книга Парса», «Хулд-наме» — «Книга Рая» — проникнуты поэзией, порожденной четырьмя стихиями, и являются внушением непрерывного, повседневного служения поэта Идеалу.

«Книга Зулейки» — произведение интимнейшей лирики. Любовь, страсть в о всех ее нежнейших и самых тончайших проявлениях — чувство общечеловеческое, здесь растворяются Запад и Восток. Тут Гете говорит об общечеловеческом значении культуры, будь то культура западная или восточная. Центральные герои — Хатем и Зулейка, весьма вольное толкование традиционных восточных героев. Две арабские традиции любовной газели — омаритскую с лейтмотивом «любовь — наслаждение» и азрайтскую, по названию племени азров, которые, по выражению Гейне, «полюбив, умирали», с лейтмотивом «любовь — страдание» объединил и преодолел Хафиз в своем творчестве; в его газели любовь — высшее наслаждение, самозабвенное, всепоглощающее чувство, переходящее в философское восприятие мира. Именно эту традицию Хафиза развил по-своему Гете в «Книге Зулейки», и это делает ее еще одной из форм западно-восточного синтеза [3].

На Востоке поэт ищет истоки гуманистической идеи, доводившей почитание человека до его обожествления и универсализировавшей человеческую любовь в хафизовском смысле слова, определяя ее как основу мира и жизни. В синтезе Гете гуманистические, художественные и нравственные категории, связанные с реальной историей и обозначенные соответственно как «Восток» и «Запад», не просто сосуществуют, они органически слиты в единый литературно-художественный, культурный сплав.

Таким образом, в «Западно-восточном диване» Гете сумел органически соединить восточную и западную литературную культуру, высказал очень важную по тем временам мысль о ее общечеловеческом значении, не забывая при этом, что Восток и Запад все-таки совершенно разные культурно-исторические формации. Гете показал внутренний мир не отдельного человека, а целой культуры, еще раз возвещая этим общечеловеческую ценность восточной поэзии и культуры.

Романтических героев в Западно-Восточном Диване много — каждый персонаж этой книги в известной мере является романтическим героем. Однако главным из них является сам Восток во всем своем многообразии и переменчивости, во всей своей таинственности и страстности, неповторимости, непонятности для западного человека.

В «Диване» Гете сумел органически слить воедино передовые идеи Запада своего времени и «седого» Востока, сплавить формальные художественные особенности восточной и западной поэтики и создать глубоко гуманистический западно-восточный синтез. Гёте утверждает:

Orient und Occident

Sind nicht mehr zu trennen.

Восток и Запад уж более неразделимы.

В Коране сказано: «Богу принадлежит и Восток, Богу принадлежит и Запад». Это излюбленное выражение Гете как нельзя лучше определяет общечеловеческую суть его поэтического шедевра «Западно-восточный диван», в котором во всем блеске таланта великого мастера соединились достижения двух культур — восточной и западной.

Гёте умер 22 марта 1832 года. Говорят, что перед самой смертью он безостановочно «рисовал» на своей груди своей рукой букву «W». Лео Кеттер объясняет это тем, что якобы Гёте «рисовал» первую букву своего имени Вольфганг. Однако в исламском мире имеется и другая трактовка этой загадки. По этой версии выходит, что Гёте, долгое время изучавший арабское письмо, буквы, которыми написан Коран, и очень хорошо писал слово «Аллах». Поэтому вполне может быть, что он писал не первую букву своего имени, а имя «Аллах». Если даже не будет первой буквы «алиф», всё равно смысл не изменится — вместо «Аллах» получится «Лиллах», а его написание похоже на немецкую букву W. И вот возникает новый вопрос, над которым следует подумать ученым: «А не был ли Гёте мусульманином?».

В заключение хочется сказать, вот уже более двух веков творчество и научное наследие Гёте привлекает внимание учёных различных направлений и разного возраста. Художники, скульпторы, композиторы, праведы, биологи открывают всё новые грани сего творчества и многогранной деятельности. А написанный более двух веков назад «Диван» до сих пор созвучен с идеями гуманизма, так как в нём воспеваются и выдвигаются идеи сближения народов, мирного сосуществования, решения проблем не с помощью оружия, а с помощью просвещенности, справедливости и разума.

Литература:

1. Гёте, И. В. Западно-восточный диван (Сер. Литературные памятники). Пер. В. В. Левик. — М.: Наука, 1988. — с. 26.
2. Карахонов, М. С. «Западно-восточный диван» Гёте и современная таджикская литература. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. — Душанбе, 2012. 24 с.
3. Брагинский, И. С. Западно-восточный синтез в Диване Гете и классическая поэзия. — Москва, 1963.
4. Саидов, А. Шарққа ҳижрат эрур вожиб...» // «Ўзбекистон адабиёти ва санъати» газетаси. 2009 йил 31-сони

Судьба как лингвокультурный маркер русской и английской картин мира

Грищенко Яна Сергеевна, преподаватель

Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт»

Статья посвящена компаративному анализу концепта судьбы в русской и английской языковых картинах мира. Материалом исследования служат лексикографические источники и художественные произведения русских и английских писателей XX века. В статье формируются синонимические ряды концепта судьба, определяются перспективные направления изучения этого концепта.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, языковая картина мира, синонимический ряд.

Судьба — ход событий, независящий от воли человека, стечение обстоятельств (согласно суеверным представлениям — сила, которая предрешает все, что случается в жизни) [3, с. 518]. Судьба — одно из самых активных и таинственных начал жизни. Интерес человека к ней постоянно поддерживается, поскольку эта категория имеет оттенок недоступности и одновременно предопределенности.

Для того чтобы понять смысловое значение слова «судьба», необходимо рассмотреть концепт судьбы, который используется для «отражения в понятиях» «духа народа» и широко применяется в разных областях лингвистики. Вышеуказанное понятие входит в терминологический аппарат семантики, лингвокультурологии, когнитивистики.

Наше исследование проведено в лингвокультурологическом направлении, которое сегодня переживает период расцвета. Сущность взаимопроникаемости языка и культуры раскрывается в работах таких современных лингвистов, как Е. В. Бабаева, С. Г. Воркачев, А. Вежбицкая, Н. В. Дорофеева, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Н. А. Красавский, Е. С. Кубрякова, Г. Г. Слышкин и других. Изучение концепта судьбы в языковых картинах мира проводилось в работах Н. А. Арутюновой, А. Вежбицкой, Т. В. Даренской, В. Н. Ельцовой, В. В. Колесова, где содержание вышеуказанного понятия рассматривалось в основном на примере языковых картин мира славянской группы. В работах Н. А. Арутюновой и А. Вежбицкой английский концепт судьбы рассматривался скорее в противовес русскому концепту, а не равноценно ему.

Актуальностью нашего исследования является необходимость целенаправленного углубленного изучения разных способов отображения концепта судьбы в ан-

глийской и русской языковых картинах мира. Знание особенностей понимания различных концептов носителями разных культур позволяет снимать моменты непонимания или неверной интерпретации речи, возникающие при обмене информацией, и дает возможность верного восприятия иноязычной речи, адекватной и своевременной реакции на нее.

Научная новизна исследования состоит в том, что работа направлена на сопоставительное изучение концепта судьбы в английской и русской языковых картинах мира с последующим выявлением сходств и различий понимания этого концепта, при условии равноценного рассмотрения концептов судьбы.

Объект исследования — лингвокультурологический концепт судьбы, отраженный посредством лексических и фразеологических единиц в русской и английской языковых картинах мира. Предмет исследования — лексемы, фразеологические единицы, дискурс.

Цель нашей работы заключается в компаративном анализе выражений концепта судьбы в русской и английской языковых картинах мира.

Материал исследования составляют лексикографические источники, а также художественные произведения английских и русских писателей XX века.

В результате проведенного исследования были получены такие выводы:

1. В русском концепте судьбы отсутствуют значения — *случай, совпадение, риск*, а в английском концепте не содержится значений — *судить и судить заранее*.

Sir Arthur Conan Doyle «The Lost World»: «On that conical bullat his one chance hangs, // Tis the weak one's advantage fair» [9, с. 44].

Т.Н. Толстая «Кысь»: «*Не трепещите так, дружок мой! Поздно! Судьбе не угодно было скрестить наши пути!*».. [5, с. 118]

2. Судьба в английской языковой картине мира всегда оставляет право выбора за самим человеком, у которого есть возможность бросить вызов и противостоять судьбе, в то же время, русский концепт судьбы не дает такой возможности, судьбе нужно покориться.

James Joyce «*A Portrait of the Artist as a Young Man*»: «*Where was his boyhood now? Where was the soul that had hung back from her destiny to broad alone upon the shame of her wounds and in her house of squalor and subterfuge to queen it in faded ceremonies and in wreaths that withered at the touch?*» [11, с. 194].

И. Ефремов «Час быка»: «*Везде слезы, трепет, страх и снова слезы — таков удел женщины Торманса, кроткой и терпеливой труженицы, борющейся в домашней жизни с комплексом униженности*» [2, с. 290].

М. Горький «*На дне*»: «*Василиса (появляясь). Что, Вася, мил друг? От судьбы — не уйдешь.*».. [1, с. 904].

3. «Судьба» является ключевым словом английской и русской культур, концепт судьбы связан с чертами характера англичан и русских.

Англичанам присущ стоицизм, борьба за успех, способность встречать превратности судьбы с веселым спокойствием.

Русскому народу — природная склонность к пассивности, фатализму, пессимизму, глубокому унынию, беспричинной тоске и грусти, повышенной эмоциональности.

4. Английский синонимический ряд состоит из 8 основных элементов и имеет 7 оттенков значений: fate → chance → destiny → fortune → doom → luck → lot → providence.

А). Некая высшая сила, управляющая ходом событий, влияющая на течение жизни людей:

— сила, несущая добро, — фортуна — *fortune, luck // fortune smiled on us — судьба улыбнулась нам; a stroke of good fortune — улыбка фортуны; a run of luck — полоса удачи; devil's own luck — необыкновенная удача, чертовски повезло* [13];

— сила, несущая зло — фатум — *fortune, destiny, fate, doom, lot // a bad fortune — неудача; to achieve, fulfil one's destiny — выполнять предназначение судьбы; blind fate — слепая судьба; cruel fate — жестокая судьба; inexorable fate — безжалостная судьба; to be doomed to die — быть обреченным на смерть; sorry lot — несчастная судьба* [6].

Б). Риск — *fortune, luck, fate, chance // to try one's fortune — испытывать судьбу; to try one's luck — рискнуть, попытаться счастья; to push one's luck, stretch one's luck — искушать судьбу; to tempt fate — испытывать судьбу; to take a chance — рисковать* [10].

В). Предопределенность, неизбежность — *fate, destiny, doom; // to decide, to settle, seal smb.'s fate — решать чью-л. судьбу* [7]; *a stroke of fate — удар*

судьбы; to decide, shape smb.'s destiny — решать чью-л. судьбу; to go to one's doom — идти на верную смерть [10].

Г). Возможность, шанс, совпадение, случайное (удачное) стечение обстоятельств — *chance, fate, fortune, lot, luck // by chance — случайно; to meet one's fate — встретить свою судьбу; by good fortune — по счастью; happy lot — счастливая судьба; the luck of the draw — удача, выпавшая на долю кого-либо; подвезло* [12, с. 292].

Д). Провидение, сила, предрешающая события будущего — *Providence, the stars, lot // by lots — волей провидения; to escape by a special Providence — спастись волей провидения* [14]; *thank one's lucky stars — благодарить свою звезду (судьбу)* [6].

Е). Несчастливая, горькая доля — *luck, lot // rough luck, tough luck — несчастье, неудача; just my luck! — мне, как всегда, не везет! Такое уж мое везение! unhappy lot — горькая доля* [6].

Русский синонимический ряд включает в себя 10 элементов имеет 10 базовых оттенков значений: судьба → доля → предопределение → провидение → удел → фатум → рок → участь → звезда → фортуна:

1) стечение обстоятельств, ход жизненных событий, складывающихся независимо от воли человека: *судьба, рок;*

2) горькая, несчастная, тяжелая судьба: *доля, участь;*

3) грозная, неизбежная судьба: *рок, судьба, фатум;*

4) счастливая изменчивая судьба: *фортуна;*

5) мистическая сила, направляющая течение жизни, предопределяющая события в будущем: *звезда, предопределение, провидение;*

6) предсказуемая судьба: *предопределение, судьба;*

7) судьба, находящаяся в руках человека: *участь, судьба;*

8) гибель, кончина, смерть: *удел;*

9) неблагоприятное стечение обстоятельств: *судьба;*

10) судить, судить заранее: *судьба.*

5. Русский концепт судьбы предсказуем, но неизбежен; английский концепт судьбы прихотлив, капризен, но может меняться по причине «забывчивости» судьбы, случайности или же под влиянием самого человека.

Братья Стругацкие «*Отягощенные злом*»: «*О том, что это было предопределение, Иоанну суждено было догадаться гораздо позднее*» [4, с. 298].

Bernard Shaw «*Pygmalion*»: «*Without accepting the comparison at all points, Eliza, it's quite true that your father is not a snob, and that he will be quite at home in any station of life to which his eccentric destiny may call him*» [15, с. 116].

Joseph Conrad «*Typhoon*»: «*There are on sea and land such men thus fortunate — or thus disdained by destiny or by the sea*» [8, с. 171].

6. В английской языковой картине мира наиболее обшеупотребительными элементами, с помощью которых

выражается концепт судьбы, являются *destiny* и *fate*, а в русской языковой картине мира — *судьба* и *участь*.

Материал данной работы представляет интерес и для дальнейшего более обширного исследования, а именно: увеличение количества рассматриваемых языковых картин мира при сопоставительном изучении концепта судьбы в них; исследование этимологии концепта

судьбы в различных языковых картинах мира; расширение границ исследования концепта судьбы не только путем увеличения количества исследуемых произведений писателей-прозаиков, но также и путем включения в материал исследования поэтического творчества и фольклора; расширение временных рамок исследования концепта судьбы.

Литература:

1. Горький, М. На дне // М. Горький. Избранные сочинения. — М.: «Художественная литература», 1986. — с. 890–951.
2. Ефремов, И. А. Час быка: Роман./И. А. Ефремов. — Воронеж: «Центр. — Чернозем. кн. издательство», 1989. — 431 с.
3. Словарь синонимов русского языка в двух томах/Под ред. А. П. Евгеньевой. — Л.: «Наука», 1971. — Т2. — 856 с.
4. Стругацкий, А., Стругацкий Б. Отягощенные Злом. За миллиард лет до конца света. Гадкие лебеди./А. Стругацкий, Б. Стругацкий. — М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. — 608 с.
5. Толстая, Т. Н. Кысь: Роман./Т. Н. Толстая. — М.: «Подкова», 2000. — 384 с.
6. АBBYU Lingvo 12 Три мови. Великий сучасний електронний словник. — АBBYU Software House, 2006. — 2 електрон. опт. диски (DVD-ROM); 12 см.
7. Collins Cobuild Dictionary of Idioms = Англо-русский словарь устойчивых словосочетаний. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. — 751 с.
8. Conrad, J. Typhoon and Other Stories./J. Conrad. — London: Everyman's Library, 1991. — 362 p.
9. Doyle, A. C. The Lost World & Other Stories./A. C. Doyle. — Ware: Wordsworth Classics, 1995. — 461 p.
10. Encyclopedia Britannica CD 2000 Deluxe edition. — Режим доступа: www.britannica.com.
11. Joyce, J. A portrait of the Artist as a Young Man./J. Joyce. — London: Penguin books, 1996. — 288 p.
12. Kunin, A. V. English — Russian Dictionary of Idioms = Англо-русский фразеологический словарь./А. В. Купин. — 4-е изд., стереотип. — М.: «Русский язык», 2002. — 512 с.
13. Longman Dictionary of Contemporary English = Словарь современного английского языка: В 2-х т. — М, 1992. — Т. 1. — 626 с.
14. Longman Dictionary of Contemporary English = Словарь современного английского языка: В 2-х т. — М, 1992. — Т. 2. — 1229 с.
15. Shaw, B. Pygmalion // Шоу Б. Избранные пьесы. На англ. яз./Комментарий М. В. Дьячкова. — М.: «Менеджер», 2002. — с. 6–98.

Педагогический дискурс как объект исследования каузальности речевых актов

Железцова Мария Юрьевна, магистрант

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия (Свердловская область)

Педагогический процесс на современном этапе стремится способствовать становлению и развитию базовых способностей человека, то есть не только дать знания по различным школьным предметам, но и сформировать универсальные учебные действия, которые помогут школьникам в их дальнейшей жизни.

Особая роль учителя русского языка в решении названной выше задачи состоит в том, что, с одной стороны, он даёт школьнику главный инструмент познания и развития; с другой стороны, профессиональный вариант речевого поведения позволяет учителю выступить в качестве ратора, автора профессионала и художника слова [3].

Язык является не только средством передачи новой информации, через язык и общение человек познает мир. Именно язык активизирует мозговые центры, исполняет роль учителя мышления, и таким образом формирует у человека умение учиться [10]. Следовательно, в педагогическом процессе общении, а именно речевое взаимодействие учителя с учениками, необходимо как для социализации, так и для развития личности.

Учебный диалог представляется сегодня тем универсальным методом, который обеспечивает и эффективное усвоение учащимися учебного материала, и формирование у них необходимых коммуникативно-речевых навыков.

Только в диалоге возможна подлинная социализация нового члена общества, формирование личности, способной грамотно выстраивать взаимоотношения в самых разных ситуациях общения. Следовательно, умение структурировать учебный диалог на уроке и грамотно им управлять следует рассматривать как одну из важнейших составляющих профессионального мастерства учителя.

Диалогическое общение в процессе обучения это органичное сочетание двух имманентных функций языка как социального явления — познавательной и коммуникативной, если учитель способен реализовать в ходе урока ряд профессионально значимых умений, именуемых дискурсивными. Эти умения обеспечивают эффективное осуществление речевой деятельности обучающегося, направленной не только на решение сугубо практических задач, но и на гармонизацию педагогического дискурса в целом [11].

В процессе общения коммуниканты относят тот или иной текст к определенной сфере на основании сложившихся представлений о норме и правилах вербального взаимодействия, об условиях уместности, о типах коммуникативного поведения. Как и любое институциональное общение педагогический дискурс имеет «личностно-ориентированный» характер. М. Ю. Олешков характеризует его как клишированную разновидность «личностной» коммуникации, которая может быть дефинирована как семиотический процесс совокупной речевой деятельности взаимодействующих сторон в пределах учебной ситуации, то есть учителя и учащихся [9]. Интересы коммуникантов в этом общении находятся в некотором противоречии, однако, цель педагогического дискурса — «социализация нового члена общества» [5], поэтому целеполагание учителя — это именно планируемое воздействие.

Необходимым экстралингвистическим условием создания учебного текста является предварительно сформированная у педагога предрасположенность к коммуникации в целом и установка на устную форму общения. В исследованиях последних лет вводится также такое сложное, многоаспектное понятие, как «профессиональная готовность к педагогической деятельности». Под такого рода готовностью понимается совокупность профессионально обусловленных требований к учителю, в составе которой выделяются: психологическая, психофизиологическая и физическая готовность, с одной стороны, и научно-теоретическая и практическая компетентность, с другой [2]. Способность к публичным выступлениям — это, безусловно, один из важнейших компонентов человеческой деятельности, которым могут определяться как успехи, так и неудачи человека. Педагогический диалог, осуществляемый по коммуникативной формуле «*один* (учитель) — *много* (учащиеся)», безусловно, представляет собой разновидность публичной речи. [4]. Фактор публичности оказывает определяющее влияние и на тему, и на участников коммуникации.

Диалог как форма речи и как одна из ярких репрезентаций разговорной речи избирательно реализует лишь

часть большой парадигматически организованной системы средств выражения каузальных отношений. Разговорная речь как функционально-стилистический феномен использует лишь те языковые знаки, простые и сложные, которые соответствуют закономерностям ее конституирования [7]. Диалоговость предполагает, в первую очередь, запрос информации и аргументацию высказанных положений.

Проблема языковой реализации причинно-следственных отношений имеет непосредственную связь с мышлением и представляет несомненный интерес для когнитивной лингвистики и, в частности, для семантического синтаксиса, вышедшего за пределы предложения в область дискурса.

Как принцип каузальность выражает следующее: каждое явление имеет причину (вызвано, является действием) и одновременно есть причина другого явления; или, наоборот, без причины ничто не появляется. Кроме того, причинность характеризуется наличием между явлениями отношения производства или порождения. Причина не просто предшествует следствию во времени, а порождает, вызывает его к жизни, генетически обуславливает его возникновение и существование [1]. Применительно к языковым структурам, слово «причина» обозначает такое явление, которое именно говорящий считает стимулом, влекущим изменение, даже если эта связь не обоснована логически или вообще не соответствует реальному положению вещей. Следовательно, каузальность в языке и речи мы рассматриваем не как прямое отражение причинно-следственных связей между экстралингвистическими явлениями, а как отношение импликации между пропозициями говорящего [6].

Для анализа педагогического дискурса речевые акты с каузальной семантикой выступают как связующий компонент. Речевое событие в педагогическом процессе обладает определенной последовательностью коммуникативных актов и чаще всего высказывания участников закономерно следуют друг за другом. При обучении основной единицей структуры дискурса является «триада» чередование элементов *вопрос — ответ — оценка*. При этом в некоторых случаях этап оценки может выпадать, например, при опросе. Если учитель не заостряет внимание на ответе, для учащихся это является сигналом о том, что ответ был правильным. В этом отношении, можно говорить не только о маркированных единицах с каузальной семантикой, но и о внутренне обусловленных.

Эффективность дискурса, то есть достижение участниками общения коммуникативной кооперации, взаимопонимания является результатом интеракционных отношений [8]. Организует же речевое поведение интенция, то есть направленность или речевое намерение. В зависимости от типа педагогического дискурса выделяют несколько маркоинтенций. Для исследования каузальности важен аргументирующий тип дискурса, который с точки зрения интенции направлен на доказательство.

Учителю чрезвычайно важно осознавать, что информативная сторона процесса общения, состоящая в обмене информацией и ее понимании, должна находиться в продуманном балансе с интерактивной и перцептивной сторонами данного процесса. Благодаря интерактивности общения осуществляется выработка стратегий и координация совместных действий индивидов при организации и выполнении совместной деятельности; перцептивная сторона общения означает эмоциональное восприятие и понимание друг друга в процессе общения. Однако на сегодняшний момент ситуация иная. Информационная сторона в большинстве случаев превалирует над остальными, следовательно личность развивается в условиях несбалансированного общения, поэтому в итоге формируется личность, которая не способна адекватно общаться с окружающими.

Не случайно столь актуальной представляется в наши дни проблема диалога в контексте альтернативных стратегий образования, связанных, прежде всего, с актуальными вопросами коммуникативной дидактики, развивающего обучения, педагогики сотрудничества, качественно отличающихся от традиционной педагогической деятельности [4].

Аргументативный дискурс обладает всеми характеристиками, способными обеспечить индивидуальное личностно-смысловое развитие и индивидуализацию образовательного процесса. При профессиональной его организации, на занятиях, требующих осмысленной аргументации, осуществляется психолого-дидактическая поддержка учащихся, имеет место проблемно-творческий тип отыскания «истины», достигаются цели воспитательного характера [8]. Кроме того, для учителя важно

привлечь учащихся к педагогическому процессу, объяснить его значение и добиться ответной реакции, поэтому каузальность как причинно-следственная связь компонентов должна быть осознана, сформулирована и в существенной степени отражена в языке учителя.

Наблюдения показывают, что в текстах различных функциональных стилей используется практически весь инвентарь каузальных языковых средств выражающих причинно-следственные отношения. Существуют лингвистические и экстралингвистические факторы, от которых зависит расстановка речевых актов с каузальной семантикой.

Изучение каузальности в педагогическом дискурсе представляется важным для исследователя прагматического уровня языка, так как влияние каузальных речевых актов на процесс общения на данный момент малоизучено. Учителям необходимо знание о теории речевых актов и каузальности в частности, поскольку осознанное и продуманное речевое взаимодействие плодотворно сказывается на весь педагогический процесс.

Особенно важным является то обстоятельство, что каждый участник диалога воспринимается в его самозначимости, т.е. не как средство для чего-то, а как собственная цель общения. Воспитывая в себе способность быть личностью, реализуясь в своей неповторимости, становясь равноправными субъектами, учащиеся также помогают это сделать другим его участникам, учатся коллективизму, взаимности и сотрудничеству.

Таким образом, рассмотрение казуальных речевых актов и механизмов того, на чем построена аргументация, является важным для изучения вопросов закономерности использования языка, а также для повышения эффективности речевой коммуникации на уроке.

Литература:

1. Алексеев, П. В., Панин А. В. *Философия: Учебник* — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: «Прспект», 2003. — с. 608
2. Бахтин, М. М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1979. — 445 с.
3. Винокур, Т. Г. *Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения*. — М.: Наука, 1993. — 172 с.
4. Вострикова, Т. И. *Профессионально-педагогический диалог на уроке русского языка: структурно-содержательные особенности и речевая организация [Текст]: монография/Т. И. Вострикова*. — Астрахань: «Астраханский университет», 2010. — 272 с.
5. Карасик, В. И. *Язык социального статуса*. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 333 с.
6. Комаров, А. П. *О лингвистическом статусе каузальной связи*. Алма-Ата, 1970. — с. 70
7. Ламухина, О. М. *Каузальные отношения в типологии диалогов: на материале английского языка*. [Текст]: дис. канд. фил. наук: Армавир. 2006. — 182 с.
8. Нарциссова, С. Ю. *Аргументация как фактор смыслообразования в обучении/С. Ю. Нарциссова // NB: Психология и психотехника*. — 2012. — № 1. — с. 165–195.
9. Олешков, М. Ю. *Педагогический дискурс: Учеб. пос. для студентов высших учебных заведений*. — Нижний Тагил: НТГСПА, 2012. — 310 с.
10. Федоренко, Л. П. *Изучение языка и развитие мышления/Л. П. Федоренко // Русский язык в школе*. — 1987. — № 4. — с. 37–41
11. Щербинина, Ю. В. *Лингво-риторические подходы к описанию и совершенствованию речевой личности педагога // Риторика и культура речи: наука, образование, практика: мат. XIV Междунар. науч. конф. (1–3 февраля 2010 г.)*; под ред. Г. Г. Глинина. — Астрахань: «Астраханский ун-т», 2010. — с. 201–203.

Особенности немецкого акцента

Конева Евгения Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Курский государственный университет

В статье автор раскрывает сущность понятия «акцент», рассматривает составляющие немецкого акцента в сравнении с русским языком, тем самым, демонстрируя возможные ошибки носителей русского языка.

Ключевые слова: акцент, произношение, интонация, артикуляционная база.

Современный век — это не просто век высоких технологий, но, прежде всего, это век мегаобщения. Сотрудничая с разными странами, мы вынуждены учить иностранные языки, чтобы наиболее точно и без посредников выражать свои мысли. Хорошее знание иностранного языка на сегодняшний день ассоциируется с хорошей высокооплачиваемой работой. Однако, не смотря на отличное знание многими нашими соотечественниками иностранного языка (богатый словарный запас, правильная грамматика), нельзя сказать с полной уверенностью, что они идеально владеют тем или иным иностранным языком. Почти всех выдает так называемый акцент. Часто можно слышать в быту и на различных форумах (например, «Германия по-русски» [9]) утверждение, что «акцент (произношение) является более важным фактором восприятия, чем например, словарный запас и грамматическая корректность».

Так что же означает термин *акцент*?

Если мы обратимся к словарям, то, например, в Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой (далее ТСЕ) первое значение данного слова — это «ударение», причем с пометкой «в лингвистике». И действительно, в разнообразных источниках (в частности, учебниках для языковых вузов по теоретической фонетике немецкого языка (см.: [6]; [5]; [4]; [2] и др.)) мы встречаем, прежде всего, толкование термина *акцент* именно как ударения, а точнее, ударения в словах (Wortakzent) и во фразах, предложениях (Satzakzent).

Но в том же самом словаре Т.Ф. Ефремовой мы сталкиваемся и с другого рода дефиницией. Акцент — это «особый характер произношения, проявляющийся в отступлении от языковой нормы и свойственный носителям какого-л. языка или диалекта, говорящим не на родном языке» [3]. На синонимичность терминов *акцент* и *произношение* делается акцент и в определении из Википедии: «Акцент (из лат. *accentus* «ударение, интонация, повышение голоса») — произношение, в котором отражаются звуковые особенности чужого языка или наречия, реже индивидуального говора» [1]. Таким образом, мы склонны понимать под акцентом звуковые особенности или особенности произношения неродного нам языка. Тем самым, мы ставим знак равенства между терминами акцент — произношение — звучание.

Вопрос произношения в разных языках интересовал в свое время и выдающегося российского ученого Михаила Васильевича Ломоносова. Всем известна его цитата:

«Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелем, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков». М.В. Ломоносов, как мы видим, образно описал красоты того или иного европейского языка, т.е. его внешний лоск. Однако вопрос в другом: что представляет собой произношение, каковы его составляющие, почему носитель языка определяет без особых проблем, что перед ним иностранец? Данные вопросы и сегодня являются актуальными, а ответы на них представляют значимость, поскольку вносят вклад в теорию фонетики. Как правило, акцент в первую очередь связывают с особенностями интонации, что не удивительно, поскольку интонация напрямую связана с особенностями звучания любого языка.

В современной лингвистике произошла смена исследовательских парадигм: фокус внимания переместился с языка как системы форм к языку в ситуации общения. И это, соответственно, послужило мощным стимулом для развития исследований в области интонации и интонационных моделей. Исследования в этой сфере представляют значимость и особый интерес для исследователей, поскольку, как справедливо отмечает М.Г. Кравченко вместе со своими коллегами, самостоятельный смысл, присущий любому предложению, «передается не только через его лексический состав и грамматическое оформление, но и через его интонацию» [5, с. 34]. Присутствие интонации в речи наблюдается всегда. В противном случае «смысл предложения может оказаться совершенно неясным» [там же].

Интонация представляет собой сложное явление. Часто под интонацией ошибочно понимают мелодику, которая является компонентом интонации, т.е. одной из ее составляющих. Под *мелодикой* мы вслед за другими исследователями (М.Г. Кравченко [5], В. Юнг [7], М.Н. Гузь [2]) понимаем изменение высоты основного тона в пределах одного предложения. Мелодика, таким образом, «обозначает коммуникативную установку предложения» [2, с. 95] и способствует выражению эмоций. В этой связи даже самая маловыразительная речь не сможет быть абсо-

лютно монотонной никогда. Мелодика может быть разных типов. В немецком языке это:

- 1) мелодика завершенности (terminale Melodik);
- 2) мелодика незавершенности (progrediente Melodik);
- 3) вопросительная мелодика (interrogative Melodik).

В русском языке мы также можем отметить аналогичные модели мелодики. Однако рисунок, а также место повышения или понижения тона в разных языках будут различными. И это связано, прежде всего, с особым ритмом, характерным для немецкой речи. Немецкий ритм обуславливается резким выделением ударных слогов, которые произносятся со значительно большей силой, чем русские. И в этой связи следует упомянуть следующую составляющую интонации — *фразовое ударение* (Satzakzent). Это ударение, которое выделяет в предложении самое важное по смыслу слово. Иногда его называют также синтагматическим. Безударными в немецком предложении всегда выступают служебные слова, модальные и вспомогательные глаголы, что не всегда отмечается носителями языка и сказывается на их произношении. Следует упомянуть, что в противовес фразовому ударению существует *словесное ударение* (Wortakzent). Оно не менее важно, поскольку выполняет смыслообразительную функцию. Замечательные примеры мы находим в книге Х. Дилинг и У. Хиршфельд «Phonetik lehren und lernen» [8, с. 102]: слова-омонимы в немецком языке *August* и *August*. В первом случае это имя, а во втором месяц. Таким образом, мы видим, что роль ударения нельзя преуменьшить.

Ударение, как правило, ведет к падению тона с последующей паузой (перерывом в речи). *Пауза* сигнализирует «границы между двумя более или менее самостоятельными по смыслу отрезками речи» [5, с. 42]. Конечно, необходимость паузы мы связываем с физиологическими особенностями человека (необходимость дышать), однако, место паузы в речи определяется, в первую очередь, смыслом. Интересен тот факт, что величина паузы может меняться с учетом степени связности отрезков речи. Это значит, что в сложноподчиненных предложениях смысловая связь между главным и придаточным предложениями более тесная по сравнению со сложносочиненным предложением, и пауза соответственно, будет меньше. Артикль, указательное и притяжательное местоимение или предлог от существительного, а также предлог от артикля отделять паузой нельзя.

Ну и, наконец, еще один компонент интонации, не уступающий по значимости предыдущим, — *темп* речи или скорость произнесения отдельных элементов предложения. Замедление или ускорение темпа используется преимущественно в тех случаях, когда необходимо выделить что-то в предложении или противопоставить.

К особенностям немецкого произношения в отличие от русского относится характерная произносительная (артикуляционная) база:

- бóльшая активность губ;

- активная работа нижней челюсти (резкое сильное опускание);

- активная работа увулы и глотки;

- продвинутое вперед положение языка;

- наличие долгих и кратких гласных. Немецкие гласные имеют четкое различие по долготе и краткости. В немецком языке существует четкое разграничение долгих и кратких гласных, в то время как в русском языке подобного строгого разграничения не наблюдается. Соблюдение этой особенности произношения немецких гласных необходимо и важно, так как от долготы и краткости гласного часто зависит значение слова, например: die Staat (государство) — die Stadt (город);

- «при произнесении немецких гласных артикуляция остается (в отличие от русского языка) стабильной» [2, с. 12]. Это значит, что если произносится звук [o:], то он никак не может перерасти в звук [a:]. Кроме того, при произнесении немецких долгих закрытых гласных необходимо помнить о сильной напряженности органов речи и сохранять эту напряженность на всем протяжении произнесения данного звука. В русском языке такая напряженность отсутствует;

- долгота и краткость немецких гласных напрямую связана с понятием открытости/закрытости слога. Долгие гласные обычно закрытые, краткие — открытые. При произнесении долгих закрытых гласных рот открыт нешироко, органы речи при этом находятся в напряжении; гласные звучат закрыто.

Напротив, при произнесении кратких открытых гласных рот широко открыт, органы речи менее напряжены, чем при произнесении долгих закрытых гласных;

- наличие в немецком языке твердого приступа перед гласными или гортанной смычки (der Knacklaut). Немецкие гласные и дифтонги в начале корня или приставки произносятся с твердым приступом. Твердый приступ резко отделяет слово, начинающееся с гласного, от предыдущего слова, благодаря чему немецкая речь звучит отрывисто, резко. В русской же речи из-за отсутствия твердого приступа слова сливаются в один плавный поток, и часто трудно установить границу между словами;

- глухие согласные немецкого языка p, t, k произносятся с большим мускульным напряжением, которое проявляется в придыхании;

- отсутствие смягченных согласных. В русском языке согласные можно произносить твердо и мягко. Немецкие согласные в отличие от русского языка всегда произносятся твердо. Об этой особенности немецкого произношения нужно всегда помнить и никогда не допускать смягчения немецких согласных, в частности не переносить. В немецком, как и в русском языке, на конце оглушаются согласные, но и немецкие звонкие согласные на конце слова и слогов, а также перед глухими согласными внутри слога теряют свою звонкость и превращаются в глухие.

Все эти моменты придают немецкой речи резкость, отрывистость, четкость и чеканность, русская же речь звучит плавно и несколько напевно.

Таким образом, мы видим, что с одной стороны *на произношение, или немецкий акцент, влияет интонация со всеми ее составляющими, а с другой стороны особенностями артикуляционной базы немецкого языка,*

среди которых наиболее важную роль играет положение, степень напряженности и активная работа речевого аппарата человека.

Литература:

1. Википедия — свободная энциклопедия [электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Гузь, М. Н. Фонетика немецкого языка: читаем и говорим по-немецки // М. Н. Гузь, И. О. Ситникова. — СПб.: КАРО, 2010. — 160 с.
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000 [электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info/>
4. Козьмин, О. Г. Теоретическая фонетика немецкого языка: Учеб. для ин-тов и фак-тов иностр. яз. // О. Г. Козьмин, Т. С. Богомазова, Л. И. Хицко. — М.: Высш. шк., 1990. — 223 с.
5. Кравченко, М. Г. Ударение и интонация в немецком языке. Пособие для студентов пед. ин-тов // М. Г. Кравченко, М. А. Зыкова, Н. Д. Светозаров, И. В. Братусь. — Л., «Просвещение», 1973. — 288 с.
6. Цахер, О. Х. Фонетика немецкого языка (теоретический курс на немецком языке). — Л., «Просвещение», 1969. — 207 с.
7. Юнг, В. Грамматика немецкого языка. — СПб.: Лань, 1996. — 544 с.
8. Dieling, H. Phonetik lehren und lernen // H. Dieling, U. Hirschfeld. — Goethe-Institut, München. — 2000. — 198 S.
9. Форум «Германия по-русски» [электронный ресурс]. URL: <http://www.germany.ru/>

An approach to culture-bound elements in translation

Курбанова Дилноза Арслановна, ассистент
Джизакский политехнический институт (Узбекистан)

One of the most challenging tasks for all translators is how to render culture-bound elements into a foreign language. Indeed, till this time not much attention has been paid to this problem by translation theories. According to Newmark: «Translation is a craft consisting in the attempt to replace a written message and/or statement in one language by the same message and/or statement in another language». However, with culturally-bound words this is often impossible. Indeed, the meaning which lies behind this kind of expressions is always strongly linked to the specific cultural context where the text originates or with the cultural context it aims to re-create.

Sometimes this kind of term can be easily rendered into the target language (TL), as in the case of topographical expressions and it is absolutely necessary to change the source text. However, more often than not, the translator has to cope with true dilemmas. The word in the source text (ST) may be strongly rooted in the source culture (SC) and, yet, it may be too difficult to understand for people who are from another nationalities. In addition, translators may have to deal not only with lexical expressions, but also with problems of register, syntactic order, non-standard English, regional varieties (dialects), etc. Though these elements are not always defined as culture-specific, I believe they are, since, as Goodenough argues:

«As I see it, a society's culture consists of whatever it is one has to know or believe in order to operate in a manner acceptable to its members, and do so in any role that they accept for any one of themselves. By definition, we should note that culture is not a material phenomenon; it does not consist of things, people, behavior, or emotions. It is rather an organization of these things. It is the form of things that people have in mind, their model of perceiving and dealing with their circumstances».

Thrivani in her article 'Cultural Elements in Translation, the Indian Perspective' writes that awareness of history is an essential requirement for the translator of a work coming from an alien culture. Thorough knowledge of a foreign language, its vocabulary, and grammar is not sufficient to make one competent as a translator. One should be familiar with one's own culture and be aware of the source-language culture before attempting to build any bridge between them.

Nida classifies the cultural references in five groups:

Material, related to everyday objects

Ecological, related to differences in the places, weather

Social, related to social organization and its artistic manifestations in the Arts or literature and history

Religious, which include ritualized and ideological manifestations

Linguistic, the tool which is needed to express the previous types of reference.

The way in which people speak, construct their sentences, choose their vocabulary (according to the formal/informal situation they are in, to their geographical origin and so on) reveals much about their culture.

They are a lot of culture-bound elements in every culture of the world. Subsequently, I want to focus on some Uzbek culture-bound elements. It is really difficult to render some words from Uzbek into English. As a lot of difference in continent Uzbekistan is situated in Central Asia. And the Uzbek language belongs to the Turkish language family. It rather differs from European languages. A lot of Uzbek poets and writers such as Alisher Navoi, Muhammad Bobur, and scientists Abu Raykhan Beruniy, At Termiziy Al Forobiy used Turkish language in their creative and scientific work.

Translating from Uzbek into English translator may meet some difficulties to render some words which mean something in Uzbek but no meaning in English. So, how to deal with this problem. That's a complicated task which must be dealt with. It is necessary to know the culture of both nationalities before translating. By having known the nationality and its culture closely translators may render words in an efficient way.

I want to give some examples for some culture-bound words which may have some difficulties to translate from. In Uzbek culture people used to call elder people brother and sister when they contact. It is Uzbek people's habit, they never call elder people by their names alone, they add the words brother or sister together with their names, like as Dinara sister or Umid brother and so on. And it's the way how Uzbek people respect each other. And this habit is appreciated by other nationalities too. Another example word is «bakhshi». The definition of this word in Uzbek is a man or a woman who sings traditional, national songs, folks and plays rubab (national musical instrument of Central Asian people) in villages. Let's see some other examples for culture-bound words. Wedding ceremonies in every culture differs from each other. There are various kind of traditions and types of weddings including marriage ceremony, gold wedding, silver wedding and also circumcision rite belonging to Muslim culture. Circumcision is traditional rite of Muslims. And another word belonging to Uzbek tradition is «calling anew married couple». The definition of it means also a ceremony which can be held after the marriage of young couples for calling them both with groom's family to bride's par-

ents'. Except these all there is another one more word which also means one type of ceremony and this is the word «Chimildik». It defines the first night ceremony of young married couple after the wedding party which takes place in groom's house. In this ceremony new married couple's families and relatives sing songs, play funny games, joke with each other and do some traditional activities during whole night. In addition I want to add another custom of new married couples in Uzbek culture. By tradition after wedding bride never calls groom's family members or relatives by their names. She calls them by different names according to their jobs, character or relative like «ayna» (means my dear one), youngest child, or brother-in-law.

Culture-bound words are not only about ceremonies, they can be found in every field of our culture. Let's observe some words belonging to housekeeping and house. The word «Hontakhta» means a low table that is used in Uzbek families, by sitting around it with whole family they have breakfast, lunch or supper. And other words «tandur» and «kasov» belonging to housekeeping. «Tandur» is an earthenware stove for baking flat cake or bread and «kasov» is a stick for mixing embers in «tandur» in baking. And the word «sandal» is also culture-bound word defining national heating stove. People used this kind of stove long years ago and some people still use it in freezing, snowy days.

How about culture-bound words in an art in Uzbekistan. I want to give some words belonging to art such as «chankovuz» meaning square shaped musical instrument played by putting it into a mouth, holding its 2 sides with both hands. And next word belonging to Uzbek traditional art is «kashta» which defines embroidery, fancywork. People use embroidery for decorating their clothes and materials with different types stitches. It is called handicraft. People used to make it with the help of needle and colorful cotton in the past time. Nowadays it is possible to make it with the help of stitch machines as well.

To sum up, by working on translation we can meet some more culture-bound words.

Transferring of culture specific terms from one culture to another and understanding them by the target audience in the target culture is dependent on having familiarity with the source culture and traditions. Although more and more concepts are shared and understood between different cultures, there are still many culture specific terms and expressions which reflect the morals and values of a particular culture and have no true equivalent in the TL.

References:

1. Nida, E. A. (1964), 'Principles of Correspondence'
2. Newmark, P; About Translation; UK. Multilingual Matters, 1991
3. Thriveni, C. (2001), 'Cultural Elements in Translation, the Indian Perspective'.
4. ABBYY Lingvo x5, Electronic Dictionary
5. Butayev Sh., Iriskulov A., Dictionary, 2009.

Перевод реалий с русского языка на персидский на примере русских народных сказок

Амири Маниже Алиаскеровна, докторант, старший преподаватель;
Мадаени Аввал Али, кандидат филологических наук, доцент
Тегеранский университет (Иран)

Язык является составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной. «Язык — передатчик, носитель культуры. Он передает сокровища национальной культуры, хранящейся в нем, из поколения в поколение» [8, с. 15]. Таким образом, язык и культура представляют собой диалектическое единство, и неслучайно в культурологии рассмотрение их взаимодействия занимает все большее место.

Итак, язык не существует вне культуры как «социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [7, с. 185].

Теснейшая связь между изучением языка фольклора и культуры не подлежит сомнению. Сказки являются самым удивительным созданием фольклора народов мира. У каждого народа сказки своеобразны, но в них нередко много общего, ибо в жизни народов немало общего, сходного: условия, стремления, желания, надежды. В сказках отражается и единство этических принципов. «Все народы мира единоклюны в том, что считать истиной и неправдой, справедливостью и обманом, преступлением и наказанием, геройством и трусостью, что считать достоинством человека, а что — низостью» [1, с. 7]. Отсюда и широкие возможности совпадений и взаимовлияний.

Сказка, с давних пор вошедшая в жизнь человека, является своеобразной историей и сокровищницей народной мудрости, а также универсальным средством передачи тех представлений об окружающем мире и самом человеке, которые складывались у людей в каждую историческую эпоху. Как известно, сказка — это яркое проявление народной культуры каждой нации. Она содержит в себе такие сюжеты, образы, ситуации, которые специфичны для определенного этноса, что находит выражение в именах действующих лиц, названиях животных и растений, месте действия, в самобытных традиционных языковых формулах. Национальный характер сказки каждого народа определяется его бытом, обрядами, условиями труда, фольклорными традициями, особым поэтическим взглядом на мир и т.д. «В волшебной сказке национальная специфика ощущается особенно конденсировано: в образах положительного героя, в личинах сказочных чудовищ, в конкретных сказочных формулах: здесь во всем — в малом и великом — национальное своеобразие» [6, с. 71].

В любом языке есть такие словесные единицы, в которых национально-культурный компонент заложен

в самой их семантике. Это прецедентные имена, реалии, антропонимы и топонимы, обращения, ФЕ, пословицы и поговорки и др., т.е. безэквивалентная лексика. Е. Верещагин и В. Костомаров определяют ее так: «Безэквивалентная лексика — это слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующих в культуре Б, а также слова, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [2, с. 53].

Перевод сказки — особо сложная область перевода, которая все еще не изучена в достаточной степени. Безусловно, перевод должен учитывать специфические для каждой культуры способы интерпретации фактов, явлений и процессов, которые нашли место в сказке. В тексте перевода данные компоненты должны быть адекватно отражены, поскольку в них содержится информация о характерных чертах исходной культуры, т.е. культуры народа, которому принадлежит оригинал. Кроме того, перевод должен учитывать особенности нового реципиента, которому он адресован, что ставит вопрос о культурной адаптации текста перевода сказки. Все это определяет значимость проблем, связанных с сохранением и передачей национально-культурной информации, содержащейся в сказке.

Национально-культурная информация выражается как вербально (посредством языковых знаков), так и невербально. К невербальным способам выражения культурной информации относятся жесты, мимика, поведенческие акты и т.д. В данной работе мы рассматриваем лишь вербальные способы выражения культурной информации. Из них яркое присутствие в сказке имеют реалии.

Согласно определению С. Влахова и С. Флорина, «реалии — это слова или словосочетания, называющие характерные жизненные объекты (бытовые, культурные, объекты социального и исторического развития) одного народа, которые относительно чужды другому народу; как носители национального и/или исторического колорита. Обычно у них нет точных соответствий (эквивалентов) в других языках и, следовательно, они не подлежат переводу «на общих основаниях», а требуют к себе особого подхода при переводе» [3, с. 47].

Сказки изобилуют реалиями, которые создают ряд трудностей для переводчика. С одной стороны, существует опасность не найти необходимый фольклорный эквивалент в переводимой сказке, и текст перевода при этом по-

лучит книжно-литературное звучание. С другой стороны, чтобы сохранить национальное своеобразие оригинала, переводчик должен искать выразительные средства в поэтике народного творчества своей страны, которые могут внести элементы иной национальной атмосферы. Данные особенности и являются причиной основных трудностей, возникающих при переводе русских сказок на персидский язык.

Следует отметить, что русский и персидский языки относятся к разнотипным языкам и, таким образом, имеют разные понятийные системы. Поэтому для получения адекватного перевода переводчик должен обладать определенными знаниями о действительности переводимого языка. В теории перевода за этими знаниями закрепилось название «фоновых знаний».

В переводоведении преимущественно выделяют следующие способы перевода реалий: транскрипция и транслитерация; калькирование; гипонимический перевод; уподобляющий перевод; описательный перевод.

Переводческая транскрипция — это формальное фонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова. Транскрипция чаще всего применяется для передачи антропонимов и топонимов. Так, имена героев русских сказок в переводе на персидский язык сохраняют свое звучание: *Иван* (ایوان), *Емеля* (یمیلیا), *Елена* (یلنا), *царь Афрон* (تزار آفرون).

Чтобы передать русские имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами на персидский язык, нужно также применять метод транскрипции: *сестрица Алёнушка и братец Иванушка* (خواهر آلیونوشکا و برادر ایوانوشکا).

Желательность применения транскрипции при передаче реалий обусловлена тем, что при удачном транскрибировании переводчик может добиться передачи и смыслового содержания, и колорита сказки. Однако существуют примеры и неудачного транскрибирования, когда переводчик, желая сохранить колорит, приносит в жертву смысловое содержание реалии. Так, транскрибирование слова *мужик* в сказке «Иван Царевич и серый волк» оставляет читателя в полном неведении о значении этого слова. Здесь, на наш взгляд, было бы более уместным использовать описательный метод перевода, уточнив применение здесь слова «мужик» в значении крепостного крестьянина: *На это простой мужик не согласится.* (حتی رعیت ساده به این کار رضایت نمی دهد).

Таким же неудачным нам представляется транскрибирование слова *русалка* в сказке «По щучьему велению». В персидском языке существует понятие «пари-е дарйаи» (پری دریایی) в значении русалка, и для детей это слово экзотично не менее, чем *русалка*.

А вот слово *царь* давно вошло в персидский язык именно в транскрибированном виде (تزار). Поэтому вполне оправданно применять метод транскрипции при передаче слов *царевич* и *царевна* на персидский язык. При этом замечены случаи замены русской реалии *царь* на персидские реалии *падишах* и *султан*. Примечательно,

что Пушкин в своей «Сказке о царе Салтане» называет Салтаном обрекающего жену и сына на злую долю царя по аналогии легендарного персидского *султана* из «Тысячи и одной ночи», который отдавал приказ казнить очередную жену, а, возможно, и будущего сына.

Другим приемом перевода является транслитерация — формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова. При этом исходное слово в переводном тексте представляется в форме, приспособленной к произносительным характеристикам переводящего языка, а частично трансформирует их в приблизительно похожие — в тех случаях, когда в персидском языке нет фонетических аналогов.

Псевдоантропонимы (Котофей, Михайло Потапыч, Левон Иванович), рекомендуется передавать соответствующими им в персидском языке функциональными эквивалентами имен собственных, т. е. как (آقا گریه), (آقا خرسه), (آقا شیره) и т. д. Соответственно, транслитерация данных имен не является оптимальным методом передачи, т. к. она сохраняет признак этноязыковой принадлежности, но не передает остальные признаки классифицирующего компонента значения. Для сказки о животных релевантность этого признака минимальна и не превышает те затруднения, с которыми сталкивается персидскоязычный читатель, воспринимая транслитерированные русские отчества.

По нашему наблюдению, перевод реалий применяется обычно в тех случаях, когда транскрипция/транслитерация по тем или иным причинам нежелательна. С. Влахов и С. Флорин обращают внимание на то, что «введение неологизма — наиболее подходящий после транскрипции путь сохранения содержания и колорита переводимой реалии» [3, с. 88].

К словам — неологизмам относятся, в первую очередь, кальки и полукальки.

Калька — заимствование путем буквального перевода — позволяет перенести в язык перевода реалию при максимально полном сохранении семантики. Однако сохранение семантики не означает сохранение колорита, поскольку части слова или выражения передаются средствами языка перевода. Л. Т. Микулина отмечает тот факт, что калькированные переводы представляют собой не только лингвистический акт, но и явление культурного плана, ибо в процессе калькирования происходит соприкосновение двух культур [5, с. 59].

Метод калькирования рекомендуется применять при передаче несобственных прозвищ, а также эквивалентов антропонимов без внутренней рифмы. При этом сохраняется мотивация именования и, чаще всего, характеристики референта, выраженные эксплицитно. Например, *Снегурочка* — *дохтар-е барфи* (دختر برفی), буквально «снежная девочка», *конь златогривый* — *асбе-е йал талаи* (اسب یال طلائی), *Морозко* — *баба барфи* (بابا برفی) или «снежный дедушка». При этом *Красная Шапочка* не может быть переведена на персид-

ский язык как *колах гермези* (گلاه قرمزی), так как в персидском языке уже существует появившийся относительно недавно кукольный герой детских телевизионных передач и кинофильмов под этим именем. Это озорной мальчишка с красной шапочкой, участвующий в телепередачах вместе с ведущим, которого так и зовут — *Господин Ведущий* (آقای مجری). Поэтому в данном случае для перевода *Красной Шапочки* уместно использовать сочетание *Красная Шинель* (شنل قرمزی), ибо этот персонаж детской сказки уже известен иранским детям.

Полукальку И. М. Шанский определил как частичное заимствование, состоящее частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова [9, с. 7].

Перевод с использованием полукальки встречается, в основном, при передаче имен собственных. Как правило, языковые единицы, подлежащие переводу с использованием данного приема, состоят из двух и более компонентов, один из которых транскрибируется или транслитерируется, а другой переводится при помощи соответствия. Например, *Елена Прекрасная* (یلنای زیبا), *Василиса Премудрая* (واسیلیسای دانا).

Гипонимический перевод или принцип родо-видовой замены позволяет передать (приблизительное) содержание реалий единицей с более широким значением, подставляя родовое понятие вместо видового. Другими словами, переводчик заменяет частное более общим [3, с. 90]. Замена видового понятия на родовое при переводе реалий употребляется в основном при передаче чужих, незнакомых читателю реалий. Пример употребления данного приема можно найти в переводе сказки «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», где русская реалья *хоромы* передана в переводе словом *хане* (خانه), которое является

родовым понятием по отношению к русскому слову «хоромы».

Уподобляющий перевод основан на подборе функционального эквивалента, который вызывает у читателя перевода те же ассоциации, что и у читателя оригинала. Так, русская игра *чехарда* в сказке «Колосок» переведено на персидский язык как *джофтак чаркеш* (جفتک چارکش). Здесь переводчик передает смысловое содержание реалии, теряя при этом ее национальную окраску. Этот прием является наиболее удачным, поскольку он учитывает необходимость ориентирования текста на читателя. Сказка, рассчитанная, главным образом, на детей, не должна быть перегружена языковыми единицами, значение которых оставалось бы за пределами восприятия читателя.

Описание (объяснение, толкование) как прием приблизительного перевода обычно используется в тех случаях, когда нет иного пути: понятие, не передаваемое транскрипцией, приходится передавать описательно. По мнению Л. К. Латышева, «описательный перевод — способ перевода безэквивалентной лексики, заключающийся в раскрытии значения исходной функции с помощью развернутого описания» [4, с. 124].

Этот метод широко используется при переводе реалий. Так, в сказке «Два Ивана» реалья *щи* описана как «суп из капусты» (سوپ کلم), а *скатерть-самобранка* как «волшебная скатерть» (سفره جادوئی).

Таким образом, при переводе слов-реалий в русских сказках используются различные методы, которые имеют свои достоинства и недостатки. Однако, учитывая то, что перевод сказки означает не просто перевод с одного языка на другой, но и перевод с одной культуры на другую, переводчик должен по мере возможности сохранить национальный колорит сказки.

Литература:

1. Аникин, П. В. Всемирная сказка. // Сказки народов мира. В десяти томах. Т. I. М., Дет. лит., 1987.
2. Верещагин, Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — М.: Индрик, 2005.
3. Влахов, С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М.: Международные отношения, 1980.
4. Латышев, Л. К. Курс перевода (Эквивалентность перевода и способы ее достижения). — М.: Межд. Отнош., 1981.
5. Микулина, Л. Т. Заметки о переводе с русского языка на английский // Тетради переводчика. — М.: Межд. Отнош., 1973.
6. Померанцева, Э. В. Русская народная сказка/АН СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.
7. Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993.
8. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. — М.: Слово, 2000. — 259 с.
9. Шанский, И. М. Лексикология русского языка. — М.: Просвещение, 1972.

Интерференция в терминологии нефтегазодобывающей отрасли и термодинамике (на примере материала китайского, английского и русского)

Никифорова Кристина Александровна, студент;
Гредина Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Томский политехнический университет

Интерес к проблемам в переводе со стороны лингвистов и их всестороннее изучение являются в курсе теории и практики перевода уже традиционными, а резкое увеличение масштабов переводческой деятельности после Второй мировой войны усилил этот интерес вдвойне. Одним из наиболее интересных аспектов для изучения стал аспект исследования интерференции в переводе наиболее подробно.

Бодуэн де Куртэне И.А., Богородицкий В.А., Л.А. Щерба, Розенцвейг. В. Ю., У. Вайнрайх, В.В. Алимов, Т.И. Жаркова, Мунэн и многие другие занимались исследованием этого явления, которому они посвятили свои многочисленные статьи и монографии.

Для того чтобы перевод можно было назвать адекватным, он должен быть наиболее приближен по своему значению к оригиналу и соответствовать, в тоже время, правилам того языка, на который он был переведен. Адекватный перевод — воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка. Для обеспечения выполнения этого условия переводчик просто обязан быть знакомым с таким явлением как интерференция, чтобы избежать её негативного влияния.

Проблема исследования языковой интерференции в терминологии вызвана отношениями между партнерами в различных сферах профессиональной деятельности. Важно, что без знания классификации видов интерференции практически невозможно ее избежать [1]. Однако, не смотря на существование классификации, до сих пор практически не выявлено влияние всех ее видов на текст перевода, что неизбежно ведет к появлению погрешностей в интерпретации и переводческих ошибок. Рост необходимости межъязыковой коммуникации вызывает необходимость в обеспечении все более качественного перевода, т.е. для достижения адекватности перевода необходимо избежание языковой интерференции или, по крайней мере, избежание отрицательной интерференции и использование положительного ее действия [2].

Интерференция привлекалась многими лингвистами для объяснения языковой эволюции наиболее непосредственно в области развития словарного состава, но также и для объяснения фонологических и морфологических инноваций.

Согласно определению, данному в энциклопедическом словаре юного филолога, интерференция — это ошибки в иностранном языке, причиной которых является родной язык [3]. Интерференция может быть и в лексике, т.е. при употреблении слов, и в морфологии, и синтаксисе. Когда интерференция появляется в фонетике, ее обычно на-

зывают акцентом и говорят о немецком, французском, английском, башкирском акценте в русском языке, или о русском акценте в речи на этих языках [4]. Наиболее полное определение явлению интерференции дает Большой энциклопедический словарь. «Интерференция (от лат. *Interfer* — между собой, *ferio* — касаюсь, ударяю) — взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях то нормы и системы второго языка под влиянием родного».

Феномен интерференции может проявляться как в устной, так и в письменной речи.

Выделяют определенные факторы, влияющие на появление интерференции:

- 1) структурные расхождения между родным и изучаемым языками;
- 2) сложившаяся в сознании билингва программа пользования родным языком;
- 3) недостаточное знание лексического и грамматического материала родного языка и отсутствие прочных умений и навыков применения усвоенного;
- 4) психологический барьер (боязнь вступать в контакт).

Таким образом, причин появления интерференции много, каждая причина влияет в той или иной мере на появление интерференции.

Теперь поговорим непосредственно о видах интерференции. Как и многие другие лингвистические феномены, интерференцию можно подразделить на уровни. Следующие уровни являются основными дифференциальными уровнями интерференции:

- фонологический;
- морфологический;
- синтаксический;
- лексический;
- семантический.

Фонетическая интерференция. Это явление включает в себя ошибки фонологического характера, искажающие звуковую форму и смысл, затрудняющие, а то и нарушающие коммуникативный акт: На тепловизоре температура будет отображаться в градусах Фаренгейта или Цельсия. — 热像仪以华氏度或摄氏度为单位显示温度。 — The Imager will display **temperature in Fahrenheit or Celsius**.

Графическая и орфографическая интерференция проявляются на письме: происходит перенос в изучаемый язык правил написания слов другого языка. Это порождает орфографические ошибки и графические несооб-

разности: В моделях Ti25 и TiR1 перед сохранением захваченного изображения пользователь может настраивать шкалу-палитру, **альфа-смешивание**, уровень, интервал, режим «кадр в кадре», коэффициент излучения. — Ti25 and TiR1 allow user to adjust palette, **alpha blend**, level, span, PIP, and emissivity on a captured image before it is stored.

Лексическая интерференция — вмешательство лексики одной языковой системы в другую, что обычно приводит к буквализмам. А буквализм, как известно, — это есть ошибка переводчика, заключающаяся в передаче формальных или семантических компонентов слова, самого слова, словосочетания или фразы в ущерб смыслу или информации о структуре: Эта гарантия (...) не распространяется на **предохранители, одноразовые батареи** и на любые продукты (...) — 本项保证仅 (...) 不适用于**保险丝**和**一次性电池**或者任何被 Fluke 公司认定由于误用、改变、疏忽、意外非正常操作和使用所造成的产品损坏。 — This warranty (...) does not apply to **fuses, disposable batteries**, or to any product which, in Fluke's opinion, has been misused, altered, neglected, contaminated, or damaged by accident or abnormal conditions of operation or handling.

Семантическая интерференция — вмешательство элементов одной языковой системы в другую на уровне семантики. Главной причиной семантической интерференции является многозначность, омонимия и синонимия грамматических форм языков. В переводе неадекватная идентификация по главным семам чаще всего отмечается при употреблении приставок, суффиксов, предлогов, союзов, различных частей речи, форм времени и наклона: All the information is carefully considered, with the help of **computer analysis**, before any decisions to drill are made — Все получаемые данные внимательно изучаются с применением **компьютеров для численного анализа**, прежде чем принимается решение о бурении скважин; The world «will need Iraq», said Peter Voser, chief executive of Royal Dutch Shell PLC, to offset declining production from **mature oil fields** — Мир будет нуждаться в Ираке, сказал Питер Возер, глава Royal Dutch Shell PLC, чтобы компенсировать сокращающееся производство на месторождениях **поздней стадии разработки**.

Синтаксическая интерференция. Нарушение синтаксических правил под воздействием синтаксиса родного

языка в речи билингов. В качестве примеров можно привести неправильное использование так называемых инфинитивных конструкций: After the 1998 **fiscal crisis** in Russia, the emerging Russian major oil companies began to consolidate assets more aggressively. — После **фискального кризиса** в России в 1998 году появлявшиеся основные российские нефтяные компании начали собирать активы более интенсивно.

Стилистическая интерференция — влияние стиля одного языка на другой. Стилистическая интерференция возникает потому, что какое-то менее известное слово начинает употребляться по аналогии с уже известным его синонимом (русским или иностранным). При замене друг другом стилистических синонимов меняется стиль высказывания, хотя предмет, о котором идет речь, может остаться тем же: Clusters act as **seeds** for the growth of silicon nanocrystals. — Кластеры выступают в качестве **зародышей** при образовании нанокристаллов кремния. На самом деле, физический термин «seeds» (рус. «зародыш») следовало перевести как «nucleation center».

Как известно, интерференция легко проникает в терминосистемы из-за универсальности большинства терминов и их обширного использования среди конкретных слоев населения, т. к. это упрощает сложную систему лексики конкретных сфер профессиональной деятельности человека.

В заключении хотелось бы заметить, что словник интерферентов с пояснениями значительно помогает в решении проблем, обусловленных лексической интерференцией.

Уподобление элементов одного из контактирующих языков элементам другого языка — результат объективного проявления охранительной функции родного языка, и вполне закономерное явление в современной лингвистике. При взаимодействии языков появляются новые языковые единицы, свидетельствующие о неполноте каждого из языков. Однако такое явление нельзя назвать только отрицательным, ведь в мире с нарастающими темпами модернизации появление чего-то нового является объяснимым и приемлемым явлением.

Можно заключить, что явление интерференции само по себе мешает достижению абсолютной репрезентативности перевода, однако и сам текст перевода не может и не должен быть тождествен тексту оригинала. Было выяснено, что внесение определенных изменений в текст перевода целесообразно, и порой даже необходимо.

Литература:

1. Хауген, Э. Языковой контакт. // Новое в лингвистике. Вып. — 6, М., 1972
2. Вайнрайх, В. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования, Б. 2000.
3. Лингвистический энциклопедический словарь./Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
4. Алимов, В. В. Интерференция в перевод, М., 2005.

Способы перевода сокращений в области металлургии (на материале русского и английского языков)

Протасенко Мария Владимировна, студент;
Гредина Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Томский политехнический университет

Научно-техническая революция способствовала бурному росту количества терминов и сокращений — можно с полной уверенностью назвать XX век «веком аббревиации» [2]. Сокращения возникают вследствие стремления языка к упрощению и экономии, в качестве «своеобразная реакция против чрезмерной затраты физиологических усилий, против всякого рода неудобств, осложняющих работу памяти, осуществление некоторых функций головного мозга, связанных с производством и воспроизведением речи» [7]. Суть закона «наименьшего усилия» заключается в стремлении передать максимальное количество информации в единицу времени и выступает как необходимое условие осуществления концентрирования информации в целях повышения эффективности общения [5]. В этой связи в последнее время аббревиальная лексика используется всё чаще. В широком смысле слова аббревиация — это процесс, в результате которого одна из исходных языковых единиц превращается в сокращённую единицу путём утраты части составляющих её элементов. Многие учёные пришли к выводу, что трудности при составлении классификаций возникают во-первых, из-за их нестандартной структуры и возможности использования различных способов сокращений в различных комбинациях [1], и, во-вторых, из-за сниженного внимания науки к проблеме аббревиации в целом. Следует отметить, что стремление учёных создать общую типологическую классификацию аббревиальной лексики не увенчалось успехом по нескольким причинам. Сложная система образования сокращений препятствовала созданию единой системы результативных аббревиатур, и, более того, стала поводом для выведения самого явления аббревиации за пределы словообразования как области моделируемых правил и отношений, способствующих возникновению новых номинативных единиц [4]. С лингвистической точки зрения аббревиация не выступала в качестве индивидуального средства общения, а воспринималась исключительно как форма окказионализма, не причастной к словообразовательной компетенции.

Процесс перевода английского сокращения, отсутствующего в словарях и справочниках, выполняется в два этапа: первый — дешифровка сокращения, т.е. выявление исходной группы англоязычных слов; второй — передача коррелята средствами русского языка, а именно поиск эквивалентной формы на русском языке, которая наиболее точно передаёт его содержание. Под *коррелятом* подразумевается член пары или ряда взаимно обусловленных, соотносительных языковых единиц [6].

Как правило, дешифровка выполняется по следующей схеме [10]:

1) *Просмотр микроконтекста и макроконтекста*. Под *микроконтекстом* подразумевается основная идея в рамках одного предложения, *макроконтекст* представляет собой основную идею в рамках абзаца, раздела, либо всего текста (в зависимости от ситуации). Благодаря данной процедуре определяется сфера деятельности, которой принадлежит сокращение, а также облегчается поиск коррелята (в случае, если он был упущен при первом чтении текста).

2) *Поиск коррелята и перевода аббревиатуры* в разделах сокращений специальных справочников и словарей сокращений.

3) *Поиск коррелята аббревиатуры* в соответствующих англо-английских справочниках и словарях сокращений.

4) *Повторное проведение процедур* пунктов №2 и №3, в случае, если сокращение начинается со второй/третьей буквы исходной аббревиации, т.к. первая и следующие за ней буквы отбрасываются. Следует отметить, что данный метод часто помогает достичь желаемого результата. Дело в том, что крайние левые буквы аббревиации являются уточняющими определениями исходной терминологической группы, которые могли отсутствовать при публикации словаря.

5) *Изучение близких по тематике текстов*.

6) *Восстановление (реконструкция) исходной терминологической группы*, что требует высокой квалификации переводчика и привлечения специалистов, что, в свою очередь, вовсе не гарантирует надёжного результата. В этой связи к данному методу рекомендуется прибегать лишь в тех случаях, когда указанные выше способы дешифровки не срабатывают. Для того, чтобы реконструировать текст, требуется выписать из него все предложения, содержащие реконструируемую аббревиатуру, а также наиболее соответствующие микроконтексту корреляты для каждой буквы аббревиатуры из специализированного словаря сокращений. Данная процедура производится справа налево и начинается с анализа и отбора предполагаемых коррелятов для крайней правой буквы сокращения, которая соответствует базовому слову. Важно, что этот термин должен обладать наиболее широким значением в пределах рассматриваемого микроконтекста. Так, например, если последней буквой сокращения является *S*, а микроконтекстом является аппарат управления металлопрокатного станка, то можно предположить, что буква *S* соответствует слову *System*. Не-

обходимо помнить, что по своему значению каждое последующее левое определение должно быть более узким, чем предшествующее. Проверка правильности выбора коррелята заключается в том, что на каждом этапе переводчику необходимо подставлять реконструированную часть терминологической группы во все предложения — при этом каждое из них должно приобретать смысл и соответствовать контексту общей тематики.

Вторым этапом перевода отсутствующего в словарях сокращения является передача выявленного коррелята средствами русского языка одним из нижеперечисленных способов [3]:

1) *Передача английской аббревиатуры эквивалентным русским сокращением.* В этом случае предполагается наличие данного сокращения в ПЯ. Задача переводчика заключается в поиске максимально близкого по содержанию к исходному микроконтексту аббревиатуры русского источника, после чего устанавливается наличие/отсутствие эквивалентной аббревиатуры в русском языке при помощи сверки с предметным указателем. Наиболее оптимальным вариантом является нахождение утвердившейся в языке аббревиатуры. В ПЯ аббревиатура может быть построена по той же модели, то есть в ПЯ есть сокращение, которое соответствует сокращению на ИЯ. Например, в физике металлов: GJ (GigaJoule) — ГДж (гигаджоуль) (Здесь и далее примеры взяты из источников [8–11]).

Однако, т.к. в английском техническом языке аббревиатуры более распространены, чем в русском, то при переводе с АЯ на РЯ необходимо переводить английскую аббревиатуру, которая не имеет соответствующую аббревиатуру на ПЯ, полным русским словосочетанием. Например: EAF (Electric Arc Furnace) — дуговая сталеплавильная печь, а не возможная сокращённая версия названия ДСП, являющейся устоявшейся в русском языке аббревиатурой словосочетания «деревянно-стружечные панели».

Данный способ передачи иностранного сокращения чаще всего применяется при переводе текстов научно-технической тематики. Однако могут возникнуть некоторые сложности: в связи с преобладающим наличием интернациональных корней в названиях единиц измерения и физических величин возрастает вероятность совершить ошибку при переводе. Поэтому твёрдо рекомендуется тщательно проверять написание эквивалентной русской аббревиатуры, какой бы простой она не казалась на первый взгляд.

В случае, когда эквивалент в русском языке отсутствует, можно передать содержание коррелята с помощью одного из следующих способов:

2) *Заимствование английской аббревиатуры.* В письменной речи многих индоевропейских языков существуют латинские аббревиатуры, используемые в ПЯ в исходном виде, т.е. в изначальной форме и без использования транслитерации или транскрипции, например: P. S. (лат. *post scriptum* — «после написанного»), пост-

скрипту, рус. послесловие — приписка к законченному и подписанному письму.

3) *Передача английского сокращения методами транслитерации и транскрипции.* Данный способ широко применяется для передачи заимствованных сокращённых: без использования кавычек и прописными буквами пишутся многие ассимилированные термины, заимствованные методом транслитерации из английского языка, как, например, VOD (Vacuum Oxygen Decarburization) — обезуглероживание стали кислородом в вакууме, в некоторых случаях можно встретить заимствование «процесс ВОД». Следует отметить, что в результате данного приёма передачи аббревиатуры часто рождается немотивированная с точки зрения ПЯ единица. Например, закономерное сокращение в ИЯ LME (London Metal Exchange), нелогично преобразовать в ЛМЕ из перевода исходной формы: «Лондонская биржа металлов», соответственно, ЛБМ в языке ПЯ.

Важно отметить, что транскрипция исходной формы допустима, если в ПЯ нет эквивалентной формы перевода (название предприятия, компании и пр.), как, например, в случае с английским акронимом REACH (Registration, Evaluation, Authorisation and Restriction of Chemicals), который передаётся в русском как РИЧ в связи с веским описанием «Регламент ЕС, касающийся правил регистрации, оценки, санкционирования и ограничения использования химических веществ». Сюда же можно отнести транскрипцию побуквенного произношения сокращения, которая в последнее время приобрела популярность.

4) *Описательный перевод аббревиатуры.* В случае, если в ПЯ нет эквивалентной аббревиатуры применяется описательный метод, при котором исходная единица просто переводится: LCS (Low-Carbon Steel) — низкоуглеродистая сталь, OHF (Open Hearth Furnace) — мартеновская печь, MSCI, Metals Service Center Institute — Институт центров складирования и распределения металлов. Таким же способом переводятся сокращения ученых степеней и званий, включая те, что не имеют эквивалентов в ПЯ. Например, ME (metallurgical engineer) — инженер-металлург.

5) *Создание нового русского сокращения.* В этом случае создаётся новое сокращение в соответствии с закономерностями аббревиации ПЯ. С помощью данного способа были образованы некоторые сокращения, которые позже стали общеупотребительными. Например: IO (Iron Ore) — ЖРС (железорудное сырьё), GJ — ГДж (гигаджоуль).

Создание новой аббревиатуры в ПЯ рекомендуется только при консультации переводчика со специалистами в данной области. Для того, чтобы ввести новую аббревиатуру, нужно иметь обоснованные причины для отказа от вышеперечисленных способов передачи сокращений, а также требует обязательного одобрения со стороны специалистов.

Таким образом, большинство аббревиатур в сфере металлургии относятся к инициальному типу и переводятся на русский описательным способом. Однако стоит заме-

титель, что встречаются также слоговой и сложнослоговыми типами аббревиатур, а также перевод методом транслитерации и создание собственной аббревиатуры в русском

языке, что указывает на потенциальную реализацию всех типов и большинства способов перевода в рассматриваемой области.

Литература:

1. Баранников, А. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. Влияние войны и революции на развитие русского языка. // Уч. зап. Самарского ун-та, 1919, вып. 2, с. 78–79.
2. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научные технические сокращения в иностранных языках. — М.: Военное изд-во МО СССР, 1972. 320 с.
3. Гаевская, Е. Х. Перевод терминов и терминологических оборотов. Сб. «Вопросы методики преподавания иностранных языков». М., 2008, — 267 с
4. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. — М.: Наука, 1981. 200 с.
5. Мартине, А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. — 1963. — Вып. III. — с. 532.
6. Розенталь, Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. — М.: Просвещение, 1976.
7. Серебренников, Б. А. (ред.) Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира/Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. -М.: Наука, 1988, 204 с.
8. Canadian Centre for Occupational Health and Safety. URL: <http://www.ccohs.ca>
9. MetalMart International Inc. URL: <http://www.metalmart.com>
10. Technical Translation Group Professional Technical Translation for Engineering. URL: <http://proftranslation.co.uk/articles/abbreviations.html>
11. Steel Works. URL: <http://www.steel.org>

Связанность как лингвистическая категория текста

Саттарова Альмира Фазыльяновна, кандидат педагогических наук, доцент
Башкирский государственный университет, Сибайский институт (филиал)

Текст, традиционно рассматривается как некая связанная конфигурация с определенным взаимоотношением элементов, что соответствует общенаучному представлению о структуре объекта. Касаясь вопроса связи предложений внутри текста, следует упомянуть высказывание Н.И. Жинкина о том, что «на стыке двух предложений лежит то зерно, из которого развивается текст. Если мысль переходит в соседнее предложение, между этими предложениями должна быть связь, иначе со второго предложения начинается текст» [4, с. 215].

Категория связанности текста являлась и по сей день остается достаточно частым предметом изучения, а результаты успешного исследования разнообразных средств, форм и видов межфразовых и текстовых связей в работах И.А. Фигуровского, Л.П. Добраева, Ю.С. Мартыанова, М.И. Котюровой, Н.А. Кобриной, Н.В. Кирпичниковой, М.М. Макаровой, Т.И. Сильман и др. стали основой для построения их общей теории и типологии.

Связность может быть локальной и глобальной. Локальной называют связанность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств), а глобальная связанность — это то, что обеспечивает единство текста как смыслового целого, его внутреннюю целостность. Локальная связанность определяется межфразовыми

синтаксическими связями (вводно-модальными и местоименными словами, видо-временными формами глаголов, лексическими повторами, порядком слов, союзами и др.). Глобальная связанность (она приводит к содержательной целостности текста) проявляется через ключевые слова, тематически и концептуально объединяющие текст в целом или его фрагменты.

По утверждению О.И. Москальской, «связность проявляется одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся между собой как форма, содержание и функция» [7, с. 17]. Связность может быть отнесена как к внутренней, смысловой стороне текста, так и к его языковому оформлению, которое предполагает использование определенных лексико-грамматических средств, формально осуществляющих эту связанность, а также употребление языковых единиц для их участия в построении текста. «Связность, — пишет А.Э. Бабайлова, — определяет уровень формальной и логико-содержательной когезии между элементами иерархической системы текста. Ее можно рассматривать как одно из условий для достижения цельности» [1, с. 58].

Реализация связанности происходит в условиях лингвистического и экстралингвистического контекстов, то есть связанность лингвистична.

Одним из первых классификаций типов связей по способу ее выражения (наличие или «значащее отсутствие») и по формально-грамматическим показателям была предложена уже И. П. Севбо [10, с. 91]. В дальнейшем С. И. Гиндин, доказывая, что в основе всех видов связи лежат общие структурные механизмы (повтор, зацепление и следование (или вывод)) [2, с. 120], установил два основных теоретически возможных способа построения текстов, а, следовательно, и их связности: а) жесткий способ, согласно которому построение текста определяется заранее (стандартизированные тексты: за явления, справочники т. п.); б) гибкий способ, при котором построение текста не задается заранее, а всецело основано на его внутренней организации, т. е. на структурно-семантическом «сцеплении» предложений [2, с. 9].

Анализу формально-смысловых связей микротекста посвящен и ряд статей И. Мистрика [Mistrić 1968, 1969, 1973]. Им выделяется три основных типа связи: глутинация, рекуррентность и юнктура. Глутинация и рекуррентность являются, по мнению исследователя, видами связи двух рядом стоящих предложений с помощью первого слова каждого второго предложения и с помощью ядра нового предложения (анафорических слов, синонимов и т. п.), соответственно. Юнктура, являющаяся понятием более высокого порядка, так как охватывает всю структуру текста, объединяет в качестве своих элементов наряду с уже описанными глутинационными и рекуррентными средствами вводные слова и конструкции, союзы и множество других формальных средств, необходимых для образования компактных связных и целостных текстов.

Каждый жанровый тип текста имеет свои особенности функциональной связности, как в структуре всего текста, так и в структуре отдельного предложения. Данеш называет это глутинацией. Различные члены предложения не одинаковы по степени глутинации. Предлагается количественный способ измерения связности в предложении по шкале от 0–5 в зависимости от того, какой член предложения занимает начальную позицию: 0 — подлежащее; 1–2 — дополнение, обстоятельство; 3 — препозиция глагольного сказуемого; 4 — сочинительный союз в начальной позиции; 5 — местоимение, утверждение, отрицание (в диалогической речи). Преобладание подлежащего в начальной позиции характерно для описательно-информативных текстов и текстов-рассуждений.

Глутинация как способ смысловой связи функционирует на границе двух последовательно развертывающихся предложений. Глутинирующим семантическим элементом является первое слово каждого второго предложения, которое вводит новую информацию. Например:

D'Arrast regardait seulement le coq qui disparaissait maintenant dans la rue et dont il lui semblait soudain que les épaules fléchissaient. Mais à cette distance, il voyait mal. (A. Camus. Nouvelles).

В данном предложении глутинирующий элемент выражен союзом *mais*, выступающим как рематически акцентный элемент. Разные члены предложения не одинаковы по степени глутинированности. Так, подлежащее, стоящее в начале предложения, всегда несет новую информацию. Такое начало опосредованно связано с предыдущим предложением, в подобных случаях смысловая связь между предложениями несколько ослаблена, а подлежащее (как связующий элемент) функционирует как сигнал соположения двух предложений в одном контексте.

Наибольшей степенью смысловой связности характеризуются сказуемое, дополнение и обстоятельство. Наименьшей — подлежащее. Связующие элементы обеспечивают структурно-смысловую связность двух последовательно развертывающихся предложений.

Например:

Le coq sans répondre poussa peu à peu la porte que d'Arrast retenait d'une seule main. Ils restèrent ainsi une seconde, et d'Arrast céda, haussant les épaules. Il s'éloigna. (A. Camus. Nouvelles).

Другой способ смысловой связи предложений может осуществляться с помощью рекуррентных элементов, когда новое предложение адекватно включается в контекст предшествующего с помощью специальным образом организованных семантических элементов.

Например:

Louise était de plus en plus mobilisée par les enfants, et s'épuisait à faire tout ce que lui-même, en d'autres circonstances, eût pu faire dans la maison. Il en était malheureux. (A. Wurmser. Kaléidoscope).

В приведенном примере смысловая связь предложений эксплицитируется словом — дополнением *en*, который выступает как рематический элемент. Поскольку рекуррентная связь обычно организуется разными приемами стилистического синтаксиса, то повествовательные и описательные тексты характеризуются меньшей степенью рекуррентности, чем, например, экспрессивное сообщение.

В результате многочисленных исследований доказано, что без повторения элементов структуры и смысла текст невозможен как лингвистическая единица. «Некоторые тексты строятся с постоянным повтором конструкций, выбранной в качестве отправной. Это свидетельствует о сущности фактора имитации повторения не только при усвоении языка, но и при его использовании» [5, с. 135].

Распространенным способом выявления смысловой связи между предложениями может быть юнктура, организуемая словосочетаниями такого типа, как *pour la première, pour le second, pour commencer, résumant, en parlant de, dans l'ensemble, tout bien considéré, pour descendre à...*

Например:

Autrement dit, il s'était buté à son tour.

Как способ смысловой связи, юнктура обычно охватывает группу предложений (СФЕ), так как юнктурные эле-

менты не связаны непосредственно с каждым отдельным предложением, однако, выступая в роли структурно-смысловых скреп, они образуют компактные коммуникативно заостренные тексты.

Таким образом, текст имеет свою микро — и макро-структуру, которая определяется особенностями внутренней организации единиц текста и закономерностями взаимосвязи этих единиц в рамках цельного сообщения.

Литература:

1. Бабайлова, А.Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку: Социопсихолингвистические аспекты/А.Э. Бабайлова; Под ред. А.А. Леонтьева. — Саратов: Издательство Саратовского университета, 1987. — 151 с.
2. Гиндин, С.И. Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации. //
3. Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 14. — М., 1971. — с. 114–135.
4. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации. — М., 1982.
5. Кубрякова, Е.С. Роль человеческого фактора в языке/Под ред. Б.А. Серебренникова. -М., 1988.
6. Матезиус, В. Основная функция порядка слов в чешском языке/В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. — М.: Наука, 1967. — с. 240–245.
7. Москальская, О.И. Грамматика текста. — М., 1981. — 183 с.
8. Актуальное членение предложения в сопоставительном аспекте. Альмира Фазыльевна Саттарова. Монография/А.Ф. Саттарова; М-во образования и науки РФ, Башкирский гос. ун-т. Сибай, 2011.
9. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика: (Сложное синтаксическое целое). — М.: Высшая школа, 1973. — 214 с.
10. Севбо, И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. — М.: Наука, 1969. — 135 с.
11. Шпар, Е.В. Роль английских и русских глагольных единиц в формировании связности текста (функционально-когнитивное сопоставление). Дис....канд. филол. наук. — Уфа, 2004. — 212 с.
12. A. Camus. Nouvelles. A. Wurmser. Kaléidoscope. Изд-во «Просвещение», 1980.

Сравнительный анализ модальных глаголов в английском и узбекском языках

Уматова Маъмура Бекбуловна, преподаватель
 Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

Мировые языки, независимо от степени их генетической схожести, определённых схожих признаков, выполняют одинаковую задачу. В последние годы наблюдается повышение интереса к изучению иностранных языков на основе их сравнения, сопоставления. На основе сопоставления английского и узбекского языков в последнее время опубликовано немало работ. В германских языках в ряд модальных глаголов входят обычно глаголы, имеющие общее лексическое значение, выполняющие синтаксические задачи исходя из своих морфологических особенностей.

В толковом словаре Ушакова Д.Н. (1996): модальность — (англ. modality) понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемая разными грамматическими и лексическими средствами, такими как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т. д.

Как известно, модальные глаголы в английском языке отличаются от остальных глаголов тем, что они не используются самостоятельно и не обозначают конкретного

действия или состояния, они отражают его модальность, то есть отношение к нему говорящего. Вместе модальный глагол и инфинитив значащего глагола образуют составное модальное сказуемое (compound modal predicate). При этом говорящий может оценивать действие как возможное, необходимое, разрешаемое, просимое, запрещенное, приказываемое, маловероятное, очень вероятное и т. д. (например: Я поеду в Лондон. Я могу поехать в Лондон. Я должен поехать в Лондон. Можно я поеду в Лондон?). В зависимости от такой оценки и структуры предложения нужно использовать один из следующих английских модальных глаголов. Модальными глаголами в английском языке являются:

Can/Could	May/Might	Must
Have to/Have got to	Be to	Need
Ought to	Should	Would
Shall	Will	Dare
Used to		

Чаще всего используются первые три: Can, May и Must. Эти глаголы имеют самое общее значение и иногда могут заменять собой остальные модальные глаголы [2]

Как и в других языках, в узбекском языке придаётся большое значение грамматическим степеням модаль-

ности. В узбекском языкознании термин «модальные слова» впервые был применен Ш. Рахматуллаевым в его учебном пособии «Современный узбекский язык». В настоящее же время под модальными словами понимаются те слова, которые ранее применялись в составе наречий, союзов. Английские модальные глаголы соответствуют модальным словам в узбекском языке. Это соответствие можно видеть в модальных глаголах *must, should, ought to, need, to have to*. «It is a long journey» — «I must go» I said. «...Men ketishim kerak» (...Я должен уйти). В узбекском языке модальный глагол *must* вместе с инфинитивом соответствует словам «majburlik» (быть обязанным), «to'g'ri kelmoq» (соответствовать), «shart» (обязательно). В английском языке расположение модального глагола в начале предложения образует вопросительную форму предложения. «Must I think about Margue Young — Hunt?» — «Margi Yang Xan haqida o'ylashim kerakmi?» («Должен ли я думать о Марги Янг Хан?»).

В узбекском языке модальные слова *kerak, lozim, darkor, shart, zarur* посредством присоединения к ним аффикса «mi» образуют вопросительную форму.

Модальный глагол *ought to* в английском языке выражает необходимость выполнения той или иной работы или действия и означает необходимость выполнения этой деятельности в качестве духовного долга или обязанности. «He was very low and I thought I ought to do all I could to cheer him up» — «Men uning kayfiyatini ko'tarish uchun hamma narsa qilishni burchim deb o'yladim» (Я посчитал своим долгом сделать всё, чтобы поднять его (её) настроение). В узбекском языке здесь соответствуют инфинитивные сочетания «mening burchim» (мой долг), «shart» (обязательно), «zarur» (необходимо), которые близки к данной ситуации. Если после модального глагола *ought to* применяется инфинитив страдательного залога, тогда он соответствует сочетаниям дополнительных придаточных предложений «uaxshi bo'lardi» (было бы хорошо), «maqsadga muvofiq» (соответствовало бы цели). «A boating costume» ought to be a costume that can be worn in a boat, and not merely, under a glass case — «Qayyiqda suzish uchun kostyum shunday bo'lishi kerakki, u qayyiqda suzishga muvofiq bo'lishi kerak» (Для того, чтобы кататься (плавать) на лодке костюм должен быть таким, чтобы он соответствовал катанию (плаванию) на лодке).

Литература:

1. Концептуальные проблемы мировой литературы и лингвистики в социокультурном пространстве XXI века: теория, методология, практика. — Ташкент, 2009. с. 364.
2. URL <http://www.native-english.ru/grammar/modal-verbs>

Модальный глагол *need* означает, что выполнение действия очень важно. Enough, for him, was roughly half the amount we needed to sell in order to break even. — «Unga yetarli bo'lishi uchun taxminan yarmisini sotishimiz kerak bo'ladi» (Для того, чтобы достигнуть его, нам необходимо (нужно) будет продать почти половину).

В английском языке просьба для выполнения какой-либо работы или действия, просить позволения выражается через модальный глагол *can*, соответствующий в основном устной речи. Can I see the producer, please? — «Men prodyuserni ko'rishim mumkinmi?» (Могу ли я видеть продюсера?). В узбекском языке такое инфинитивное сочетание модального глагола соответствует инфинитивным сочетаниям «qila olmoq» (можно сделать), «mumkin» (можно). Отрицательная форма «mumkin emas» (нельзя).

Действие, исполняемое сейчас или которое будет исполнено в будущем может быть выполнено или не выполнено. В таких случаях в английском языке применяется модальный глагол «may». «We may observe in young girls great changes» — «...kuzatishimiz mumkin» (...можем наблюдать). «It may make that man furious» — «Bu o'sha odamni jahlini chiqarishi mumkin» (Это может вызвать гнев того человека). Это состояние передаётся в узбекском языке инфинитивными сочетаниями глагола настоящего времени: «qilish mumkin» (можно сделать), «qilishim mumkin» (могу сделать), «qilishi mumkin» (может сделать).

Таким образом, сопоставляя модальные глаголы в узбекском и английском языках, мы можем прийти к следующему выводу: модальный глагол *must* в английском языке соответствует модальному слову «kerak» (нужно, надо, должен) в узбекском языке. Модальный глагол *should* в английском языке является синонимом модального глагола *ought to*, и выражает значения «ma'naviy burch» (духовный долг), «majburiyat» (обязательство), «maslahat» (совет) в узбекском языке. Модальный глагол *need* соответствует инфинитивным сочетаниям «zarur» (необходимо), «darkor» (нужно) в узбекском языке. Если модальный глагол *may* даётся с частицей *not*, то образуется отрицательная форма. В узбекском языке отрицательная частица передаётся словом «emas», которое служит для образования отрицательных форм имён существительных и глаголов.

Историзм эпопеи Мухтара Ауэзова «Путь Абая»

Фазилова Клара Байбуриевна, преподаватель
Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

Роман-эпопея «Путь Абая» имеет важное место в мировой славе Мухтара Ауэзова. Можно сказать, что все ранее написанные Ауэзовым произведения стали своего рода подготовкой для написания романа о великом акыне-писателе Абае Кунанбаеве. Этот роман стал содержанием жизни писателя.

Роман-эпопея состоит из двух книг. Каждая из них делится ещё на две книги. Первая книга эпопеи издана в 1942 году, а вторая — в 1956 году. Вообще, Мухтар Ауэзов мечтал создать серию больших романов о жизни казахского народа. Роман «Абай» является первым романом из этой серии. Здесь следует подчеркнуть, что такие творческие планы и опыт по претворению их в жизнь часто встречается в мировой литературе. Каждый из романов таких серий по-своему самостоятельный роман, но вместе с тем в каждом из них создаются великие шедевры определённого промежутка времени, века, истории народа. К примеру, можно назвать произведения Эмиля Золя, Дмитрия Мережковского и других.

Творческое открытие Мухтара Ауэзова состоит в том, что он первым в литературе Средней Азии исследовал полувековую жизнь целого народа широко и всесторонне, сумел раскрыть патриархально-нравственные вопросы казахского общества накануне XX века с удивительной для читателя силой художественности.

Эпопея «Путь Абая» — вершина казахской литературы. Известный казахский ученый К. Сатпаев характеризовал это произведение как роман о жизни и судьбе казахского народа второй половины XIX века. Этот роман, по подробному описанию событий и по силе художественности не имеет себе равных.

Если все книги эпопеи «Путь Абая» в своем единстве воссоздают полувековую жизнь казахского народа, то его каждая книга по развитию событий и по художественному строению отражает определенный этап духовно-нравственного совершенствования Абая.

Единство эпопеи достигается посредством общности идейной цели. Мухтар Ауэзов говорил об этом, что во всех четырёх книгах основной идеей является борьба между новым, воплощенным в образе поэта Абая, и старым, воплощенным в образе одноглазого и злого Кунанбая. Кунанбай, ставший символом старого, впоследствии день ото дня превращается как бы в многих-многих «кунанбайчиков». Самый яркий представитель из них — Уразбай — в четвертой книге возглавляет заговоры, направленные против Абая.

Для создания романа-эпопеи автор готовился много лет, так как несмотря на то, что народ крепко любил и почитал Абая, о нем не осталось почти никаких фактических документов. Мухтар Ауэзов в юношестве встре-

чался с некоторыми современниками великого казахского поэта, в частности с будущими героями его книг, женами Абая Дилдой и Айгерим, последней женой его отца Кунанбая — Нурганым, поэтом Кокпаем и др. Современником Абая Кунанбаева был и дед писателя Ауэз, близко знавший поэта а также поведавший внуку много интересных сведений, связанных с биографией казахского классика [1]. Но основным источником всё же послужили стихи поэта.

Основная тема эпопеи — путь казахского народа от тьмы, продолжающейся начиная со средних веков, к свету и процветанию. На страницах романа прослеживается философия, красота, разнообразная жизнь народа и образ его жизни, традиции и обычаи, поэтический талант, гостеприимство, справедливость — в общем, полувековая история народа во всем естественном, историческом развитии, вместе со всеми социальными передрыгами.

Избрав главным героем романа реальную историческую личность, которая воплотила в себе особенности, присущие национальному характеру казахского народа, вокруг которого происходят основные события, связанные с жизнью народа, Мухтар Ауэзов, таким образом, показывает насколько тяжело и сложно протекал избранный казахским народом путь в поворотной точке исторического развития.

Образ Абая — один из сложнейших образов в казахской литературе. Великий поэт изображен в многогранной связи с эпохой, с народом, со всеми слоями общества. Он находится в сильнейшем водовороте проблем того времени. Ауэзов мастерски изображает своего героя на протяжении всего романа. Подросток с нежной и ранимой душой, влюбленный юноша, глава семейства, учитель и наставник молодежи, друг народа и поэт-борец — это всё Абай. Имеет особый смысл и то, что главным героем является творческая личность. За полвека Абай видел в своей жизни и радость и горе, испытал предательство и обман людей, потерял близких, достиг почета и славы среди народа. Однако он не смог стать другом со своим отцом, с которым враждовал и боролся долгое время. Примечательно то, что когда Кунанбай упрекал Абая в том, что не различает где ценное, а где нет, что бросает деньги на ветер, что чересчур прост и простоушен, поход на ровное озеро, воды которого могут загрязнить и собаки, и скот, что не разбирает, кто ему друг, а кто враг, что не может держать секретов, что человек, который хочет повести за собой народ, не должен быть таким, что он льнёт к русским, то Абай ответил ему, что он считает нужным быть для всех полезным, что народ идёт за тем, кто делит с ним все тяготы и невзгоды, что для него

самое дорогое — это знание и свет, а эти вещи находятся в руках у русских».

Мухтар Ауэзов приступил к работе над эпопеей «Путь Абая» в середине 30-х годов XX века. Изучение эпопеи «Путь Абая» в историческом аспекте показывает, что автором была проделана огромная работа, определившая, безусловно, научно-познавательное значение этого произведения, явившегося для самого взыскательного читателя серьезным источником изучения прошлого Казахстана, воссозданного при всей исторической достоверности в ярких художественных образах.

Хронологически начало эпопеи относится к середине XIX века, когда в Среднем жузе была ликвидирована ханская власть, а вместе с ней произошло ущемление прав прежней правящей верхушки — султанов, считавшихся потомками Чингисхана. Эпопея «Путь Абая» дает возможность наглядно представить себе роль и значение господствующей верхушки феодально-родовой знати — наиболее влиятельных биев племени тобыкты: Кунанбая, представлявшего род иргиз-бай; Божея, влиятельного бия рода жигитек; Байсала, возглавлявшего крупный род котибак; Суюндика, стоявшего во главе рода бокенши, более бедного и малочисленного по сравнению с другими родами тобыкты; Каратая, главы рода кокше; Кулишака — рода торгай.

Следует отметить, что названные бии родовых тобыкты как, впрочем, и подавляющее большинство других персонажей романа, — подлинные исторические личности. Их борьба с Кунанбаем за власть в племени тобыкты нашла свое отражение в архивных источниках.

Эпопея дает основание сделать вывод, что биями могли быть лишь представители феодально-родовой знати, зачастую их власть передавалась по наследству в рамках рода. Достаточно сказать, что предком Божея был бий жигитек Кенгирбай, а предком Кунанбая — бий Иргизбай, родоначальник иргизбаев.

Историзм эпопеи проявляется и в раскрытии отношения к женщине в романе «Путь Абая». В условиях патриархально-феодального быта, которые описываются в эпопее, права женщины были ограничены, совершенно исключалось ее участие в общественной и государственной деятельности. Нормами казахского обычного права были узаконены такие обычаи, как калым (имущественная сделка между родителями жениха и невесты), аменгерство, многоженство и пр. Глава патриархальной семьи властвовал над женами и детьми. На примере многих женских судеб в романе показано, как девушка, будучи объектом купли-продажи между ее отцом и будущим мужем или его родителями, нередко против воли выдавалась замуж в другой род, становилась жесир (девушкой, за которую уплачен калым) не только мужа, а всего его рода. Эти патриархально-родовые традиции сохранили свою силу и во время Абая.

Перед читателями эпопеи проходит целая галерея женских образов, искалеченных человеческих судеб, принесенных в жертву патриархально-феодальному семей-

ному обычному праву. Это трагедии юного Абая и Тогжан, Коримбалы и Оралбая, Умитей и Амира и др. Касаясь семейно-брачного права, Ауэзов поднимает тему борьбы за равноправие женщины. За этими краткими сведениями Ауэзову, умевшему глубоко проникать в описываемую им эпоху, раскрывалась трагедия степной жизни, жестокие феодальные устои которой особенно тяжело отражались на бесправном положении женщины, подавляли стремления молодежи к свободному решению своей личной судьбы. Такие детали, безусловно, сознательно собирались автором, так как, будучи как бы подсмотренными в жизни той далекой эпохи, они придавали особую убедительность и историческую достоверность повествованию. Писатель показывает далее сочувственное отношение Абая к Оралбаю и Коримбале, его поддержку и совет бежать в город под защиту русских законов, его бессилие помочь им иным путем в самой степи. Подобный художественный домысел совершенно закономерен, так как из хорошо известной биографии Абая можно привести ряд примеров поддержки, оказанной им казахским женщинам, боровшимся за свою свободу.

Тяжелая женская доля в полигамной семье, соответствующей нормам обычного права и шариата, по которому допускалось иметь четырех законных жен, нашла яркое отражение в романе. «Пять юрт стояло впереди. Это было многолюдное жилище двух младших жен Кунанбая — Улжан и Айгыз. Старшая — Кунке — жила в другом ауле». Четвертую жену, шестнадцатилетнюю Нурганым, Кунанбай приводит в дом уже глубоким стариком. Эпопея вводит в мир сложных взаимоотношений жен-соперниц. Так, во время ссоры жен Кунанбая — Улжан и Айгыз «казалось, два враждующих между собой аула готовились к бою». Однако наряду с этим в романе нашло отражение и глубоко почтительное отношение к женщине, если она была старшей в феодальной верхушке рода. Таким всеобщим уважением в племени тобыкты, как уже отмечалось, пользовалась мать Кунанбая Зере.

Историческое значение эпопеи «Путь Абая» проявляется также и в том, что она содержит богатый материал для изучения этнографии казахов второй половины XIX века. Из романа вытекает, что весь быт казахского дореволюционного аула был полностью подчинен пастбищно-кочевому скотоводству, как преобладающей отрасли хозяйствования. Ауэзов особенно красочно воссоздал народные обычаи, свадебные обряды, народные празднества, связанные с рождением ребенка, поэтические картины молодежи в лунные ночи с песнями у качелей, в которых так ярко проявлялись музыкальность народа, любовь к поэзии, его духовный облик. Эпопея дает представление о похоронном ритуале, верованиях казахов.

Величие и могущество автора романа в том, что эпопея «Путь Абая» проявляется как единый, целый ансамбль различных сцен. Эти сцены изображают глубокие слои жизни. Многие герои романа рождают представление о казахском народе, о его сложной судьбе, высоких нрав-

ственных и духовных качествах. Это крупное произведение охватывает особенности нескольких жанров романистики — психологический, семейно-бытовой, социальный, философский и другие. Масштабы и многогранность образов и панорам, большое разнообразие людей и разноликость происходящих событий оживляют со всей сложностью и разнообразием то время, когда жил и творил Абай. Здесь очень уместны слова Чингиза Айтматова о том, что Мухтар Ауэзов со своим талантом, знаниями, мастерскому владению словом умеет всё, то есть является универсалом. Это мастерство сочетается с простотой и своеобразием. Его великая эпопея «Абай», пьесы и рассказы, повести — наследие высочайшего уровня. Мухтар Ауэзов рассказывает обо всём широкомасштабно, в густых красках, от всего сердца. Мухтар Ауэзов — это такой мир прекрасного, без которого сегодня нельзя пред-

ставить прошлое и настоящее с их противоречиями, изменениями, историзмом и значением.

В заключение хочется сказать, что в романе-эпопее есть важный поэтический символ, с которым Мухтар Ауэзов сравнивает главного героя. Этот символ — дерево Чинара, которое выросло на каменистой земле и превратилось в большое старое дерево, которое своей кроной, подпирая небесную высь, как бы вопрошает о судьбе своих ростков, о смысле долголетней жизни. Мухтар Ауэзов в одной из своих статей об Абае подчёркивал, что великий акын является могучим карагачем казахской литературы, и большинство поколений казахских писателей, сидя под тенью его кроны, нашли своё спасение. По нашему мнению, Мухтар Ауэзов тоже один из тех, кто сидел под тенью этого карагача, самый талантливый и оставшийся в памяти народа как биограф великого Абая.

Литература:

1. Мухтар Ауэзов. Мысли разных лет. — Алма-ата, 1961. с. 56.
2. Ауэзова, Л. Исторические основы эпопеи «Путь Абая». — Алма-Ата, 1969.
3. Ауэзов, М. О. Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая». // В кн.: Ауэзов М. О. Абай Кунанбаев. Алма-Ата, 1967. с. 360.

Представления русскоязычному читателю поэта Южного Азербайджана Мирза Али Моджуза

Халилов Фарман Юнус оглы, доктор филологических наук, заведующий отделом литературоведения
Нахчыванское отделение Национальной академии наук Азербайджана

Мирза Али Моджуз (1874—1934) выдающийся мастер, обогативший поэзию Южного Азербайджана XX века новыми темами, идеями, содержанием и художественными особенностями, поднявшийся до уровня основателя языка социальной сатиры. За исключением некоторых лирических стихотворений, большинство его произведений представляют собой серьезные сатирические стихотворения, которые посвящены обличению религиозного фанатизма причиненных Мировой войной бедствий, двуличной политики империалистических государств, критике невежества и отсталости, а также пропаганде родного языка, алфавита, свободы женщин, просвещение и культуры, и тому подобным темам.

Первые сведения русскоязычному читателю о М. А. Моджузе были даны в 1954 г. В этом году в издающемся в Баку журнале «Литературный Азербайджан» по случаю 20-летия со дня смерти поэта со стороны редакции была помещена его краткая биография, говорилось о национально-освободительном движении в Иране в 1905—1911 и 1917—1920 гг., о влиянии появившейся в начале XX столетия в Северном Азербайджане передовой демократической литературы, в особенности, жур-

нала «Молла Насреддин» и М. А. Сабира на творчество М. А. Моджуза, а также критике поэтом в своих произведениях гнета и притеснения ханов и беков, религиозных предрассудков, невежества, отсталости, женского бесправия [1].

В 1954 г. о М. А. Моджузе была помещена также статья в «Большой Советской Энциклопедии». Сведения в БСЭ своей новизной и обобщенностью отличаются от редакционной статьи «Литературного Азербайджана». Здесь новизна заключается в сочувствии М. А. Моджузом октябрьской революции, В. И. Ленину, в одобрении построения Советской власти в Азербайджане.

Помещенные в «Литературном Азербайджане» сведения являлись целью познакомить проживающего в Северном Азербайджане русскоязычного читателя с жизнью и творчеством Моджуза, а сведения в БСЭ были представлены для всесоюзного читателя советского периода.

По прошествии 13 лет после издания в 1954 г. БСЭ, т. е. в 1967 г., в изданной в Москве «Краткой Литературной Энциклопедии» и в изданном в 1974 г. XVI томе БСЭ данные сведения о Моджузе были более обширными за счет новых фактов. Новыми сведениями, помещенными

в этих книгах, были: бедная жизнь поэта, название стихов «Родина», «Батрак», «Несчастные девушки», «Революция грянет», «Наконец» и др., смерть поэта в Шахруде.

Определенную роль в знакомстве русскоязычного читателя с творчеством Моджуза сыграли приведенные в разные годы о нем сведения в «Советском энциклопедическом словаре» (Москва, 1980; 1985), «Антологии поэзии Южного Азербайджана» (Баку, 2005), «Азербайджанской литературе, начало XX века» (Москва, 2008).

Представление М.А. Моджуза русскоязычному читателю не заканчивается только сведениями в энциклопедиях, словарях и антологиях. Начиная с 1955 г., появляются на русском языке статьи о поэте отдельных исследователей или же итоги научных изысканий. Интересно, что автором первой диссертации в Азербайджане о Моджузе была русскоязычная, получившая образование на русском языке татарка по национальности Латифа Омарова. Она в кандидатской диссертации «Мирза Али Моджуз (жизнь и творчество)», написанной на русском языке и состоящей из восьми глав, выдвинула ряд научных соображений о периодах жизни Моджуза, тематике его произведений, их идейном содержании, мастерстве поэта, а также творческих связях с М.А. Сабиром [2]. Хотя и Л. Омарова написала диссертацию на русском языке, широкие массы русскоязычных читателей были лишены возможности познакомиться с этим научным исследованием, так как оно до сих пор не напечатано. Поэтому не кандидатскую диссертацию Л. Омаровой, а напечатанную ею в 1955 г. на русском языке состоящую из 15 страниц статью «Мирза Али Моджуз» можно считать первым научным источником, дающим русскоязычному читателю более широкие сведения о жизни и творчестве Моджуза. В статье анализируются жизнь и творчество Моджуза, говорится об открытии им в Шабустаре женской школы, его сочувствии русскому языку и литературе, происшедшей в России в 1917 г. октябрьской революции, ее руководителю В.И. Ленину, дается критика поэтом отсталости, невежества, религиозного фанатизма, гнета и эксплуатации, женского бесправия, шахского абсолютизма, русского царизма, империализма [3].

Значимой является напечатанная в 1956 г. на русском языке небольшая статья о творчестве поэта «Мирза Али Моджуз» имеющего большие заслуги в собирании произведений Моджуза и их публикации исследователя Г. Мамедли. В переведенном на русский язык в 1964 г. в Баку варианте монографии «Сабир» профессора А. Мирахмедова даются полноценные сведения русскоязычному читателю об итогах сравнительного анализа сатиры Сабира и Моджуза.

В научных источниках на русском языке о творчестве Моджуза можно встретиться и с рядом серьезных искажений. Такие утверждения о том, что поэт в 14 лет уехал в Стамбул, публикация в Турции стихов, написание стихотворения «Ленин», жизнь на Кавказе, «видел счастливое будущее своего народа только в установлении Советской власти», «писал стихотворения, приветствующие

установление Советской власти в Азербайджане», являлись ложными.

Известный русский поэт, переведивший стихи выдающегося азербайджанского поэта-сатирика М.А. Сабира, Павел Панченко (1907–1994), являющийся автором стихотворных сборников «Отцовское солнце» (Москва, 1935), «Золотые огни» (Баку, 1948), «Заветный край» (Баку, 1950), «Мобилизованные строки» (1931), был первым поэтом, переведившим стихи Моджуза на русский язык. Четыре переведенных стихотворения Моджуза: «Ленин», «Мечта», «В Нахичевани советская власть», «На той и на этой стороне» впервые были опубликованы в 1954 г. в журнале «Литературный Азербайджан». Переведенные П. Панченко 56 стихотворений были включены в вышедшую в 1956 г. в Баку на русском языке в первую и последнюю книгу поэта «Стихи» [4]. «Идея избранных им для перевода 56 стихотворений дает возможность читателю (имеется в виду русскоязычный читатель — Ф. Х.) иметь полное представление о творчестве Моджуза» (Л. Омарова). Удачный в основном перевод стихотворений «Бог даст», «Пир и голод», «Переписка», а также полустихий, двустихий и куплетов отдельных сатир показывает, что П. Панченко, оценив общественную значимость стихотворений Моджуза, изучив их разнообразие форм и свойственный им дух, постарался сохранить их в переводе.

К сожалению, ряд примеров показывает, что глубоко не изучив период, среду, жизнь в творчество Моджуза, а также не восприняв сут и идей некоторых сатир, П. Панченко в переводах допустил ряд серьезных искажений. Вот один из примеров. Второй куплет стихотворения «Виноват» в оригинале звучит так:

Откуда мне знать, что у вороны приятный голос,
Что сову нельзя назвать совой?
Я был не в духе, виноват
Так как сову назвал совой.

Здесь поэт, говоря «сову назвал совой» признается в истине, так как сову не соловьем, а совой называют. Что касается слова «виноват» и переносного значения полустихия, то поэт хочет сказать, что в существующем обществе истина воспринимается не легко, а понимающие истину оказываются под сильным давлением и вынуждены быть осторожными. П. Панченко, переводя это полустихие как «Совой скотину обозвал, — виноват!», допустил грубое искажение, в результате нарушена логическая связь между полустихиями, потеряна мысль куплета. Такие искажения встречаются и в переводах стихотворений «Вскрытие», «А я причем?», «Дочь дочурку родила», «Признание». В ряде стихотворений П. Панченко ненужные сокращения («Наконец», «Зимний пост», «Учитесь», «Теперьшние врачи») и дополнения («А я причем?», «Оставь совсем», «Иранские солдаты»), исключение имен исторических лиц памятников названий, книг, сел и городов («Я разбужу», «Эй мусуль-

мане», «Братьям-курдам», «Есть», «Что на день»), неуместная замена слов («Другу Мамедали», «Говорят», «Несчастливые девушки») оказались неудачными и удалили переводы от оригиналов.

Приблизительно лет 50 после П. Панченко талантливые поэты — переводчики Д. Дадашидзе и А. Халдеев также перевели стихотворения Моджуза на русский язык [5]. Переведенные Д. Дадашидзе 4 стихотворения («Не будьте невеждами», «Сын Шабустара», «Дороговизна», «Эмоглы») отсутствуют в переводах П. Панченко. Из них три стихотворения можно считать удачно переведенными. Хотя и перевод стихотворения «Эмоглы» («Двоюродный брат») приемлемо по содержанию, но по форме несовершенно. Так, переводчик вместо того, чтобы сохранил одинаковые основные рифмы, следующие перед повторяющимся словом, пользуется разными рифмами. Что касается перевода стихотворения «Беседа»

А. Халдеевым, то по сравнению с П. Панченко оно более плавно и образно.

В советское время, несмотря на имеющиеся недостатки в приведенных биографических сведениях о Моджузе, в исследовательских работах, в переводах П. Панченко, поэт тем не менее был представлен не только обыкновенному русскоязычному читателю, но и известным литературным личностям России. В одном из интервью известного писателя — публициста и редактора издающегося в советское время журнала «Дружба народов» С. Баруздина он признается, что в литературе Южного Азербайджана он кроме Моджуза никого не знает, что само по себе является интересным фактором [6].

В современное же время переводы Д. Дадашидзе и А. Халдеева можно считать началом новой удачной инициативы в представлении русскоязычному читателю наследия Моджуза.

Литература:

1. Мирза Али Моджуз. Журнал «Литературный Азербайджан». — Баку. — 1954. — № 10. — с. 74.
2. Омарова, Л. Мирза Али Моджуз Шабустари (жизнь и творчество). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Баку. — 1950. — 161 с. Фундаментальная Библиотека Национальной АН Азербайджанской Республики.
3. Омарова, Л. Мирза Али Моджуз Шабустари. «Известия АН Азербайджанской ССР» — Баку. — 1955. — № 5. — с. 85–99.
4. Моджуз, М.А. Стихи. Переводы П. Панченко. Составитель Г. Мамедли. Баку: Азербайджанское Государственное Издательство. — 1956. — 120 с.
5. Антология поэзии Южного Азербайджана. Составители Э. Ахундова, Х. Гулиева. Баку: Юрд. — 2005. — с. 137–140.
6. Самыми высокими критериями. Интервью с редактором журнала «Дружба народов» С. Баруздиным, журнал «Азербайджан». — Баку. — 1981. — № 11. — с. 134–139.

ФИЛОСОФИЯ

Social and philosophic principles of resolving the ethnic and interethnic contradictions

Бобоёров Бобомурод Норматович, старший преподаватель
Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

Boboyorov Bobomurod Normatovich,
TUIT, Chief instructor of the «Phylosophy» sub-department
Tashkent, Uzbekistan

The issues related to the ethnic and interethnic relations have always played the key role in the development of the society. Since now, it has been remaining in this way. More than 1600 ethnic groups with their unique cultural and moral values live in our planet. The states in the world consist of two types: multiethnic and monoethnic states. Japan belongs to the monoethnic states, China, India, USA, Brazil, Russia, Uzbekistan and others belong to the multiethnic states. The greatest 27 nations in the world comprise nearly 75% of the world population.

Despite elimination of political tensions in the international arena, transition from bipolar world into multipolar world has created the conditions for several complicated issues to emerge at the new form. In today's renewing world community it is reasonable to study and research the conflicts related to the international relations having considered the active change of national-ethnic processes and development of social events dynamics.

In this today's world, there are various social units. Social unit — is a steadfast person groups who have unity of certain social values, criteria, interests, way of life and outlook. Family, tribe, classes, social groups, nation, professional groups, labor teams can be classified as social units.

Within the limits of the topic chosen by us, we investigate the ethnic units, their forms, relations which can be occurred in various stages.

Ethnic units as social development product — is a unity of people historically originated in certain territory which has feature of general language, culture, outlook and recognition of national identity.

Features of ethnic unit are the following:

- Existence of nation's language;
- General historical destiny;
- Family life;
- Existence of daily behaviours, norms;
- Specific moral and material culture.

Tribe, clans, nations belong to the ethnic units. They are considered as the form of social-ethnic unit unified on the basis of tribe-blood relationship. It came into existence at the initial period of the primitive communal system. Tribe is a social and ethnic unity of the tribes; kins who are tribe-blood related at the last period of the primitive communal system and are close to each other in terms of language and territory. Clan is a social-ethnic form which appeared in the unity of several tribes on the bases of language, culture and territorial unity at the next stage of social development. Nation belongs to certain period of historical development progress and it is a specific form of existence of ethnic unity.

Nation — is a unity of people who had developed in the course of historical progress and have general outlook gained in the general economical life, language, territory, also have the same culture, art and way of life.

Signs of nation:

- Similar race
- Language
- Religion
- Habits and customs
- values
- National unity

Recognition of national identity is a peculiarity of social, moral, political, economic, aesthetic, religious, philosophical views which define the essence of the nation's moral development level, its distinctive features. If recognition of national identity takes scientific-political form and it becomes an instrument for social movement, it turns to national ideology. In addition to that, the national ideology will represent as the main weapon which protect national interests. Recognition of the national identity is the highest level in the development of national consciousness. The person who has scientific consciousness feels his difference from other nations at every step. He protects other nation's imaginations, traditions and other aspects. He serves his nations in this

way. He accepts other nation's certain features and enriches the opportunities of his nations. The difference between recognition of national identity and national consciousness is that the person distinguishes himself from other nations' representatives and differs himself from them. Recognition of national identity is not limited by knowing this difference, understanding it, but this difference and distinction will have more importance and it means knowing the position of its nation in the list of world nations, his nation's role in the development of world civilization in the past and at present, what kind of preveleges and shortcomings does his nation have as compared with toher nations and in this connection what they should do in order to see his nation in the list of world's advanced and developed states. Biassed approach to the processes of recognition of national identity in some cases turns these relations to the nationalism evils. Nationalizm — is a defect which causes social injustice by discriminating other nations. It does not take into consideration the interests of other nations toward the way of absolutization of his nation and his nation's interesstes based on the selfishness. [1]

Recognition of national identity coordinates a number of ethnic interests at the international level. At the same time recognition of national identity strives for providing the ethnic group, clan and nation's identity in terms of moral, economic and political means.

The concept of interest is a many-sided category and it is formed in the forms of personal, tribal system, localistic tendencies, continental, ethnic, national and universal interests.

National interest-is peculiarity of nations' activities and needs directed to establish friendly relations with other nations, improvement of certain nation's way of life, recognition of its sovereignty.

Studying the national interests in the condition of recognition of national identity and investigate them theoretically plays the key role. It causes to create the need of fullfilment of scientific investigation in that regard. [2]

Processes as international differentiation and integration is considered in the historical development of international relations.

International differentiation is reflected on the followings:

1. Processes of conflicts, separation and devision of nations, nationalities and clans in various aspects.

2. The forms of international differentiation are a nationalism which national narrow-mindedness, protectionism, religious fanaticism, politics and culture of it could be reflected in various forms.

International integration — is a process of continuous unification of nations, clans, nationalities through the branches of this society.

Integrational integration forms are: harmony of economic and political unions, transnational corporations, international cultureal and national centers, culture, religions and values.

International integration factors are the followings:

- lack of living and exsistance of the states in the level of existence as a result of globalization and economic integration;

- Interstate economic and political cooperation, the states united into European Union can be an example for that.

International conflicts are revealed as a form of international relations.

International conflict is a form of the relations between national units and is a process which describes the open contradictions of nations, nationalities and clans, mutual disputable conditions. This can bring to conflicts, armed conflicts and even to explicit war.

«Therefore, — says I. Karimov, the president of the Republic of Uzbekistan, — the issues of mutual relations which are within nations and tribes have been gaining strategic importance and it is requiring to specifically pay attention to establish interstate relations in the continent». [3]

Reasons of international conflicts are the following:

- complication of social-economic development of the states in the world;

- Inattentiveness of some state leaders or their deliberate extremistic policy;

- the population moved by force;

- Incorrest approaches of some state leaders in resolving the national issues

- The massacres organized deliberately by «the third forces» in order to draw the independent states into the mutual conflicts based on the ethnicity. Events took place in the south of Kyrgyzstan (May-June 2010) can be an example for this.

Spanish polition L. S. Sansteban mentions the necessity of differentiation of the conflicts which destroys the social fundaments and does not destroy the social fundaments from each-other. [4]

The forms of international conflicts:

- Issue of disputable territory;

- migrated nations and their return to their homeland;

- Changing the administrative boundaries self-willedly;

- Capturing of the territory which belongs to the certain nation by the neighboring state;

- Between national majority and densely located ethnic minority;

- Lack of national statehood of some nations and others.

Types of International conflicts:

1. Political-legal (discontent of the nations about their legal status and their struggle for having national statehood, conflicts of the nations against state bodies.)

2. Ethnic territorial (determination of nation's boundaries.)

3. Ethnodemographic (Legal protection of local nations)

4. Social-phsicological (change of way of life and breaching of human rights)

One may include ethnoconfessional and interclasn conflicts in the type of the conflicts mentions above. [5]

Ways of resolving the international conflicts:

- Understanding by the all ethnic groups the fact that one can not achieve the goal by force and they must respect the national feelings;
- Conducting the policy taking into account the interests for all nations and tribes;
- Organizing the activities of international commissions, councils in order to resolve peacefully the national conflicts;
- Giving the opportunity for the ethnic minority to preserve and care their mother language and traditions, religion, culture;
- Resolving the international conflicts by means of compromise;
- Recognizing the International problems and resolving them by national-political methods;
- Using economic key factors in order to stabilize the situation;
- Forming the consensus cultural infrastructure;
- Providing the participation of the various national representatives on an equal legal basis in the state administration;
- Encouraging and supporting national cultures.

In order to prevent from hardening of conflicts in the national and international relations and turning to conflict situation which cause treat to national and continental security, as I. A. Karimov, the president of the Republic of Uzbekistan notes, it is necessary to follow the following rules and procedures:

«Firstly, ethnic policy of the state must be based on the priority of protection of personal rights. In addition to that, the rights of the national minority must not be discriminated.

Secondly, the main direction in the ethnic policy of the state should be based on the methods which can relive the international conflicts practically.

Thirdly, economic development based on the market relations of our society, by providing with strong mechanism of social protection of people, equals the interest of the population which belongs to all nationalities who live in the territory of Uzbekistan. This progress is creating the firm fundamentals in order to develop each family and improve their prosperity, to implement the abilities and talents of each person» [6].

National policy — is an integral part of the state political activities on harmonizing the international relations in various field of the life of the society.

Humanistic principles of the policy in the field of international relations:

1. Giving up the forcing and pressure;
2. Coming to compromise and agreement by consensus in the presense of all the parties;
3. Resolving the disputable conflicts in a peaceful way;
4. Recongition of human rights and freedom;

5. Implementing the ideas of humanity, democracy, good neighboring relations and religious openness and etc.

The main principles of national policy:

1. Harmonizing the national international interests and optimal forming of the mutual relations;
2. Self-determining its own fate by each nation, recognition of the right for having national statehood;
3. Priority of human rights over any national autonomy and sovereignty;
4. Liquidating any form of chauvinism and etc.

As I. A. Karimov, the president of the Republic of Uzbekistan noted, «one must pay attention to the following issues in order to preserve stability, peace and harmony in conducting national policy in our continent:

— recognizing the boundaries of the formed states, their territorial integrity;

— considering that development of self determination and recognition of national identity of the people as a result of independence is a permanent process.

— taking into account that mutual closeness of the nations who live in our continent would positively influence in the international relations;

— in our Republic the movement of «Turkiston-our common home», taking into consideration that the ethnic policy is humanity, constructive process according to its direction and essence;

— providing the development based on the most reasonably harmonizing the multinational and all nations interests and integration processes.» [7]

The conditions of stabilizing the national relations:

1. Existance of the legal state.
2. Recognition of the higher state administration representatives in renouncing from separatism by ethnic minority, in defence, security and conduct of foreign affairs.
3. Paying close attention to the ethnic minority who lives densely in self — rule, granting the rights in resolving the issues of local importance.

Forming the feelings of national pride and national consciousness in each person and especially in in youth plays key role in order to liquidate the international conflicts. Because, consciousness, moral appearance of any nation will be changed time after time depending on the economic, moral-cultural atmosphere. Moral, spiritual appearance of the nation is expressed in the national pride, national self determination and identity. It is impossible to unite the nation into one general goal, unify them ideologically-economically and turn the nation into the great force which could resolve any complicated issues without achieving the national self identity. Therefore, today, it is necessary to form healthy national consciousness and national pride in our young generation.

References:

1. Yusupov E. Tulenov Dj., Gofurov Z. Philosophical talks about national issues. T.: «Fan», 1990
2. Man and culture of international communication (under the editorship of S. Shermukhamedova). T.:Uzbekistan, 1995

3. Karimov I. A. Uzbekistan at the threshold of XXI century: threat to the security, stability conditions and development guaranties. T.:Uzbekistan, 1997, 76–77-pages.
4. Sanisteban L. S. Fundaments of political sciences. M., 1992.
5. Djumaev R. Z., Ubaydullaev U. A., Khudjanov B. A. Conflictology basis (Manual). T., «Academy», 2000.
6. Karimov I. A. On the way of security and stable progress. 6-volume. T.:«Uzbekistan», 1998, 87–88-pages
7. Karimov I. A. Uzbekistan on the road towards great future. T.:«Uzbekistan», 1998, 476–477-pages

Религия как форма духовной культуры

Бурко Роман Александрович, соискатель, ассистент;

Брагина Евгения Александровна, студент

Уральский государственный экономический университет, Березниковский филиал

ХХ–ХІ вв. — это время научно-технической революции, автоматизации, компьютеризации, когда на первое место выходят материальные потребности и ценности людей, в основе которых лежат принципы прагматизма, утилитаризма. Именно поэтому необходимо очень большое внимание уделять духовной культуре, составной частью которой является религия, которая выступает как форма отражения материальной культуры в сознании человека.

Главный признак религии — не вера в Бога, а вера в сверхъестественное. Религия — это совокупность идей, настроений, действий и организаций, связанных с верой в сверхъестественное. Она представляет собой сложное общественное образование, в структуре которого выделяют 3 основных элемента: *религиозное сознание* выступает как форма отражения окружающего мира и, включающее религиозную идеологию и религиозную психологию; *религиозный культ* — система символических действий верующих: молитвы, обряды, посты, праздники; *религиозные организации* — объединения последователей той или иной религии. Религия является составной частью духовной культуры человечества, которая является формой отражения материальной культуры в сознании человека. Религия (с лат.) — благочестие, набожность, это есть связь человека со сверхъестественным, т. е. с Богом.

В современном мире религии принадлежит очень важная роль. Те ценности, которые принято считать общечеловеческими, формировались и развивались, как правило, в рамках различных религиозных систем. Истина религии заключена не в знаниях о ней, аргументах и доказательствах тех или иных утверждений. Религия допускает возможность необыкновенных вещей, называемых чудесами; но главное в том, что люди находят утешение и надежду в вере, открывают человеческую сущность через ее связь с чем-то высшим, понимаемым как божественное. В этом люди признают олицетворение вечности бытия, ощущают свою значимость и сопричастность к чему-то, что исполнено глубокого смысла. Религия предлагает человеку целостную картину мира, наполненную морально-ценностным смыслом, способствует мировоззренческим поискам. Религия — это общественное явление

с собственным историческим развитием в конкретных социально-экономических условиях. А еще религия — ориентир и сокровище для тех, кто ее исповедует. Последователи всякой религии утверждают, что она дарит им бесчисленные знания и ощущения, которые приносят настоящую радость. Вопросы о религии всегда связаны с вопросом соотношения знания и веры, с формированием идеалов, ценностей, жизненных ориентаций, которые неизбежно встают перед человеком. Характерно, что религию стали изучать сравнительно недавно, начиная с эпохи Просвещения, когда сакральное стали объяснять рациональными, рассудочными методами познания. Поэтому в философии (объяснении) религии возобладало профанное направление, доступное всем и каждому, что исказило смысл сакрального из-за упрощения его содержания. Это привело, в конечном счете, к тому, что религию объявили «опиумом народа», способами обмана и самообмана людей. Не отрицая роли религии в обществе, материалисты отказались от основательного ее изучения, свели ее содержание к социокультурному фактору. В результате теология многим стала казаться надуманной и несущественной для повседневной жизни, а понятия «религия» и «церковь» смешались.

В России слово «религия» вошло в обиход сравнительно недавно — вместе с эпохой Просвещения. Народ прежде говорил иначе — «вера», «вероисповедание». Введение в обиход нового для россиян слова имело политический смысл, преследовало утверждение приоритета государственного права, а не церковного; приоритета власти светской, а не духовной.

Принудительная атеизация общественной жизни в советское время привела к отрицанию всего религиозного. Сейчас эта ситуация обернулась своей противоположностью, однако поведенческие стереотипы продолжают мешать формированию представлений о равенстве в вопросе свободы совести, вероисповедания и свободы воли. Духовность — сложное понятие, используемое, прежде всего, в религии, религиозной и идеалистически ориентированной философии. Понятие «духовное» включает в себя то, что человек сам почувствовал, выстрадал,

сделал своим, без чего он чувствует себя лишенным чего-то важного. Рассудочно-прагматический подход к вере, как считалось ранее, не естественен. Но в XX—XI вв. он возможен, так как в обществе господствует рационально-прагматическое мировоззрение и для современного поколения важно знать то, во что оно верит. Там, где невозможно познать религию с «научной» точки зрения, методом логических умозаключений, помогает образ. Поэтому религия тесно связана с искусством и литературой. Но это уже будет отождествление религии с моралью и даже с духовной культурой в целом. Некоторые определения религии сводят ее к мистике. Но для почитания нужна вера, а следствием почитания выступает культ. Эти слова — ключевые для религии.

Вера — главный признак религии. Без веры в богов религии нет. Вера является центром религиозного сознания. Она подразумевает такое отношение к объектам и явлениям, когда их достоверность и истинность принимаются без теоретических и практических доказательств.

Религию нельзя сводить к мистике и мифологии, но ее нельзя и отличить от них ни по чувству, которое сходно у этих трех отраслей культуры, ни по специфике обрядов, которые религия заимствует у мистики и мифологии. Отличительной чертой религии по сравнению с мистикой и мифологией является элемент универсальности в социальном смысле, общий у нее с философией и наукой, но от философии и науки религию отличает отсутствие у нее рациональности. Религия общечеловечна (хотя мировых религий всего несколько) в том смысле, что любой человек может стать приверженцем религии, которая его устраивает. Ученые подчеркивают, что религиозное чувство началось с культа усопших предков. Смерть была первой тайной; она указывала человеку путь к другим сущностям, возвысила его мысль от видимого к невидимому, от преходящего к вечному, от человеческого к божественному. Смерть можно рассматривать как один из источников появления духовной культуры в целом и религии в частности.

Верующий относится к Богу с любовью и страхом, с почтением, восторгом, надеждой, чувствами вины и раскаяния. И Бог, со своей стороны, как учит, например, христианство, тоже эмоционально реагирует на человеческое поведение и отношение к нему: проявляет заботу, любовь, доброту, милосердие, гневается на грешников, оказывает милость к падшим, вознаграждает праведников. Эмоциональное общение с Богом образует особого рода «духовный опыт».

Религия выполняет культурологическую роль: она задает спектр универсальных культурных понятий, определяет смысл жизни, высшие ценности и нормы человеческого существования, оформляет структуру духовного сообщества. Религия осуществляет свою культурологическую роль при помощи определенных средств. К ним относятся храмы, святилища, религиозное искусство, реликвии, утварь, одеяния. Использование в рамках культа различных видов искусства (музыка, живопись, архи-

тектура, танец и пр.) усиливает религиозные чувства и способствует удовлетворению эстетических потребностей. Подчеркнем, что именно религия способствовала развитию чувства, а вместе с тем и мысли. А духовность и есть, по сути, способы развития мысли и чувства. Ни магия, ни мистика, ни умозрительность не достигают таких результатов в развитии мысли и чувства, как религия. Тем самым она способствует утверждению личности, формированию личностного сознания; выходу его за пределы узкоземного существования. Религия также осуществляет трансляцию культуры, передачу ее от одного поколения к другому.

Основным методологическим инструментом при изучении религии является философия. Современное религиоведение философично, т.е. направлено на постижение «пути веры — внутреннего самораскрытия по отношению к являющемуся в откровении Богу» (М. Шелер). Часть религиоведения — феноменология — наука о происхождении религии, которая как бы возвращает к истоковым началам вероучения. Рассматривая религиозное видение мира как опыт непосредственный и так сказать идеальный, поддающийся интуитивному анализу, религиоведение с полным рациональным правом признает его возможность. Поскольку атеизм отрицает саму возможность религии, то философское религиоведение методологически оправдывает религиозное мировоззрение перед лицом современной культуры. Оно описывает опыт веры по его сущности, адекватно анализируя опыт человека как жизнь, создающую саму себя, как движение телесности, чувствующую само себя.

Религия как форма духовной культуры выполняет следующие функции:

— **мировоззренческая** (формирует общее представление о мире в целом);

— **компенсаторная** (компенсирует слабость человека перед природой, социальными проблемами и иными объективными факторами негативного характера);

— **регулятивная** (регулирование человеческих отношений и индивидуального поведения определенными идеями, нормами, установками, традициями, ритуалами, правом, моралью, предписаниями);

— **культуротранслирующая** (осуществление культурной преемственности поколений);

— **интегрирующе-дизинтегрирующая** (объединение и разъединение индивидов в группы и социальные институты) и некоторые другие функции.

Изучение религии особенно важно в наше время, в нашей стране, где новые идеалы еще только формируются. Еще не так давно шла борьба с религией, а ныне звучат призывы к ее возрождению в качестве основы культуры и даже государственной идеологии. Но не только культура возрождается вместе с религией, растут правонарушения, преступления, которые вновь провоцируют борьбу с религиозным мировоззрением как таковым. Степень религиозности человека выражается в его отношении к окружающему миру.

Литература:

1. Основы религиоведения: Учебник/Под ред. И. Н. Яблокова. М., 2001.
2. Малерб, М. Религии человечества. М.; СПб., 1997.
3. Элиаде, М. Словарь религий, обрядов и верований. М.; СПб., 1997.

Интеллектуалы в сетевых сообществах: социально-философский анализ

Бутина Анастасия Васильевна, аспирант
Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

В статье представлена оценка причин и форм участия интеллектуалов в современных сетевых сообществах, а также анализ потенциала вовлеченности профессиональных производителей идей в коммуникативные практики пользователей социальных сетей.

Ключевые слова: интеллектуалы, сетевые сообщества, социальные сети, культурный капитал, интерактивные ритуалы, гражданская активность.

Концепция сетевого общества предлагает трактовку морфологии современной социальной организации, ключевые институты и деятельность членов в которой структурированы вокруг электронных коммуникаций. Однако ведущую роль в сетевом обществе играют не компьютеры или гаджеты как продукты научно-технического прогресса, и не информация сама по себе, а способы ее распространения и принципы самоорганизации участников виртуального взаимодействия.

Такое общество способствует развитию горизонтальных отношений, в которых нет централизации и жесткой иерархии. Тем не менее, один из авторов концепции сетевого общества, М. Кастельс, отмечает в нем тенденцию построения социального действия и даже политики вокруг первичных идентичностей, «либо приписанных, укоренившихся в истории и географии, либо построенных заново в тревожном поиске смыслов и духовности» [1]. Под идентичностью Кастельс понимает процесс, «через который социальный актер узнает себя и конструирует смыслы, главным образом на основе какого-либо культурного свойства или совокупности свойств» [1]. По его мнению, самоидентификация и самопрезентация являются важнейшими аспектами взаимодействия в социальных сетях.

В сетевом обществе личность не остается замкнутой в виртуальном пространстве, напротив, она получает дополнительные возможности для избирательного расширения своего социального окружения. Социальные сети сегодня — это виртуальные форумы, на которых происходит обсуждение общественно значимых проблем, позиционирование партий, аккумуляция, артикуляция и агрегирование общественных интересов, а подчас и мобилизация сторонников гражданских движений.

В аспекте идентичности пользователей социальных сетей действует правило: скажи, членом каких сообществ ты являешься, или на чьи персональные страницы под-

писан, и я скажу, кто ты. Потребность репрезентации виртуального я формирует спрос пользователей социальных сетей на образцы культурного капитала — идеи, знания, произведения или тексты, причастность к которым достигается посредством включенности в практики комментирования, репоста и расставления «лайков».

Производители культурного капитала, в свою очередь, также становятся участниками сетевых сообществ. Свои странички в Facebook или LiveJournal имеют многие популярные политики, журналисты, общественные деятели и, конечно, интеллектуалы. Именно интеллектуалов французский социолог П. Бурдьё определял как носителей этого уникального ресурса — культурного капитала — налагая на них обязательство действовать в качестве «коллективного сознания» нации [2].

Сетевую схему культурного производства, ключевыми участниками которого выступают интеллектуалы, также предлагает современный американский социолог Р. Коллинз, по мнению которого интеллектуальный мир представляет собой грандиозный разговор, культурный капитал, циркулирующий как в периодических ритуалах «лицом к лицу», так и в написании текстов. В работе «Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения» Коллинз вводит понятие интеллектуальной сети, понимая под ней сообщества интеллектуалов, лично знакомых друг с другом и включенных в интерпретацию одних и тех же текстов. Интеллектуальная сеть разительно отличается от других видов социальной сети. Во-первых, для нее характерен особый тип самоидентификации участников — через причастность к созданию универсальной, сакральной «истины». Во-вторых, она поддерживается за счет особых интерактивных ритуалов — совместных обсуждений, докладов и лекций, не направленных на социализацию и не имеющих практического характера. Различные варианты таких интеллектуальных сетей (интеллектуальные группы, цепочки

«учитель — ученик» и линии соперничества между современниками) создают то поле сил, в котором и происходит интеллектуальная деятельность [3].

В трактовке Р. Коллинза, интеллектуалом, человека делает его тяга к данному разговору: стремление участвовать в беседе о самой «горячей», центральной проблеме, в которой идеи имеют величайшую сакральность, и желание придать им, если возможно, отпечаток собственной личности так, чтобы его идеи имели широкое обращение в разговоре, а вместе с ними и личная репутация автора [3, с. 79]. Таким образом, интеллектуальная сеть — это высоко конкурентная среда, поскольку диалог интеллектуалов всегда состязателен, в явной или неявной форме включает элемент «толкания локтями», а также цепляния друг за друга с целью попасть в область сосредоточения внимания, причем как можно ближе к ее центру. Успех в борьбе за лидерство определяется способностью профессионального производителя идей доказать, что именно его идеи отвечают критериям новизны и важности.

Логика развития сетевого общества с конца XX века формирует новый тип интеллектуала — *публичного интеллектуала*, которого отличают ориентация на практику, вовлеченность в общественное обсуждение актуальных проблем. Понятие «публичный интеллектуал» в своем значении восходит к используемому в XIX веке во Франции определению «ангажированный интеллектуал», описывавшему интеллектуалов, критиковавших политику государства и оправдывавших реакцию на действия властей со стороны гражданского общества. В наши дни, по мнению британского исследователя Р. Познера, публичный интеллектуал является не обозревателем, а скорее социальным критиком. Жанровая специфика публично-интеллектуальной работы определена такими областями, как: самопопуляризация; разработка новых идей в сфере своих научных интересов; комментирование актуальной общественно-политической повестки дня; формулирование прогнозов; участие в подготовке общественных реформ; литературная критика и политическая сатира; экспертная деятельность [4, с. 35–40].

В силу развития масс-медиа и распространения электронных коммуникаций в числе публичных интеллектуалов появляются интеллектуалы-знаменитости (*celebrity intellectuals*), как, например, Маршал Маклюэн, Стивен Хокинг или Славой Жижек. Американский социолог Л. Козер считает, что аудиторией таких интеллектуалов является отнюдь не круг соратников или экспертов, но образованная или полуобразованная публика в целом [5, с. 228]. Однако, ведя популярные блоги, интеллектуалы-знаменитости вынуждены действовать по законам рынка интеллектуального производства — то есть предлагать идеи, которые имеют значение не сами по себе, вне какого-либо времени или локальности, но которые интересны их подписчикам или членам виртуальных сообществ. И как следствие, становятся в большей степени

знаменитостями, чем интеллектуалами. В социальных сетях культурный капитал распределен по пространству внимания, и наиболее ценен тот, который может быть успешно использован в следующем раунде конкурентной борьбы за внимание.

Тем не менее, «сетевой» авторитет профессиональных производителей идей, несомненно, является одной из форм социального капитала, спрос на который возрастает в периоды спада общественного доверия политической элите и институтам власти. В условиях социально-политической нестабильности авторский блог или пользовательский профиль интеллектуала становится площадкой непосредственного взаимодействия профессиональных производителей идей и субъектов гражданской активности. В терминологии Р. Коллинза, ситуация взаимодействия в социальных сетях подчас представляет собой интерактивный ритуал *здесь-и-теперь* общения интеллектуалов, лидеров общественного мнения и гражданских активистов. Как отмечает Коллинз, микроситуация взаимодействия не является чем-то индивидуальным, но «проникает сквозь индивидуальное, и ее последствия распространяются вовне через социальные сети к макро-сколь угодно большого масштаба» [3, с. 67]. Исследователь определяет также элементы интерактивного ритуала, к которым относит: группу, как минимум, из двух взаимодействующих участников; сосредоточение внимания участников на одном и том же объекте или действии, при этом каждый осознает, что другой удерживает этот фокус внимания; общее настроение или эмоцию участников. Механизм взаимодействия состоит в том, что обстоятельства, сочетающие высокую степень сосредоточения внимания друг на друге, порождают чувство членства, связанное с когнитивными символами, и наделяют эмоциональной энергией отдельных участников, заставляя их испытывать уверенность, энтузиазм и желание действовать так, как они считают нравственно верным [3, с. 69–70]. В последствии эмоциональная энергия перетекает из ситуации, когда пользователи социальных сетей участвуют в интерактивных ритуалах, в ситуации, когда они находятся в уединении, и сохраняется здесь. Через какое-то время эмоциональная энергия угасает, и пользователи могут вновь обратиться к ритуальному участию, чтобы подзарядить себя.

Безусловно, реализация потенциала вовлеченности интеллектуалов в коммуникативные практики пользователей социальных сетей, находится в зависимости от объективных условий — степени открытости общества или демократичности политической системы, доступности каналов электронной коммуникации и т.п. Однако интеграция профессиональных производителей идей в гражданские практики посредством участия в виртуальном общении с активистами и сторонниками общественных движений сегодня все чаще оказывает влияние на формирование репертуара коллективных действий, интенсификацию общения и развитие активистской среды, а в перспективе способна определять такие аспекты дея-

тельности движений, как формирование идентичности участников движений и их сторонников; динамика установок гражданских активистов; агрегирование и артику-

ляция требований участников самоорганизующихся групп и движений; методы действия, формы и способы достижения целей.

Литература:

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro2.php
2. Bourdieu, P. Fourth Lecture. Universal Corporatism: The Role of Intellectuals in the Modern World // *Poetics Today*. 1991. — Vol. 12. — issue 4. — P. 655–669.
3. Коллинз, Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
4. Posner, R. A. Public intellectuals: a study of decline. Cambridge: Harvard University Press, 2003.
5. Coser, L. The Intellectual as Celebrity // *Public intellectuals, an endangered species*/ed. by A. Etzioni and A. Bowditch. N. Y.: Rowman & Littlefield publishers, 2006.

Романтическая ирония как «лезвие Оккама»

Епанчинцев Василий Валерьевич, аспирант
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Теория романтической иронии — стержневая идея философской системы Фридриха Шлегеля. Ирония была мощным оружием в руках романтиков в борьбе с односторонностью Просвещения, ею обосновывалась ценность бесконечных явлений жизни. Толчком для создания теории романтической иронии послужило критическое отношение романтиков к жизни. Из-за этого романтиков впоследствии критиковали за крайний субъективизм.

Иенские романтики во главе с Фридрихом Шлегелем поставили себе задачу вернуть к жизни античную иронию, которая получила наибольшее развитие в диалогах Платона. Для Платона она служила методом философствования, для него ирония была не более чем категорией эстетики, вышедшей из классической риторики. Еще Сократ с помощью иронии в своих диалогах пытался описать мир идеальный. У романтиков эта тяга к идеальному была выражена в стремлении постичь красоту бесконечного мира во всех его проявлениях.

Философской категорией иронии становится именно в трудах иенских романтиков. В конце XVIII века Фридрих Шлегель представил широкой публике концепцию романтической иронии в своих «Фрагментах», вышедших в журналах «Лицей изящных искусств» и «Атенеум». Шлегель считал, что любое понятие становится идеей благодаря иронии, которая способна довести понятие до его законченности в бесконечной борьбе противоположностей. Этот процесс он называл «абсолютным синтезом абсолютных антитез» [1, с. 296]. По мнению иенских романтиков, ирония вызывает у читателя чувство противоречия между безусловным и обусловленным. Это чувство Шлегель характеризовал как «чувство невозможности и необходимости всей полноты высказывания» [1,

с. 287]. Исходя из этого, ирония в бесконечном соединяет противоположности и раскрывает подлинную бесконечную суть мира вещей.

В «Истории философии» Гегель писал, что всеобщей мировой иронией может считаться допущение диалектикой истинности того, что непосредственно принимается за истинное, но делалось это лишь для того, чтобы выявить внутренние разрушения этих допущений [2, с. 47]. Гегель пытался исправить, по его мнению, ошибочный подход системы романтической иронии Фридриха Шлегеля, сделавшей своим объектом критики сентиментализм. Кьеркегор справедливо указывал, что из-за этого Гегель сосредоточился на критике самого Шлегеля, а не иронии как таковой [3]. Гегель считал, что Шлегель не понял спекулятивного, а, следовательно, идея Фихте о незыблемости «Я» была вырвана из контекста. Из-за чего система Фихте стала применяться к самой действительности, выйдя за рамки мышления [4, с. 488]. Даже заявления Шлегеля о том, что «Я» является лишь конечной оболочкой, Гегель понимал как проявление иронии.

В основе системы романтической иронии Фридриха Шлегеля — субъективизм Фихте и его учение о «Я». Так, по мнению Кьеркегора, непроработанный метафизический принцип стал приматься к действительности [3]. Фихте хотел сконструировать мировую систему, когда как иенские романтики захотели получить весь мир сразу. Через систему романтической иронии Фридрих Шлегель надеялся достичь бесконечного идеала, постичь этот непознаваемый мир. Романтики верили в то, что все в этом мире имеет свою божественную суть, а все божественное — является бесконечным. Понять бесконечное можно только по средством чувства, побеждаю-

шего разум. «У нас есть понятия: единая бесконечная субстанция и индивиды, — писал Шлегель. — Если мы хотим объяснить переход от одного к другому, то сможем это сделать, лишь введя между ними еще одно понятие, а именно понятие образа, или изображения, аллегории» [1, с. 434].

Эти образы или аллегории должна была воплощать ирония. Постичь ее рационально не представляется возможным, поскольку вся она пронизана парадоксами и абсолютными антитезами. Едва ли не фабульной ее частью является непонимание, в котором и проявляется бытие. В этом непонимании, по мнению Шлегеля, проявляется талант писателя. Происхождение романтического гения объяснить нельзя. Существо его иронии всегда остается за гранью этого конечного мира. Возникает очередная ироническая оппозиция — понятности конечного мира и загадки самой иронии.

Шлегель считал, что ирония может стать средством постижения бесконечного. Она не приносит мыслителю новых идей, но помогает отсечь все лишнее. По принципу «лезвия Оккама» ирония от конечного мира вещей отсекала все ненужное, помогая разглядеть его бесконечную божественную суть. Фридрих Шлегель называл иронию «удивлением мыслящего духа самому себе» [5, с. 361]. Истинной же иронией он считал иронию любви, которая появляется из противоречия с идеей бесконечного, из-за осознания индивидуумом ограниченности и конечности своего бытия. Противоречие с бесконечным оказывается заложенным в истинной любви, поскольку чувство, как и в жизни, направляется на земной предмет. Однако это противоречие лишь подтверждает бесконечность чувства любви, в котором расцветает ирония.

В системе Сократа остроумие представляет собой дополнительный элемент иронии. Хотя Фридрих Шлегель считал его бессознательным «родственником» гения, поскольку гениальное подсознание свойственно именно поэтическому остроумию. Однако оно не настолько сильно, чтобы стать столь же самостоятельным, как ирония.

Терпкой и горькой (в отличие от иронии Сократа) называл современную иронию Шлегель. По его мнению, она покоилась на всеобщем отрицании или же тесно соприкасалась с высшим вдохновением через божественную истину. В системе Фридриха Шлегеля и всего немецкого романтизма ирония происходит из чувства неспособности выразить божественную бесконечность. Слова и средства языка не могут выразить всей полноты постижения божественного, как ее постигает дух в истине. Чувство иронии немецких романтиков помогало преодолеть любую видимость знания. Она за счет объединения в себе противоположностей редуцировала любое знание. При этом Фридрихом Шлегелем ирония была заложена в основу философской системы иенского романтизма. Для него ирония стала методом философствования. В его «Фрагментах» она проявилась полно и всецело, заявив о появлении нового направления в философии — философии романтизма.

Для романтической философии ирония стала фильтром, критикующим и подвергающим сомнению все и вся. Подобно «лезвию Оккама» ирония отсекала от истинного бесконечного знания все сомнительное и недостовверное. К тому же благодаря иронии знание становится по-настоящему бесконечным, поскольку усиливаются его сверхчувственные и интуитивные характеристики.

Это чувственная манера философствования проявилась в самом жанре беседы, столь свойственном иенскому кружку романтиков как особая форма соединения мысли и поэзии. Она получила название «симфилософии». В симфилософском стиле написана и повесть Шлегеля «Люцинда». Это особый стиль повествования, больше похожий на волну вдохновения, попытку понять и постичь бесконечную суть божественного. О сути симфилософии Фридрих Шлегель писал своему старшему брату Августу Вильгельму Шлегелю: «Особенно привлекает меня здесь Симфилософия (совместное философствование), совместная критика. Во-первых, это само по себе любимая моя идея, во-вторых, меня привлекает воплотить ее именно с тобой» [6, с. 124]. Дух симфилософии был положен в основу журнала «Атенеум» — главного печатного органа иенского кружка романтиков.

Для иенского кружка симфилософия стала синтезом искусства, поэзии и философии, одобренным философской системой иронии Фридриха Шлегеля. Ирония, по мысли Шлегеля, должна была подвинуть весь немецкий романтизм от философии трансцендентального к философии искусства. Поскольку ирония «содержит и пробуждает чувство неразрешимого противоречия между безусловным и обусловленным, между невозможностью и необходимостью исчерпывающей полноты высказывания» [1, с. 287]. Философ, использующий иронию как метод философствования, находится в постоянном поиске, поскольку ирония все идеи и мысли его ставит под сомнение.

Ирония должна была способствовать ускорению смены эстетических парадигм. «Момент кажется созревшим для эстетической революции, благодаря которой объективное смогло бы стать господствующим в эстетической культуре современности. Но ничто великое не совершается само собой, без усилия и решимости!», — писал Фридрих Шлегель [1, с. 127]. Ирония, считал Р. Бубнер, это то, что высказывают те, кому знаком дух времени, поскольку «в требовании иронии выражается веление времени, а это веление времени — следствие обращения к истории, а именно: к контексту актуализированного в рамках современности» [7, с. 86]. В своих «Фрагментах» Фридрих Шлегель прямо называет философию — родиной иронии, которую он считал логической красотой, поскольку «везде, где в устных или письменных беседах философствуют не вполне систематически, следует поощрять иронию» [1, с. 282].

Ирония позволила Фридриху Шлегелю произвести рефлексию философии и искусства. После этого он собирался объявить о рождении поэзии будущего, в которой бы философия и искусство стали едины. О сути

иронии Шлегель писал: «Одинаково невозможно как измыслить ее искусственно, так и изменить ей. У кого ее нет, для того и после самого откровенного признания она останется загадкой». Ирония никого не должна вводить в заблуждение, однако все в ней должно быть одновременно «и в шутку и всерьез». Она рождается на стыке жизненного искусства и науки, как соединение натурфилософии и философии прекрасного. В тоже время ирония является самой свободной манерой философствования и самой закономерной манерой ее проявления. Она все ставит с ног на голову, позволяя философу и художнику возвыситься над самим собой [1, с. 287].

Объединение философии и искусства должно было способствовать появлению новой объективности. Ирония ведет к абсолютной истине, а, следовательно, ищет объективное во всем субъективном.

Философская система иронии Фридриха Шлегеля стала попыткой осмысления новой эстетической парадигмы. Иронию Шлегель использовал как «лезвие Оккама», чтобы избавить философию от бесполезных догм. Система немецкого философа открыла новую эпоху в развитии ев-

ропейской мысли. Использование иронии как «лезвия Оккама» позволило Фридриху Шлегелю отсечь от современной философии все лишнее, повернув ее в сторону искусства и возвращения к античным корням. Это дало возможность романтизму укрепить свои позиции в качестве новой эстетической парадигмы. Во многом из-за радикальных оценок Гегеля позитивистские идеи Шлегеля ошибочно воспринимались как часть концепции философии романтической иронии. Хотя философия романтизма во многом предвосхитила философию постмодернизма.

Постмодернизму, как и романтизму, свойственен конфликт поэта и толпы, олицетворяющий борьбу гения с посредственностью. Здесь столь же силен культ бессознательного и бесконечного, стремление к маргинальному и созданию произведений искусства на стыке социального и психологического. Также, как и романтизм, постмодернизм возник на волне противостояния бесконечного гения с конечной повседневностью и обыденностью. Оппозиционность и отрицание господствующей «классической» эстетической парадигмы сближает постмодернизм с романтизмом.

Литература:

1. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. М.: Искусство, 1983. Т. 1. 479 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения в 14-и т. М.: Партийное издательство, 1929–1959. Т. 10536 с.
3. Кьеркегор, С. О понятии иронии // kierkegaard.newmail.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kierkegaard.newmail.ru/works/Begrebet_Ironi.html. 24.03.2014
4. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения в 14-и т. М.: Партийное издательство, 1929–1959. Т. 4646 с.
5. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. М.: Искусство, 1983. Т. 2. 448 с.
6. Friederich Schlegels Briefe an seinen Bruder August Wilhelm. Hrsg. von O. F. Walzel, — Berlin, 1890. S. 218
7. Bubner, R. Zur dialektischen Bedeutung romantischer Ironie // Der Aktua-litat der Friihromantik. Hrsg von E. Behler, Johan Horisch. Padeborn, 1987. 348 p.

Социально-философский феномен журнализма

Епанчинцев Василий Валерьевич, аспирант
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Журнализм уже давно стал способом подхода к действительности, не исследующим факт, а пытающимся дать ему мгновенную оценку. При всей свободе в форме журнализм остается крайне консервативным в мысли. Он сконцентрирован на поверхности жизни, — для журнализма важна не проблема, а сам результат. В отличие от научного и художественного постижения мира журнализм оперирует готовыми штампами и трафаретами.

В 20 веке под термином «журнализм» в России понимали занятие журналистикой, литературно-публицистической деятельностью и сотрудничество с периодическими изданиями. Например, Исторический словарь галлицизмов русского языка определяет «журналистику» как «одну из форм литературной деятельности, профессию

журналиста» [1]. Толковый словарь Ушакова определяет «журнализм» как свойства, присущие журнальному производству, журналистской профессии [2]. В английском языке «журнализмом» называют род занятий или стиль деятельности СМИ. Владимир Даль связывал «журнализм» с документальной «срочной словесностью». Л. Г. Свитич определяет журнализм как «массинформационную медиацию, основой которой является креативная деятельность, связанная с созданием, пересозданием и оперативным распространением информации в ритмизированной, дискретной форме на всех уровнях информационных процессов» [3, с. 5].

Журнализм расширяет общепринятое понятие журналистики, обобщая свойства данного предмета и позволяя

взглянуть на него с философской точки зрения. Поэтому понятия «журнализм» и «журналистика» имеют разный объем. Центральным понятием «журнализма» является сама профессия журналиста, но сюда же стоит включать и все составные части информационного пространства.

Для понимания социально-философского феномена журнализма необходимо прежде всего уяснить саму суть термина «феномен». В философии это понятие имеет широкое значение. Иногда феномен понимают как синоним явления. Платон считал, что феномен противостоит сущности вещи, как неустойчивая форма реальности. Иммануил Кант разделял феномен и непознанную «вещь в себе». Широко развил понятие «феномен» Эдмунд Гуссерль. Психическим фактам Гуссерль противопоставляет «чистые феномены», избавленные феноменологической редукцией от характеристик обыденного сознания. Феномен становится целостной единицей того, что можно вычленил в сознании. Существует понятие феномена как объекта чувственного созерцания. В таком случае феномен противопоставляется ноумену — предмету интеллектуального созерцания. В любом случае феномен является реализацией смысла и сущности.

Главной характеристикой журнализма является его универсальность. Сегодня он становится синтезным явлением. Новый глобальный журнализм — вещь, не имеющая границ. Журналист превращается в полифункциональное оружие, способное удовлетворить любые потребности аудитории в информации и развлечении. В глобальных сетях журнализм все более подвержен влиянию общепринятых шаблонов и стандартов. Художественное творчество и креатив в журнализм приносят безграничные возможности этих же глобальных сетей. Журнализм вплетается во все виды информации. Сетевые медиа сейчас несут свободу и независимость. Журнализм с каждым днем все больше влияет на общественное мнение, противостоять этому может только свобода выбора информации. Медиажурнализм стал саморегулируемым, а информация приобрела характер товара. С дальнейшим развитием технологий журнализм рискует стать более открытой и доступной профессией.

Однако он не прекратит принадлежать социуму в рамках определенной цивилизации. Важно понимать, что журналистика является социальной информационной системой сходной по своему устройству с другими системами общества на конкретном этапе развития. Однако социальные факторы ее не ограничивают, несмотря на включенность этой информационной системы в социо-природные и цивилизационные процессы.

На социальность журнализма влияет функционирование журналистики в обществе, которое является главным субъектом информационного воздействия. Потребность в информации, обусловленная политическими, экономическими, социальными, духовными и биологическими процессами, запускает в обществе информационную деятельность. Также запустить информационную деятельность может элементарный интерес аудитории.

Получается, что журнализм действует в двух направлениях — общественных потребностей (социальные институты сообщают СМИ информацию, которая доходит до аудитории со стороны ее интересов) и аудиторных интересов (социальные интересы аудитории, расходящиеся с объективными интересами). Во втором случае коммерческие структуры видят в потакании интересам аудитории свою коммерческую выгоду. Оптимальность развития общества определяет тем, насколько сбалансированы эти два направления.

Для тоталитарного общества характерна неразвитость направления аудиторных интересов. В демократическом обществе оба этих направления равноправны. Потакание низменным интересам публики приводит к развитию так называемой «желтой» прессы, что в свою очередь ведет к дестабилизации ситуации в обществе. Стихия интересов, не соответствующих объективным общественным потребностям, ввергает журнализм в хаос распушенности и двойных стандартов нравственности. Идеальным является комбинирование общественного и аудиторного направлений с небольшим преобладанием общественного.

Журнализму свойственны черты профессий по типу «человек-человек», «человек-знак» и «человек-художественный образ». Его главной функцией является удовлетворение информационных потребностей общества. При этом информационная потребность распределяется равномерно по всем уровням общества. Журнализм просвещает и регулирует сферы сознания, осуществляя коммуникативную, рекреативную и прагматическую функции в жизни общества. Журнализм влияет на социальные процессы через общественное мнение и задействование через СМИ членов общества в процессах управления.

Объекты познания журналиста включают в себя сферы духовного и материального, все субъекты общества. Сознание человека является объектным полем деятельности журналиста. Через сознание он воздействует на личность, группу и общество.

Особенностью журнализма можно считать комбинацию творческой, литературной деятельности с организаторской работой. Это умственная деятельность, вписанная в обработку знаковых систем (информации, языка).

Журнализм универсален еще и благодаря сочетанию рационального и чувственного, разноритмовыми предметами деятельности, высокой социальной ответственности, эвристичности и адаптационной неопределенности. В журнализм входят несколько видов деятельности — художественно-творческая, редакторская, организационная, информационная, PR-функция. Универсализм журналиста определяет его бинарность. Из-за чего журнализм стремится запечатлеть вечное в сиюминутном и рутинном.

С философской точки зрения журнализм является всем и ничем, он наполняется в зависимости от потребностей социума. В творческую зависимость журнализм включает процесс редактирования индивидуальной креатуры. Неизученность проблемы неизбежно сталкивается

с желанием глубже проникнуть в нее. Субъективность журнализма стоит в оппозиции к необходимости отражать объективную картину реальности, через палитру мнений. Интравертность его творческого компонента вступает в конфликт с его публичностью. Творческая деятельность неизбежно сталкивается с рутинными, коммерческими и издательскими процессами.

Креативность журнализма связана с социальным креатизмом, со способностью проникнуть в смысловую суть процессов художественно настроенной личности. Если рассматривать творчество как отражение действительности, то журнализм всегда нацелен на адекватную передачу происходящего. От этого зависят действия общества, чьи потребности в информации журнализм удовлетворяет. Таким образом, лучшим проявлением творчества становится проникновение и передача сути действительности, наиболее объективное отражение происходящего.

Предмет познания журнализма — изменчивый мир, который он познает через эмпиризм. Журнализм осваивает действительность рациональными и образными способами, используя эмпирическое и теоретическое познание. Журнализм как феноменологическая система способен познавать сущностные постоянные смыслы. Ярким примером тому может служить аналитический журнализм.

Только журнализм в целом, освещая жизнь сегментов общества, способен подобающе отразить все общественные процессы, формирующие действительность. Творчество в данном направлении журнализма состоит в приближении к стандарту реальности, в равной передаче информации обо всех сферах жизни.

Если рассматривать творчество как созидание жизни, то журнализм воздействует на общество и человека. Информация имеет творящие сущностные особенности, изменяющие и формирующие среду. Творящие функции журнализма следует понимать как распространение парадигм существования, информационных моделей жизни человека. Иначе говоря, это социоинформационное творчество. СМИ имеют большее влияние на человечество,

чем вожди и пророки. Журнализм создает реальность, воздействуя на человека. Тем самым журнализм включен в процесс миротворения. В рамках этого направления журнализм должен действовать на благо общества, исходя из общепринятых ценностных норм.

В журнализме ценится особая форма подачи материала, композиции, способа изложения, хода мысли, иронии и игры слов. Большой популярностью пользуются материалы с новизной в подходе к информации, оформлении, композиции и проблематике. Журнализм является документально конкретным творчеством, взаимодействующим с обработанной действительностью. Образ, создаваемый им, обычно имеет фрагментарный характер и может ни в коей мере не уступать по яркости и сочности художественно-литературному образу.

Неизбежно историческая и информационная активность в жизни общества соприкасаются с термином Л.Н. Гумилева «пассионарность» [4] и производным «пассионарным журнализмом». В исторически напряженные этапы (смены общественных парадигм, воин и революций) пассионарная разновидность журнализма выходит на первый план. Можно вспомнить имена ярких представителей пассионарной публицистики времен Великой французской революции — Марата и Робеспьера. Пассионарный журнализм проявляется именно в такие периоды в публицистике. Более спокойными и вдумчивыми являются гармонический и аналитический журнализмы. В ситуации, когда нужно сохранять лишь стабильность в обществе усиливается безоценочный сугубо новостной журнализм. Такой журнализм актуален для США и других стабильных стран, но никак не для России. В нашей стране в период активных общественных преобразований данный тип прижиться не может.

Тип журнализма напрямую зависит от этапа развития общества, нахождения его на стадии перехода в иное состояние. В период социального перелома журнализм становится моложе, привлекая на свою сторону новые темы. В таких условиях непременно увеличивается свобода творчества.

Литература:

1. Исторический словарь галлицизмов русского языка // galicismes.academic.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://galicismes.academic.ru/15309/%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B006.05.2014>
2. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка // ushakovdictionary.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=1554106.05.2014>
3. Свитич, Л. Г. Феномен журнализма. М.: МГУ, 2000. 252 с.
4. Гумилев, Л. Н. Конец и вновь начало. М.: ДИ-ДИК, 1994. 544 с.

Das Problem des Wertewandels in der modernen Gesellschaft

Kutsowa E. L., Kandidat der philosophischen Wissenschaften, Dozent

Zayats Z. V., Studierende der Aspirantur

Institut für Dienstleistungen und Unternehmertum (Zweigstelle) der Doner staatlichen technischen Universität Schachty, Gebiet Rostow am Don

Die moderne sich stetig entwickelnde — Gesellschaft zeichnet sich durch Globalisierung und einen demographischen Wandel aus. Diese Erscheinungen führen zu Veränderungen der gesellschaftlichen und individuellen Wertevorstellungen. Die gesellschaftlich kulturellen Veränderungsprozesse sind in verschiedenen Lebensbereichen zu beobachten. Das betrifft vor allem solche Lebensbereiche wie Arbeitswelt, Religion, Verhältnisse zwischen den Generationen und sogar die Vorstellungen über zwischenmenschliche Beziehungen. Daraus ergibt sich das Problem der Begriffe «Wertewandel» oder «Werteverfall»?

In diesem Artikel versuchen wir herauszufinden, welche Werte der Transformation unterzogen sind und welche Gründe diesen Wertewandel herausgerufen haben.

Die Wertevorstellungen der Menschen veränderten sich im Laufe der historischen Entwicklung. Der Wertewandel in der modernen Gesellschaft lässt sich in drei Phasen gliedern: Der Kapitalismus in seiner heroischen Phase beruht auf bürgerlichen Werten (christliche Werte; Primärtugenden). Mit der Romantik (um 1800), spätestens aber mit der Pariser Bohème (um 1850) beginnt die Konjunktur der antibürgerlichen Werte: der Haß auf den Bourgeois; der Kult des Nonkonformismus. Diese Phase endet mit dem Ende der 60-er Jahren. [5]

Das 21. Jahrhundert orientiert sich an ambivalenten Werten. Man kann auch von Wertparadoxien oder von Werthybriden sprechen, wie sie sich z. B. im «compassionate conservatism, dem caring capitalism oder dem liberalen Paternalismus» [2] zeigen.

Hierbei gilt es zu berücksichtigen, dass den größten Transformationen unserer Meinung nach solche Werte wie Gemeinschaft, Familie, Sicherheit, Erfolg, Selbstentfaltung unterzogen wurden. Deutlich wird das aus unserer Studie von Wertemodifikationen.

Empirische Untersuchungen zum sogenannten Well-being zeigen immer wieder, dass nichts für Glück und Wohlbefinden wichtiger ist, als mit anderen in enger Verbindung zu stehen. Soziale Bindungen schränken aber Freiheit und Autonomie des Individuums ein. Daraus ergibt es sich aber, dass Glück nicht mit Unabhängigkeit korreliert ist. Eher gilt es umgekehrt: Was uns glücklich macht, bindet uns.

Neben Ehe und Familie waren traditionell Freundschaft und Gemeinschaft die Schauplätze solcher engen Verbindungen. Doch die modernen Kommunikationstechnologien haben die Begriffe Freundschaft und Gemeinschaft radikal verändert.

Die Bindungen der Freundschaft sind heute «links», und die Gemeinschaft ist heute ein soziales Netzwerk im Web 2.0. In der alten Welt war es extrem zeitaufwendig, Freund-

schaften zu pflegen — und deshalb hatte man auch nicht mehr als fünf, sechs wirkliche Freunde. Heute dagegen brüsten sich viele Netzwerker damit, in der virtuellen Welt Hunderte von Freunden zu haben. Zu beachten ist, dass die Bindungen zu hundert Freunden viel schwächer sein müssen, als die traditionelle Bindung an die Busenfreunde. Aber gerade das wird durch die Logik der Netzwerker belohnt. Denn gerade schwache Bindungen sind besonders informationsstark.

Es sei betont, dass Gemeinschaft nicht mehr das Gegenteil von Gesellschaft ist. Die Virtual communities und Social networks verbinden die Vorteile von Gemeinschaft und Gesellschaft. Man ist in die Gemeinschaft nicht hineingeboren, sondern kann sie frei wählen und beliebig aktivieren. [1] Und die virtuelle Gemeinschaft ist nicht lokal beschränkt, sondern organisiert sich weltweit nach Interessen, Kompetenzen und Vorlieben. Was von Bedeutung ist, ist Gleichgesinntheit.

Zwischen den Extremen der kalten formalen Organisation der Mitglieder und der stillwarmen Solidargemeinschaft der «Brüder» bildet sich heute eine emanzipierte Gemeinschaft von Operatoren heraus, die weder ungesellig noch gesellig sind. So lässt sich die moderne Gesellschaft als Netzwerk hochselektiver Verknüpfungen darstellen, geprägt durch einen vernetzten Individualismus und eine fortschreitende Privatisierung der Geselligkeit. Von der Anarchie des Marktes unterscheidet sich ein Netzwerk durch gemeinsame Werte, und von der formalen Hierarchie unterscheidet es sich durch seinen informellen Charakter [5].

In offenen Netzen gibt es verschiedene Stufen der Anonymität. Die Vorteile liegen auf der Hand: Wenn man anonym bleiben kann, kann man ohne Gesichtsverlust seine Meinung ändern. Aber dabei ergibt sich die Frage, ob wir in einem solchen Fall sich selbst als Person nicht verlieren?

Eine der stärksten Formen der Gemeinschaft ist die Familie. Aber ihre Bedeutung als Wertes hat sich geändert.

Die Erfolgreichen des 21. Jahrhunderts haben die Familie als Ressource entdeckt. Das Familienleben wird nicht als Idyll, sondern als kooperativer Konflikt empfunden. Die Familie wird betrachtet als Ort der Konvergenz aller gesellschaftlichen Rollen, die man zu spielen hat. Die Ehe besteht ja selbst aus zwei aufeinander abgestimmten Rollen, jede von denen für die andere zugleich Publikum ist. Es geht nicht ums Gewinnen, sondern um die Aufrechterhaltung der wechselseitigen Anteilnahme. Die Familie ist der Ort, an dem das Prinzip der persönlichen Vorteilsmaximierung ausgeschaltet ist. Man kann sicher behaupten, dass die Familie die Welt der starken Bindungen ist.

Familien bilden die Welt der akzeptablen Ungleichheit: es werden asymmetrische Opfer gebracht. Kinder aufzuziehen

und eine Ehe zu führen «bis dass der Tod euch scheidet», erfordert aus der Perspektive einer Kosten-Nutzen-Kalkulation irrationale Opfer. Die größten Vorteile starker Familienbindungen kommen nämlich meist nicht denen zugute, die die größten Verpflichtungen auf sich nehmen.

Familien produzieren Gefühle. In der Liebe hat man nicht nur den Nutzen des eigenen Konsums, sondern auch den des Partners, gewissermaßen Freude an der Freude des anderen. Liebe heißt ökonomisch betrachtet, dass mir der Konsum des Partners genau so viel Nutzen bringt wie der eigene Konsum. Intimität, die Wertbindung der Ehe und gegenseitige Unterstützung bringen beiden Partnern Gefühlsdividenden.

Die Rollen als Ehepartner und Eltern sind Quellen der Selbstwertschätzung; sie bieten Belohnung, Status und Chancen der Flucht aus dem Stress des öffentlichen Lebens. Es geht hier um den kathartische Mehrwert des Familienlebens: die Lizenz zum Sichgehenlassen und das Genießen einer erläuterungsunbedürftigen Existenz.

Aber warum neigt die Jugend von heute nicht dazu, eine Familie zu gründen? Warum haben moderne Familien kleine Anzahl der Kinder? Der Grund scheint einfach zu sein: Egoismus und Hedonismus. Das ist eine Nebenwirkung der postmodernen Kultur.

Werte von Familie und Gemeinschaft hängen eng mit Sicherheit zusammen. In der heutigen Welt ist das Konzept der «Sicherheit» ungewiss. Unsere Wohnungen sind mit verschiedenen Sicherheitssensoren, Sprechanlagen, Brandschutzsystemen, automatischen Polizeianruftasten ausgestattet. Aber zur gleichen Zeit sind wir in der virtuellen Welt und in der Medien-Welt zu leichtgläubig. Hier ist ein Paradoxon der Werte. Wir haben Vertrauen zu allem, was gedruckt und veröffentlicht ist, obwohl das heutige Niveau von Hochtechnologien das Unmögliche möglich macht. Es liegt auf der Hand, dass hier ständig manipuliert wird. Aber unser Vertrauen in die Massenmedien ist trotzdem alternativlos.

Sicherheit ist auch das große Thema der Internet-Gesellschaft, weil Unsicherheit ihr Lebelement ist. Bekanntlich kann man das Internet nicht kontrollieren, weil es zu komplex und dezentral strukturiert ist. Information fließt frei; das erkennt man daran, wie aufwendig, schwierig und letztlich erfolglos Zensurversuche sind. Das Internet kann nicht sicher, sondern nur robust sein. Kunden möchten als Individuen behandelt werden und hinterlassen gerade dadurch Datenspuren, aus denen findige Programme «Profile» erstellen können. Solche stochastischen Profile führen unter dem Namen «Trends» längst ein Eigenleben in der Öffentlichkeit. Identity Management ist ein neuer technischer Begriff, der um Sicherheitsfragen im Netz, Kundenprofile und Datenspuren kreist.

Damit werden wir selbst anschaulich, und es sind eben auch die Informationen über uns als User, Kunden und Bürger für alle anderen durch einen Mausklick zugänglich.

Zu erwähnen ist auch der Wert Erfolg.

Wenn eine Person eine Familie, Gemeinschaft und Sicherheit hat, dann wird es als Erfolg bewertet. Und wie hat

sich dieser Wert verändert? Hierbei gilt es zu berücksichtigen, dass es in unserem Land eine lange Zeit eine negative Einstellung zum Erfolg gab. Wahrscheinlich war dies aufgrund der dominierenden sowjetischen Ideologie. Das Prinzip der «universellen Gleichheit» war mit erfolgreichen Menschen unvereinbar. Aber in den letzten Jahrzehnten haben sich die Jugendlichen wieder mit dem Leistungsprinzip versöhnt. Das Ressentiment gegen den Erfolg führt heute nur noch ein Nischendasein. Gerade die emanzipierten Frauen drängen ja auf Karriere. Doch beides, Erfolg wie Karriere, gibt es heute nur noch in gebrochener Form. Die Metapher von der Karriereleiter ist endgültig zerbrochen. Eine moderne Karriere ist nicht mehr linear, sondern mosaikartig und fraktal. [4]

Der Erfolg ist nun als persönliches Verdienst des Menschen angesehen und kann durch Selbstverwirklichung erreicht werden.

Der Begriff der Selbstverwirklichung wird mit dem Begriff der Selbstentfaltung verbunden. Das vermittelte Wissen gibt den Jugendlichen eine Möglichkeit der Relativierung von Wertvorstellungen ihres sozioökonomischen Umfeldes. Dazu kommt, dass sich die Sozialisation Jugendlicher heutzutage meist in den Gruppen vollzieht, was zu einer Wertevorstellung in Richtung Selbstständigkeit und Selbstentfaltung führt. Die Bildung von Selbstentfaltung ist eine Priorität für moderne Ausbildung. Dieser Zwang zur Selbstentfaltung stellt einen bedeutenden Faktor in der Werteorientierung dar. Das moderne Bildungssystem offeriert den Schülern die Möglichkeit der Selbstdarstellung, die es in dieser Form noch nicht gegeben hat. [6] Selbstentfaltung entspricht den Erfordernissen moderner Gesellschaften.

Aber die positive Entwicklung der Selbstverwirklichung hat eine Rückseite — sie hat den Verlust seiner Persönlichkeit zur Folge. Viele, vor allem junge Menschen, die mit dem Internet aufgewachsen sind und es als eine zweite Natur erfahren, können mit unseren klassischen Begriffen von Privatsphäre und Intimität gar nichts mehr anfangen. «Russland sucht den Superstar und Casting-Shows im Fernsehen, YouTube und MySpace im Internet signalisieren Exhibitionismus als neuen Megatrend. Doch was steckt dahinter? YouTube spricht es aus: Broadcast yourself. Hier geht es um neue Formen einer öffentlichen Zurschaustellung von Identität. Wer bin ich? Auf diese Frage wird man heute antworten: Gib deinen Namen bei Google oder Yahoo ein, google deine Identität». [5]

Dabei sehen wir die Lücke zwischen dem «Ich bin Real» und «Ich bin Virtuelle». Das ist für die eigene Identität nicht nützlich, sondern verwandelt einen Menschen in eine graue Masse. Der Wert Selbstverwirklichung ändert seine Bedeutung.

Zusammenfassend zeigen die Wertewandelstudien, dass sich solche Werte wie Gemeinschaft, Familie, Sicherheit, Erfolg und Selbstentfaltung in der modernen Gesellschaft geändert haben. Daraus können wir folgende Schlussfolgerungen ziehen:

- 1) Es gibt einen Rückgang von Werteeinstellungen.
- 2) Die traditionellen Werte mit ihrer klassischen Interpretation werden durch die neuen ersetzt.

3) Aktuelle Werte sind eng mit der Kultur der Postmoderne verbunden, vor allem mit der Internet-Kultur.

4) Werte des 21. Jahrhunderts kennzeichnen sich durch einen individualistischen und hedonistischen Charakter.

Die durchgeführten Wertestudien machen auch deutlich, dass der Wert der Persönlichkeit heute, wie früher, mit dem

Wunsch verbunden ist, ihre Existenz mehr frei und informationsreich zu machen. Doch das ist ein Teufelskreis, der Befriedigung der einen Bedürfnisse folgen immer neue, kompliziertere. Gleiche moralische Gründe sollen auch in der Informationsgesellschaft bewahrt werden, sonst wird es einfach aufhören, menschlich zu sein.

Und diese Werte sind zeitlos.

Bibliography:

1. Heinemann I. Wertewandel, Version: 1.0//Docupedia-Zeitgeschichte, 22.10.2012. — URL: <http://docupedia.de/zg/Wertewandel>
2. Himmelfarb G. The De-moralization Of Society: From Victorian Virtues to Modern Values. — NYC., 1996. — P. 259.
3. Klages H. Wertorientierungen im Wandel. Rückblick, Gegenwartsanalyse, Prognosen, Frankfurt. — 1984.
4. Noelle-Neumann E. Zeitenwende. Der Wertewandel 30 Jahre später, in: Aus Politik und Zeitgeschichte B 29 (2001), S. 15–22, bes. S. 16–18.. — URL: <http://www.bpb.de/apuz/26133/zeitenwende-der-wertewandel-30-jahre-spaeter?p=all>.
5. Norbert Bolz. Werte — Index 2014. Wertewandel. — URL: www.tu-berlin.de.
6. Wertewandel. // Informazionnyi portal swobodnoi enziklopedii «Wikipedia» — 2014. — URL: <http://de.wikipedia.org/wiki/Wertewandel>

Попытка диалектического определения эстетических категорий прекрасного и безобразного

Рябов Алексей Анатольевич, консультант главы Думы Нефтеюганского района
Дума Нефтеюганского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Постольку, поскольку философские категории являются в большинстве случаев *парными* понятиями, то определение одного из них, как правило, содержит в себе отсылание и противопоставление другому. Так, например, свобода определяется через необходимость; сущность через явление и, наоборот, явление — через сущность. В этом смысле *всякое определение* (понимаемое как *определение, установление семантических пределов, границ понятия*) представляет собой *отрицание* противоположности, и именно в этот момент подчёркивает Б. Спиноза в знаменитой максиме: «Omnis definitio est negatio» («Всякое определение есть отрицание»).

Поэтому, для того, чтобы сущностно определить *прекрасное*, представляется необходимым рассмотреть эту категорию эстетики в её противопоставлении с противоположной ей категорией *безобразного*. Однако, постольку, поскольку категория прекрасного является ближайшей «модификацией» категории *эстетического*, то представляется разумным сначала определить именно её, исходя из анализа, проведённого в предыдущей главе.

Прежде всего следует отметить, что в литературе категория *эстетического* определяется либо совершенно бессодержательно, либо тавтологично. Так, например, один из ведущих отечественных эстетиков, В. Бычков,

даёт такое «определение»: «Эстетическое — наиболее общая категория эстетики, метакатегория, с помощью которой обозначается предмет эстетики и выражается сущностное родство и системное единство всего семейства эстетических категорий» [8, с. 467]. Или ещё один известный эстетик — Ю.Б. Борев: «метакатегория, то есть самая широкая и фундаментальная категория эстетики. Она отражает то общее, что присуще прекрасному, безобразному, возвышенному, низменному, трагическому, комическому, драматическому и другим эстетическим свойствам жизни и искусства. Эстетическое было осознано как самостоятельная и основополагающая для системы эстетических знаний категория только во второй половине XX в. (Л. Столович, В. Ванслов, Ю. Борев)» [4, с. 32].

Однако в некоторых других текстах (не справочных, а специально-научных) те же самые авторы дают более развёрнутые дефиниции. Так, например, В.В. Бычков, исследуя эстетическое сознание Отцов церкви, пишет: «К сфере эстетического... относятся все компоненты системы *неутилитарных* взаимоотношений человека с миром (природным, предметным, социальным, духовным), в результате которых он испытывает *духовное наслаждение*» [7, с. 8].

Исходя же из праксеологического понимания природы эстетического отношения-к-миру, можно дать такое

определение этой фундаментальной категории эстетической науки: *эстетическое* — это *предельная* категория эстетики, выражающая неутилитарное эмоциональное переживание субъектом своего собственного чувственного восприятия явления, которое «захватывает» экзистенцию данного субъекта, не оставляя его равнодушным по отношению к этому явлению.

Возможность такого отношения-к-миру коренится в способности человека вообще неравнодушно («страдательно», симпатически) относиться к миру, что, в свою очередь, фундировано в предметной преобразующей деятельности, в рамках которой человек дан как диалектическое единство субъектного и объектного, т.е. между человеком и миром имеется не просто физическо-физиологическая связь, но связь сущностно *симпатическая*: в предметном мире человек воплощает самого себя как экзистенциальное существо.

Относительно данного нами определения категории эстетического хотелось бы сделать три существенных замечания. Во-первых, что касается проблемы *незаинтересованности* эстетического отношения, идущей от И. Канта, то от неё (в рамках деятельностного подхода) следует отказаться, ибо, если эстетическое (в форме прекрасного) доставляет нам *удовольствие, наслаждение*, то мы, разумеется, *стремимся к нему*, т.е. мы *заинтересованы* в постоянном повторении этого наслаждения. *Интерес* этот, безусловно, носит *неутилитарный* характер, но всё же это именно *интерес*. Более того, всякая деятельность имеет своей движущей силой (мотивом) некоторую потребность, т.е. некоторый «интерес». В том числе и деятельность эстетическая: моё прослушивание (или исполнение) музыки имеет целью удовлетворить мою потребность в переживании эстетического наслаждения от самой деятельности прослушивания.

Во-вторых, О.А. Кривцун считает, что собственно эстетическое существует только через отношение к художественному произведению. Он пишет: «Важно понимать, что фокусирование в каком-либо понятии определенного типа эмоциональных реакций вовсе не означает, что перед нами — тот или иной тип эстетического отношения. Так, трагические или сентиментальные чувства, взятые сами по себе, есть предмет для изучения своеобразия психологических реакций. Эстетическими их делает преломленность и выраженность в определенном качестве художественной формы... Эстетический статус все чувства приобретают лишь тогда, когда обозначаемое ими содержание оказывается соответственно оформленным, начинает действовать на художественной территории, когда эмоциональное переживание демонстрирует себя через произведение искусства, придающее ему особое эстетическое измерение, выразительность, структуру, рассчитанную на определенный эффект» [10, с. 7]. — С этим суждением мы не можем согласиться, ибо в нашем бытии имеет место эстетическое восприятие таких, например, *естественных* (т.е. не-произведённых-человеком и, соответственно, *не являющихся* художественными) форм, как природный ландшафт,

закат, рассвет. Более того, почти во всех текстах, где анализируется категория *возвышенного* и *грандиозного*, всегда приводятся примеры именно природного характера (шторм, извержение вулкана, буря). И не важно, что мы воспринимаем эти явления уже сквозь призму ранее интериоризированные художественные формы и структуры сознания. Природные явления эстетичны в смысле неравнодушного субъект-объектного отношения «сами по себе» вне художественной формы.

И, наконец, третье замечание касается момента *наслаждения*, о котором всегда говорят, когда речь заходит об эстетическом. Дело в том, что, с нашей точки зрения, эстетическое — это *предельная* категория эстетики, которая в свёрнутом виде содержит в себе категории прекрасного и безобразного и далее — все остальные эстетические категории и понятия. Поэтому в отношении собственно эстетического речь может идти только лишь об «общем», «чистом» экзистенциальном переживании чувственного восприятия явления без указания на его (переживания) модальность (удовольствие/неудовольствие, наслаждение/страдание, комическое/трагическое, возвышенное/низменное). И только на следующем уровне — уровне категорий прекрасного и безобразного — мы уже можем фиксировать модальности эстетического переживания.

Именно здесь мы и переходим к анализу категорий прекрасного и безобразного, из которого попытаемся вывести общую дефиницию прекрасного, чтобы далее иметь возможность перейти к исследованию развития этой категории в истории западноевропейской эстетики.

Категории *прекрасного* и *безобразного* являются ближайшим развитием категории *эстетического*. В истории философии имеются различные подходы к определению этих понятий. Представим определения этих понятий у разных авторов для наглядности в виде сравнительной таблицы 1.

Итак, мы видим, что категории прекрасного и безобразного являются категориями *диалектически* соотносимыми. Их *единство* состоит в том, что они суть категории *эстетические*, т.е. такие формы, в которых схватывается *неравнодушное эмоционально-ценностное отношение человека к какому-то явлению*. Их *противоположность* состоит в том, прекрасное связано с отношением *симпатии*, а безобразное — с отношением *отвращения*.

«Отвращение, как и симпатия, не оставляет человека *безразличным*, оно захватывает его экзистенцию, и, следовательно, оно имеет непосредственное отношение к искусству. Только безразличное (*ἀδιάφορα, res mediae*) — не для искусства» [12, с. 104]. — Поэтому не прав О.А. Кривцун, который утверждает, что «строго говоря, всё здание эстетической науки строится *на единственной категории прекрасного*» [10, с. 7]. На самом деле эстетическое всегда обнаруживает себя именно в *диалектике* этих двух форм отношения человека к миру. Так, уже Аристотель показал, что в опре-

Таблица 1. Категории прекрасного и безобразного

Прекрасное	Безобразное
«Одна из главных категорий классической эстетики, характеризующая традиционные эстетические ценности. Она выражает одну из основных и наиболее распространенных форм неутилитарных субъект-объектных отношений, связана с эстетическим наслаждением, совершенством, оптимальностью духовно-материального бытия, идеалами, стилем и т. п. Наряду с <i>благом</i> и <i>истиной</i> прекрасное — одно из древнейших понятий культуры, богословия, философской мысли» [6, с. 337].	«Одна из основных эстетических категорий, оппозиционная прекрасному; обозначает область неутилитарных субъект-объектных отношений, которая связана с антиценностью, с негативными эмоциями, чувством неудовольствия, отвращения и т. п. В отличие от главных категорий эстетики (эстетического, прекрасного, возвышенного, трагического) имеет сложный опосредованный характер, т. к. дефинируется обычно только в отношении к другим категориям как их диалектическое отрицание или как интегральная антиномическая составляющая (прекрасного, возвышенного, комического)» [5, с. 227].
«Категория эстетики, характеризующая явления, обладающие высшей эстетической ценностью. Как эстетическая ценность прекрасное отличается от нравственных и теоретических ценностей (добра, истины) тем, что оно связано с определённой чувственной формой и обращается к созерцанию или воображению; в отличие от утилитарно-полезного, отношение к прекрасному носит бескорыстный характер» [11]	«Эстетическая категория, выступающая обычно как антитеза <i>прекрасному</i> , средоточие негативных характеристик бытия (бесформенное, «безобразное» и т. д.)» [3].
«Эстетическая категория, характеризующая явления, обладающие высшим эстетическим совершенством. В истории мысли специфика прекрасного осознавалась постепенно, через соотнесение его с другого рода ценностями — утилитарными (польза), познавательными (истина), этическими (добро) [9].	Безобразное — эстетическая категория, раскрывающая представления людей о несовершенстве, которое обнаруживается во внешних качествах объектов и выявляет дисгармонию в различных областях действительности.
« <i>Прекрасное</i> — исторический продукт; явления, в которых проявляется максимальное для данного уровня исторического развития общества господство человека над окружающим материальным миром. Свободное владение силами природы, умение подчинить их разумной практической цели вызывает у человека эстетическое наслаждение. Прекрасное — общечеловеческая ценность, ценность предмета для человека как рода и сфера свободы. Эти определения необходимы и достаточны для характеристики прекрасного как узловой эстетической категории» [4, с. 53].	« <i>Безобразное</i> — эстетическое свойство предметов, естественные природные данные которых имеют отрицательное общечеловеческое значение, хотя и не представляют серьезной угрозы человечеству, так как заключенные в этих предметах силы освоены человеком и подчинены ему. <i>Безобразное</i> — отрицательная общечеловеческая значимость предметов, находящихся в сфере свободы. Безобразное отталкивает, но не пугает; прекрасное доставляет наслаждение одним своим видом» [4, с. 97].
Прекрасное — это высшая эстетическая ценность, которая рождается, когда формы окружающей нас реальности совпадают с нашими представлениями о совершенстве или о том, что способствует совершенствованию жизни	Безобразное — это эстетическая ценность, которая возникает, когда формы окружающей нас реальности не совпадают с нашими представлениями о совершенстве
Прекрасное обозначает нечто притягивающее, притягательное, вызывающее удовольствие вследствие своей внутренней и внешней гармоничности, соразмерности, имманентной упорядоченности, совершенства.	Безобразное обозначает нечто отталкивающее, вызывающее неудовольствие вследствие своей дисгармоничности, несоразмерности, неупорядоченности, и отражает невозможность или отсутствие совершенства. « <i>Безобразное</i> — эстетическая категория, противоположная прекрасному и соотносительная с ним. Б. характеризует внешне выявленное разрушение некоторой внутренней меры бытия (само слово «безобразное» означает нечто неоформленное, хаотичное, не получившее «образа»)» [1].
Прекрасное — основная эстетическая категория, оппозиционная безобразному, обозначает область неутилитарных субъект-объектных отношений, которая связана с положительной ценностью, с позитивными эмоциями (радость), чувством удовольствия, симпатии и т. п.	« <i>Безобразное</i> — одна из основных эстетических категорий, оппозиционная прекрасному, обозначает область неутилитарных субъект-объектных отношений, которая связана с антиценностью, с негативными эмоциями, чувством неудовольствия, отвращения и т. п.» [2].

делённых условиях (например, в трагедии) безобразное, переданное в художественной форме, может выступать в форме прекрасного (через механизм катарсиса). Точно также и прекрасное может выступать в форме безобразного (вспомним Гуинплена и Квазимодо в художественной литературе). А Ф.В. Й. Шеллинг писал: «Так, высшая мудрость и внутренняя красота художника может отобра-

заться во вздорном или безобразном того, что он изображает, и только в этом смысле безобразное может стать предметом искусства, причем в этом отображении безобразное как бы перестает быть безобразным» [13, с. 273].

Общие свойства, которыми характеризуются *прекрасное* и *безобразное* в определениях, представленных в приведённой таблице, таковы:

Таблица 2. Противоположные атрибуты прекрасного и безобразного

Атрибуты прекрасного	Атрибуты безобразного
Высшая положительная эстетическая ценность ¹ ;	Высшая отрицательная эстетическая ценность;
Высшее эстетическое <i>позитивное</i> совершенство;	Высшее эстетическое <i>негативное</i> совершенство;
Наслаждение;	Отвращение;
Гармония (непротиворечивое единство противоположностей в сложных объектах);	Дисгармония (непротиворечивое единство противоположностей в сложных объектах);
Мера (необходимое количество);	Отсутствие меры, безмерность;
Симметрия;	Асимметрия;
Грация (красота в движении);	Неуклюжесть в движении;
Изящество (хрупкость, нежность формы, движения);	Нескладность ² , неуклюжесть, угловатость, неловкость, корявость формы и движения;
Прелесть ³ (проявление прекрасного в объектах малых форм);	Уродливость, мерзость, жуткость ⁴ (проявление безобразного в объектах малых форм);
Пропорция;	Диспропорция;
Ритм.	Аритмия, синкопа.

Итак, согласно приведённым определениям, *прекрасное* — это эстетическая ценность, характеризующая явления, обладающие высшим *положительным* эстетическим совершенством, выраженным в их возвышенной одухотворённости, гармоничности, пропорциональности, изящности, грациозности и ритмичности форм, восприятие которых доставляет субъекту эстетическое не-утилитарное наслаждение и приводит к восторгу (*εὐφορία*) и ощущению полноты бытия.

Безобразное — это эстетическая ценность, характеризующая явления, обладающие высшим *отрицательным* эстетическим совершенством, выраженным в их низменности, дисгармоничности, непропорциональности, неуклюжести, корявости, мерзости и аритмичности форм, восприятие которых доставляет субъекту эстетиче-

ское отвращение, приводит к омерзению, нежеланию его чувственно созерцать (*δυσφορέω*).

Однако такое «правильное» понимание прекрасного и безобразного не совсем верно, особенно для современной эстетики и современного искусства, ибо категории прекрасного и безобразного должны пониматься *диалектически* (синхронически одно и то же явление может рассматриваться и как прекрасное, а как безобразное в рамках их имманентного единства в структуре эстетического, понимаемого как экзистенциально-неравнодушного отношения-к⁵) и *исторически* (диахронно, динамически в одну эпоху нечто может выступать атрибутом прекрасного, в другую же — атрибутом безобразного⁶).

Поэтому, как нам представляется, надо исходить из более абстрактного определения категорий прекрас-

¹ Видимо, именно в силу этого эстетику часто называют «наукой о прекрасном». Ср.: «Эстетика — философское учение о сущности и формах прекрасного в художественном творчестве, в природе и в жизни, об искусстве как особой форме общественного сознания» (Ожегов С.И.).

² В русском языке очень трудно подобрать антоним к слову *изящный*. Некоторые предлагают такие варианты антонимов: *неотесанный, мужицкий, вульгарный, задубелый, топорный, корявый, несуразный, грубый, угловатый, неловкий* (в движениях, неуклюжий; резкий, грубый в выражениях). В польском есть соответствующее слово *niezgrabne*, а в украинском — *незграбний*, но оба эти слова при переводе на русский теряют свою антонимическую семантику.

³ Ср.: очарование, обаяние, то, что (кто) вызывает восхищение, пленяет, чарует.

⁴ В лексике XVIII века (например, у А. С. Пушкина) существовало слово *ужесть* (*ужасть*), прямо противоположное по значению *прелести*. Даже сегодня по антифрансу говорят: *ужасть какая крастота!*

⁵ Так, например, в эстетике таких далёких друг от друга музыкальных стилей, как *technical jazz* и *death metal* (и особенно *grind-core*) мелодичность, упорядоченность, ритмичность, гармоничность и изящество вообще рассматриваются как нечто *отвратительное, безобразное*.

⁶ Так, например, в эпохи, предшествующие современной стадии развития капитализма, красивыми считались *полные, дородные* женщины (женщины Рафаэля), в то время как сегодня, напротив, красивы — *худые и стройные*. Аналогичная ситуация имеет место и с образом мужчины: из могучего охотника-воина-землепашца-рабочего он превращается в утончённого интеллигента-бизнесмена-офисного работника. Общая динамика перехода от *мощи к утончённости* в женской и мужской красоте налицо. Думается, что движение к постиндустриальному обществу даст нам красавиц, страдающими анорексией, и красавцев-программистов. Итак, традиционные социальные структуры детерминируют один образ прекрасного, индустриальные — другой, постиндустриальные — третий. Но самое важное здесь состоит в том, что на этом простейшем примере мы видим непосредственную взаимосвязь между социально-экономическими структурами, порожденными конкретно-исторической деятельностью людей, с одной стороны, и эстетическими представлениями — с другой.

ного и безобразного. Предварительно (на примере категории прекрасного) можно её дефиницию сформулировать следующим образом: *прекрасное* — это одна из основных категорий эстетики, противоположная безобразному, выражающая неутилитарное эмоциональное переживание субъектом чувственного восприятия какого-либо явления, которое «захватывает» его экзистенцию, не оставляет его равнодушным по отношению к этому явлению, и вызывает у него чувство эстетического удовольствия от созер-

цания данного явления, что, как правило, связано с соответствием этого явления или его свойств представлениям субъекта о совершенстве мира.

Так, например, *гармонию* можно рассматривать и как «вечный мир» (И. Кант), и как *слаженность-ἀρμονία* Пифагора, и как *войну-πόλεμος* Гераклита. При этом все три позиции, несмотря на их противоположность, выражают именно внутренний момент прекрасного в системе мировоззрения этих трёх мыслителей.

Литература:

1. Безобразное // [http://slovari.yandex.ru/безобразное %20-%20это/БСЭ/Безобразное/](http://slovari.yandex.ru/безобразное-%20-%20это/БСЭ/Безобразное/)
2. Безобразное // <http://www.term.ru/dictionary/879/word/bezobraznoe>
3. Безобразное // Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. с. 47.
4. Боров, Ю. Б. Эстетика. — М.: Высшая школа, 2002.
5. Бычков, В. В., Бычков, О. В. Безобразное // Новая философская энциклопедия. — М., 210. Т. 1.
6. Бычков, В. В., Бычков, О. В. Прекрасное // Новая философская энциклопедия. — М., 2010. Т. 3.
7. Бычков, В. В. AESTHETICA PATRUM. Эстетика Отцов Церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин. — М.: Ладомир, 1995.
8. Бычков, В. В. Эстетическое // Новая философская энциклопедия. — М., 2010. Т. 4.
9. Кривцун, О. А. Прекрасное // Философия: Энциклопедический словарь/Под ред. А. А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004.
10. Кривцун, О. А. Эстетика. — М.: Аспект Пресс, 1998.
11. Прекрасное // Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. с. 527.
12. Рябов, А. А., Кондрашов П. Н. Эстетизация безобразного: Экспликация социально-антропологических оснований. — Екатеринбург, 2012.
13. Шеллинг, Ф. В. Й. Философия искусства. — М., 1966.

Религия и наука о сущности человека

Яковлева Екатерина Закиевна, старший преподаватель
Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (г. Уфа)

Согласно любой религии человек есть синтез двух начал — материального и духовного. Материальное бытие человека — это, прежде всего, жизнь его тела. Тело можно взвешивать, украшать, оно полнеет и худеет, бодрствует и спит, замерзает и страдает от жары. Все, что связано с его существованием, относительно. Духовное бытие связано с душой, которая является представительницей Бога в человеке [5, с. 69–70]. Душа и составляет сущность человека. Её невозможно описать через материальные характеристики — вес, объем, температуру и т. п. Она, в отличие от тела, не поддается трансформации. Её неизменность, являющаяся выражением свойства абсолютности Бога, позволяет человеку иметь в себе некую неизменную шкалу, с помощью которой он соизмеряет свои и чужие поступки. Поэтому правильная человеческая жизнь — это жизнь по нормам, тождественным алгоритмам функционирования всего бытия, являющимся генетическими источниками всех норм [4, с. 43–44]. То, что из двух видов бытия духовное

является определяющим, доказывается фактами подчинения тела душе. Например, когда человек держит пост, ведет аскетический образ жизни, он подчиняет тело велениям души. Многочисленные примеры жертвования жизнью также говорят в пользу того, что душа является повелительницей тела, а не наоборот. Со смертью тело освобождается от контроля со стороны души и начинает распадаться, а душа возвращается в сферу чистого духовного существования. «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» [1]. Когда Иисус говорил «Я и Отец — одно», он хотел сказать, что Бог в нем, что он по своей сути и есть Бог. И не только он: каждый из нас по своей сути есть Бог, так как сущность наша от Бога. Вот как характеризует эти слова Иисуса Вивекананда: «У него не было другого занятия в жизни, другого понятия, что он — Дух. Это был отъединенный от тела, раскованный, освобожденный Дух. Но дело не только в этом; он своей удивительной проницательностью был убежден в том, что каждый че-

ловец, будь он мужчина или женщина, еврей или нееврей, богат или бедняк, праведник или грешник, является воплощением того же нетленного Духа, что и он сам. Поэтому, как видно из всей его жизни, все усилия его были направлены на пробуждение духовной сущности каждого. «Отбросьте, — он говорил, — суеверные представления о собственной ничтожности и обездоленности. Думайте о том, что внутри вас существует нечто, что нельзя унижить, растоптать, убить. Все вы — сыновья Бога, Бессмертного Духа. Знайте, — провозглашал он, — Царство Божие внутри вас» [2].

Парадигма религиозной антропологии изложена в ряде работ профессора Р. Ю. Рахматуллина, объясняющего её суть в признании первичной природы сакрального, исходящего из принципа первичности Бога-творца, а отсюда — о тварной природе человека [3; 7; 8; 9].

Согласно научной антропологии, человек есть био-психо-социальное существо. Это значит, что его жизнь регулируется и биологическими, и психическими, и социальными законами. Но какие из них являются определяющими его мысли и поступки? Одни считают, что человек, как продукт эволюции животного мира, есть прежде всего биологическое существо, т.к. в основе его поведения лежат анатомо-физиологические закономерности. Другие ищут в человеке глубинные психические качества, с помощью которых пытаются объяснить его поступки. Третьи придерживаются мнения, что человек является продуктом общественных отношений и его сущность формируется той социальной средой, в которой он живет.

Рассмотрим подробнее особенности биологического, психологического и социологического подходов к объяснению человека.

Биологический подход

Предпосылки этого подхода восходят к древней медицине, когда характер человека, его болезни пытались объяснить содержанием в его организме определенного количества «соков» или «стихий». В Новое время появились работы П. Кабаниса, К. Фогта, Я. Молешотта и других мыслителей, рассматривающих психическую деятельность человека в качестве производной от его физиологических функций. Американский ученый Э. Уилсон на основе сравнительных исследований поведения насекомых, высших животных и человека пришел к выводу о наличии врожденных протосоциальных моделей поведения, на основе которых можно объяснить многие поступки человека. Одним из биологизаторских типов объяснения природы человека является социальный дарвинизм, который проецирует на социальные системы биологические закономерности. Возникновение этого направления было связано с именем Г. Спенсера. В основу своей теории он положил принцип эволюции, понимание общества как организма. Главным социальным законом Спенсер считал выживание наиболее приспособленных как принцип общественного развития. Поэтому социальные революции представля-

лись ему вредными попытками вывести общество из равновесия. Успех человека в межличностных отношениях Спенсер объясняет его биологическими качествами. Наиболее крайнее течение социального дарвинизма — расово-антропологическая школа. Представители данного направления полагали, что расово-классовое неравенство порождено природными, а не социальными законами (Ж. де Гобино, Л. Вольтман, О. Аммон, Ж. Лапуж). Таким образом, социал-дарвинизм является биологизаторским течением, объединяющим ряд школ, пытающихся свести законы развития общества к биологическим закономерностям естественного отбора, выживания наиболее приспособленных.

Психологический подход

Сторонники этого подхода рассматривают человека как совокупность определенных психических качеств, часть которых считают главной для его характеристики. Эти сущностные психические качества могут быть как врожденными, так и приобретенными. Среди множества психологических концепций личности своей популярностью выделяется теория, созданная австрийским ученым З. Фрейдом и названная классическим психоанализом. Главная заслуга Фрейда в науке состоит в том, что он открыл огромную роль в жизни человека бессознательной сферы психики. Он условно разделил психику человека на три части, которые назвал «Оно», «Я» и «Сверх-Я». «Оно» — сфера бессознательного, в которой господствуют два врожденных инстинкта — половой инстинкт и инстинкт разрушения, смерти, агрессии. «Сверх-Я» — это перенесенные в психику человека в процессе воспитания социальные нормы. «Оно» и «Сверх-Я» являются двумя противостоящими полюсами человеческой психики, между которыми находится «Я», вынужденное постоянно искать компромисс, удовлетворяющий обе стороны. Согласно Фрейду, в борьбе «Оно» и «Сверх-Я» активной, провоцирующей стороной выступает «Оно» — главный энергетический центр человека, испускающий импульсы на всю сферу его психики. Но в каких формах будут реализованы эти импульсы, зависит от «Я» и «Сверх-Я». К примеру, в соответствии с нормами «Сверх-Я», половое влечение не может быть реализовано так, как это имеет место в животном мире. Общество, представителем которого и выступает «Сверх-Я», требует соблюдения определенной социально одобряемой процедуры. Но ее соблюдение предполагает перевод части энергии, продуцируемой «Оно», на другие действия (получение образования, зарабатывание денег, строительство дома и т. п.). Такой перевод энергии «Оно» в сферу социальных действий Фрейд назвал сублимацией. Воя человеческая культура как материальная, так и духовная, предстает в этом свете в качестве сублимированной половой энергии (энергии либидо).

Сублимация осуществляется в «Я», которое постоянно занято этой работой. Если «Я» плохо выполняет эту свою

главную работу, то у человека появляется то или иное отклонение. К примеру, если «Я» допускает неоправданное господство при принятии решений «Сверх-Я», постоянное подавление им «Оно», то это, согласно Фрейдю, приводит к расстройствам психики. «Я» не должно допускать и нарушение баланса в другую сторону — подавлению «Сверх-Я» со стороны «Оно». Такое нарушение имеет следствием криминальное, аморальное поведение человека. Человек, с криминальным типом поведения предстает в этом свете в качестве субъекта, у которого влияние «Оно» на психику неоправданно велико, и «Сверх-Я» слабо участвует в процессе принятия решений.

Идеи Фрейда, которые здесь представлены лишь схематично, послужили основой для появления множества учений, известных под названием «неофрейдизм». Объединяет их с классическим психоанализом одно: утверждение о господстве в человеке определяющего его поведение психического феномена. В разных вариантах эта идея развивается А. Адлером, Э. Фроммом, К. Хорни, К. Г. Юнгом и др.

Можно по-разному относиться к фрейдизму и неофрейдизму, симпатизировать их идеям или отвергать в корне основы их учений. Представляется все же, что изучение фрейдизма и различных неофрейдистских концепций позволяет глубже понять природу человека, скрытые бессознательные мотивы его поведения.

Социологический подход

В отечественной философской литературе широко представлено марксистское учение о человеке, являющееся одним из вариантов социологического направления в антропологии. Суть этого учения основана на известном высказывании К. Маркса, что сущность человека формируется в сфере общественных отношений. Следовательно, разные общественные отношения формируют разные типы людей. Маркс и его сторонники усматривают, к примеру, причину патологии личности в ненормальных социальных условиях, в которых он воспитывался. Для того, чтобы воспитывать нормальных людей, нужно нормальное общество. На этой идее, в частности, была основана и со-

ветская педагогическая система. Когда говорят о социальной среде как факторе формирования личности, нужно иметь в виду, что она включает в себя не только людей, окружающих человека, но и весь мир культуры, с которой он соприкасается: технологию производства, убранство жилья и служебных помещений, одежду и обувь, книги, фильмы, дороги, парки, транспорт и даже туалеты. Все это входит в социальную среду и в немалой степени участвует в формировании внутреннего мира человека.

Вариантом социологического направления в антропологии выступает также теория социальных ролей, основанная на идее французского ученого Г. Тарда, согласно которой процесс социализации личности строится на основе подражания. В частности, одной из основных причин преступности он считал то, что молодые люди стараются копировать манеры и образ жизни пользующихся среди них авторитетом некоторых лиц с криминальным поведением. В американской социологии теорию ролей развивал Т. Парсонс. Основываясь на отдельных идеях Фрейда о подражании мальчика отцу, он сделал вывод о копировании ролевого поведения как первичном и главном звене социализации личности. Такие же идеи развивал и Д. Г. Мид, полагавший что «Я» ребенка формируется в результате принятия на себя роли другого, идентификации с ним, достигаемого в детстве с помощью игры.

Согласно этой концепции, получается, что человек есть совокупность социальных ролей, масок, которые он надевает в зависимости от ситуации. В одном случае надевается маска студента, в другом — пассажира, третьем — сына, четвертом — покупателя и т. д. Вся социализация, таким образом, есть процесс заучивания множества социальных ролей, которые и образуют личность — сущностное качество человека [6].

Кто же прав? В работах по философской антропологии, как правило, указанные подходы к объяснению человека противопоставляются. На наш взгляд, их нужно рассматривать в соответствии с принципом дополнительности: человек есть и духовное, и биологическое, и психическое и социальное существо. В зависимости от условий его существования какой-то из этих начал может в нем доминировать, уступая, при изменении ситуации, лидирующее место другому началу.

Литература:

1. Библия. Екклесиаст. 12:7.
2. Вивекананда, С. Христос-посланник // URL: <http://telosveta.narod.ru/Library/hristianstvo/poslan.htm>. Дата обращения 07.05.2014.
3. Рахматуллин, Р. Ю. Отражение личности Иисуса Христа в зеркале истории // Вестник ВЭГУ. 2011. № 2. с. 98–104.
4. Рахматуллин, Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4. с. 43–47.
5. Рахматуллин, Р. Ю. Суфийская антропология // Исламоведение. 2013. № 1. с. 64–74.
6. Рахматуллин, Р. Ю. Личностный образец как фактор социализации // Вестник ВЭГУ. 2013. № 3. с. 114–121.
7. Рахматуллин, Р. Ю. Мусульманские правовые школы суннитского толка // Молодой ученый. 2013. № 8. с. 299–303.

8. Рахматуллин, Р.Ю. О метафизических основаниях внеисторического в праве // Молодой ученый. 2013. №11. с. 549–552.
9. Рахматуллин, Р.Ю. Религия и наука: проблема взаимоотношения (на примере ислама) // Молодой ученый. 2014. №4. с. 793–795.

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 7 (66) / 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Козырева О. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Конверс», г. Казань, ул. Сары Садыковой, д. 61